MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.
Tom I.
Rok 1818.

№ 1(77), 2026

«Вестник Полоцкого государственного университета» продолжает традиции первого в Беларуси литературно-научного журнала «Месячник Полоцкий».

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаванне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.
Электронная версия номера размещена на сайте: https://journals.psu.by/humanities

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск *В.Е. Овсейчик.*
Редактор *И.Н. Чапкевич.*

Подписано к печати 27.02.2026. Бумага офсетная 80 г/м^2. Формат 60×84$^1/_8$. Ризография.
Усл. печ. л. 13,48. Уч.-изд. л. 16,25. Тираж экз. Заказ 72.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 904:739.1(476.5-21)"10/18" **DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-2-9**

ВЫТВОРЧЫЯ КОМПЛЕКСЫ ПА АПРАЦОЎЦЫ КАЛЯРОВЫХ МЕТАЛАЎ X–XVIII стст. З ТЭРЫТОРЫІ ПАЎНОЧНАЙ І ЦЭНТРАЛЬНАЙ БЕЛАРУСІ

канд. гіст. навук, дац. І.У. МАГАЛІНСКІ
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)

У артыкуле прадстаўлены вынікі абагульняючага даследавання вытворчых комплексаў па апрацоўцы каляровых металаў X–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі. Аўтар прыходзіць да высновы, што асноўнымі цэнтрамі вырабу прадукцыі ювелірнага рамяства ў X–XVIII стст. у рэгіёне з'яўляліся гарадскія майстэрні (Полацк, Віцебск, Мінск, Друцк). Адзначаецца, што на тэрыторыі сельскіх паселішчаў апрацоўка каляровых металаў магла існаваць у якасці самастойнага віду рамеснай дзейнасці толькі ў межах гандлёва-рамесніцкіх паселішчаў X–XI стст. (Кардон). Аўтарам устаноўлена таксама, што вытворчыя комплексы па апрацоўцы каляровых металаў X–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі адносяца да некалькіх храналагічных груп: X–XI стст. (3 комплексы), XII–XIII стст. (8 комплексаў) і XVII–XVIII стст. (1 комплекс), якія адрозніваюцца асаблівасцямі тэхналагічных аперацый, інструментамі і прыстасаваннямі, а таксама хімічным складам сыравіннага метала.

Ключавыя словы: *археалогія Беларусі, гісторыя старажытнай тэхналогіі, ювелірнае рамяства, археаметалургія.*

Важным сведчаннем існавання на пэўнай тэрыторыі вытворчай дзейнасці па апрацоўцы каляровых металаў з'яўляюцца знаходкі адмысловых інструментаў і прыстасаванняў лакалізаваных у межах блізка размешчаных пабудоў ці іх слядоў, часам разам з рэшткамі печаў, шлакаў, металічных аплаўкаў і абрэзкаў. Такія комплексы ў літаратуры часта вызначаюцца ў якасці "вытворчых ювелірных комплексаў" і ў гэтым сэнсе сінанімічныя паняццю "майстэрня" [1, с. 100–101; 2, с. 203–204; 3, с. 21; 4, с. 64; 5, с. 233; 6, с. 115–116]. Значэнне даследавання такіх аб'ектаў заключаецца ў магчымасці прасачыць увесь спектр прац па апрацоўцы каляровых металаў у межах аднаго комплекса, вылучыць напрамкі эвалюцыі старажытнай тэхнікі і тэхналогіі, выявіць лакальныя адметнасці ювелірнага рамяства, устанавіць тыпы металічнай сыравіны, якая выкарыстоўвалася мясцовымі рамеснікамі.

Вытворчыя ювелірныя комплексы і сляды вытворчай дзейнасці па апрацоўцы каляровых металаў у межах гарадоў. Найбольшая колькасць майстэрняў па апрацоўцы каляровых металаў была выяўлена ў Полацку, які доўгі час з'яўляўся адміністрацыйным, палітычным, эканамічным і культурным цэнтрам рэгіёна. На сённяшні дзень на тэрыторыі горада археалагічна даследавана 7 вытворчых ювелірных комплексаў, у Віцебску – 2, у Мінску – 1, яшчэ адзін вытворчы комплекс выяўлены ў Друцку [7; 8, с. 128; 9, с. 205–206; 10; 11; 12, с. 121–122; 13, с. 261; 14, с. 45; 15, с. 372]. Вядомыя на сённяшні дзень у межах гарадоў майстэрні магчыма аднесці да трох храналагічных груп: X–XI стст., XII–XIII стст. і XVII–XVIII стст.

Вытворчыя комплексы X–XI стст. Майстэрня X–XI стст. была выяўлена ў ходзе раскопак 1989–1990 гг. на Ніжнім замку Полацка. У межах каркасна-слупавой канструкцыі, якая загінула ў пажары, былі выяўлены рэшткі печы-каменкі разам з фрагментамі тыгляў, шкляных пацерак і бурштына. Усяго выяўлена каля 80 кругладонных тыгляў і іх фрагментаў, два шырокагубыя арнаментаваныя ювелірныя пінцэты, ювелірнае кавадлачка, фрагмент раўнаплечых вагаў і гірка-разнавага, сыравінны метал і гатовыя вырабы [9, с. 205–206; 10, с. 267].

Асабліва неабходна спыніцца на характарыстыцы вытворчага ювелірнага комплекса X – пачатку XI ст., які быў выяўлены і часткова даследаваны падчас археалагічных раскопак 2023 г. на тэрыторыі Ніжняга замка Полацка [16]. У ходзе даследаванняў у шурфах № 1 і № 4 былі зафіксаваны шматлікія сведчанні вытворчай дзейнасці па апрацоўцы каляровых металаў. Так, у шурфе 1, у межах другога стратыграфічнага гарызонта выяўлены развал печы-каменкі, у межах якой знойдзены тыглі для плаўкі каляровых металаў розных тыпаў са слядамі ашлакоўвання (звыш 3000 фрагментаў), рэшткі глінянай ліцейнай формы, зробленай па выплаўляемай мадэлі, фрагменты керамічных соплаў, аплаўкі і кроплі металу, а таксама шматлікія фрагменты глінянай абмазкі печы са слядамі шлакаў каляровых металаў. На датаванне вытворчага комплексу ўказваюць венцы керамічных гаршкоў, шматлікія знаходкі шкляных, гліняных і хрустальных пацерак, тыповых для X–XI стст., клад з шасці візантыйскіх фолісаў 60-х гг. X ст., чатырнадцацігранныя гіркі-разнавагі, а таксама абрэзак арабскага дырхема. Знаходкі, звязаныя з вытворчай дзейнасцю па апрацоўцы каляровых металаў, выяўлены таксама падчас даследавання шурфа 4. Сярод артэфактаў тут сустрэты фрагменты плавільных тыгляў, аплаўкі і кроплі металу, металічныя абрэзкі і фрагменты дроту, гіркі-разнавагі, роўнаплечыя вагі (3 экз.), створкі двух металічных ліцейных форм, а таксама сыравінны метал. Важнейшае значэнне мае выяўленне ў мацерыковай яме ў межах Шурфа 5 вялікага фрагмента тыгля разам з адлўкай ажурнай умбонападобнай часткі авальнай рэльефнай фібулы, якую магчыма датаваць першай паловай – сярэдзінай X ст. [17, p. 75].

Знойдзеныя сляды рамеснай дзейнасці ўказваюць на існаванне ювелірнай вытворчасці па апрацоўцы каляровых металаў на вялікай плошчы (каля 7000 м^2). Мясцовыя ювеліры спецыялізаваліся на ліцейных аперацыях, на што ўказваюць шматлікія знаходкі плавільных ёмістасцей (тыгляў). Адліўкі праводзіліся ў металічныя ліцейныя формы, а таксама ў пластычныя прыстасаванні, зробленыя па выплаўляемых мадэлях. Ліцейныя аперацыі ажыццяўляліся на аддаленні ад жылых пабудоў у печах-каменках, абмазаных глінай. Высокія тэмпературы ў такіх канструкцыях падтрымліваліся дзякуючы горнам, соплы якіх рабіліся з матэрыялу, блізкага да глінянага цеста тыгляў. Сыравінай для вытворчасці з'яўляліся манетныя медзь і серабро, а таксама металічны лом і зліткі металу. Дадаткова ў майстэрнях апрацоўваўся бурштын. Падчас даследавання сустрэты таксама некалькі дробных фрагментаў охры, якія таксама маглі выкарыстоўвацца для аздаблення прадукцыі ювелірнай вытворчасці. Майстэрні спецыялізаваліся на вырабе ўпрыгажэнняў, арыентаваных як на мясцовае славянскае (фігурныя ромбападобныя (“бутэлькападобныя”) падвескі), так і на скандынаўскае насельніцтва (дэталі авальных рэльефных фібул).

Для лепшага разумення адметнасцей ювелірных майстэрняў X–XI стст. неабходна прааналізаваць склад металічнай сыравіны, якая выкарыстоўвалася ў каляровай металаапрацоўцы на тэрыторыі асобных вытворчых комплексаў[1].

Так, у выніку даследавання хімічнага складу рэшткаў металічнай сыравіны на сценках 60 тыгляў, выяўленых у межах “квартала ювеліраў” X–XI стст. на тэрыторыі Ніжняга замка Полацка, устаноўлена, што ў ёмістасцях у асноўным плавілася свінцовая латунь (52 экз., 87%). Акрамя таго, у выбарцы прадстаўлены двайныя латуні (2 экз.), шматкампанентныя сплавы (3 экз.), а таксама алавяная латунь (1 экз.). Асабліва трэба вылучыць у выбарцы знаходкі двух фрагментаў тыгляў са слядамі медзі, цынка, серабра і золата на ўнутранай паверхні. У цэлым, каляровы метал з вытворчых комплексаў X–XI стст. з Полацка вызначаецца перавагай складаных шматкампанентных сплаваў. Так, сярод 64 артэфактаў гэтага часу, для якіх вядомы хімічны склад, шматкампанентныя сплавы сустрэты ў 25 экз. (39% выбаркі). Пры гэтым у калекцыі ў роўнай ступені сустракаюцца як шматкампанентныя бронзы (13 экз.), так і шматкампанентныя латуні (13 экз.). Складаныя бронзы вызначаюцца перавагай прадметаў з высокімі канцэнтрацыямі волава (звыш 10% – 7 экз.), а шматкампанентная латунь – сярэднімі і высокімі ўтрыманнямі цынка (5–10% – 6 экз., звыш 10% – 5 экз.). Прыкладна ў роўнай ступені ў выбарцы сустракаюцца латуні (14 экз., 22%) і бронзы (16 экз., 25%). Пры гэтым сярод медна-цынкавых сплаваў пераважаюць свінцовыя латуні (13 экз.), якія вылучаюцца істотнымі ўтрыманнямі цынка (5–10 % – 6 экз., звыш 10% – 3 экз.). Сярод бронзавых сплаваў найбольшай колькасцю прадстаўлены алавяна-свінцовыя бронзы (10 экз.). Канцэнтрацыя цынка ў падобных сплавах не перавышае 0,9%, утрыманне волава ў складзе 5 экз. знаходзіцца ў дыяпазоне 1–5%, у 3 экз. – 5–10%, звыш 10% Sn зафіксавана ў 2 экз. Алавяна-свінцовыя сплавы і нелегіраваныя легкаплаўкія металы прадстаўлены ў 6 экз. (9,4% ад агульнай колькасці), пры гэтым пераважаюць сплавы на аснове свінца (4 экз.). Адзінкавымі экзэмплярамі прадстаўлены вырабы з “чыстай” медзі (1 экз.) і сплаваў каштоўных металаў (2 экз.).

Ювелірныя комплексы X–XI стст. выяўлены ў Гнёздава, Гарадку на Ловаці, Рурыкавым гарадзішчы, Навагрудку і інш. [18, с. 67–68; 19, с. 74; 20, с. 123; 21, с. 14–16].

Вытворчыя комплексы XII–XIII стст. Найбольшай колькасцю ў матэрыялах археалагічных даследаванняў прадстаўлены гарадскія вытворчыя комплексы XII–XIII стст. (8 аб'ектаў).

Храналагічна найбольш ранню дату мае комплекс XII стст. з даследаванняў Д.У. Дука і А.Л. Коца 2013 г. на тэрыторыі заходняй часткі Запалоцкага пасада Полацка. Падчас даследаванняў раскопа 6, пасля зачысткі другога ўмоўнага пласта ў гумусіраваным слоі былі выяўлены сляды пабудовы, якая прасочвалася ў перадмацерыковым пласце і мацерыковай яме. Характар знаходак, якія былі выяўлены падчас даследавання рэшткаў сядзібы, дазволілі ідэнтыфікаваць яе ў якасці комплексу па апрацоўцы каляровых металаў. У ходзе раскопак знойдзена 16 фрагментаў тыгляў, 5 з якіх не мелі слядоў ашлакоўвання, закрытая лыжкападобная льячка з рэшткамі металу ўнутры, бракаваная луніца, нарыхтоўкі, пласцінкі, дрот, матрыца і іншыя прадметы [11, с. 20].

Для вывучэння адметнасцей мясцовай каляровай металаапрацоўкі намі было праведзена комплекснае даследаванне хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў, якія былі выяўлены падчас гэтых раскопак [22]. Вывучаўся хімічны склад 20 прадметаў. У выніку ўстаноўлена, што “чыстая медзь” у калекцыі прадстаўлена адным артэфактам. Сярод бронзавых вырабаў пераважаюць артэфакты, зробленыя са свінцовай (4 прадметы) і алавяна-свінцовай бронзы (2 прадметы). У калекцыі пераважаюць артэфакты, зробленыя са свінцовай латуні (8 прадметаў), якія ў сваім складзе, акрамя цынка, утрымліваюць свінец. Канцэнтрацыя цынка даследаваных вырабаў вагаецца ад 1,7 да 8,8%, што з'яўляецца нізкім паказчыкам для сплаваў гэтага тыпу. Шматкампанентныя сплавы ў калекцыі прадстаўлены вырабамі са шматкампанентнай латуні (1 прадмет) і шматкампанетнай бронзы (1 прадмет). Мясцовыя ювеліры выкарыстоўвалі таксама легкаплаўкія сплавы на аснове свінца (4 прадметы).

Найбольшая па плошчы майстэрня XII–XIII стст. знойдзена падчас раскопак С.В. Тарасава ў 1987–1988 гг. на тэрыторыі Вялікага пасада Полацка. Падчас даследаванняў у другім будаўнічым гарызонце быў выяўлены вялікі сядзібны комплекс, які складаўся з сямі пабудоў, размешчаных на плошчы 1500 м^2. У ходзе вывучэння сядзібы знойдзены шматлікія сляды вытворчай дзейнасці па апрацоўцы каляровых металаў: раўнаплечыя вагі,

---

[1] Хімічны склад металу з вытворчых ювелірных комплекаў X–XVIII стст. даследаваўся аўтарам з дапамогай оптыка-эмісійнага спектральнага аналіза і рэнтгенафлуарэсцэнтнага спектральнага аналіза ў лабараторыях Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай і лазернага спектральнага аналіза ў Інстытуце фізікіі НАН Беларусі імя Б.І. Сцяпанава.

гіркі-разнавагі, ювелірны пінцэт, тыглі для плаўкі каляровых металаў, ліцейныя формы, нарыхтоўкі, гатовыя вырабы. У межах комплексу былі выяўлены сляды апрацоўкі бурштыну і шкла. Да майстэрні мог мець дачыненне развал плінфы другаснага выкарыстання разам са значнай колькасцю фрагментаў тыгляў, металургічных шлакаў і соплаў горнаў, які магчыма вызначыць у якасці рэшткаў печы для плаўкі каляровых металаў [10, с. 268–271].

У выніку даследавання хімічнага складу 48 артэфактаў з каляровых металаў, які паходзяць з вытворчага ювелірнага комплексу XII–XIII стст. на Вялікім пасадзе Полацка, устаноўлена, што найбольшай колькасцю ў выбарцы прадстаўлены медна-цынкавыя сплавы – 21 абразец (44%). Пры гэтым істотна пераважаюць высокацынкавыя свінцовыя латуні (20 абразцоў). Так, у складзе 13 артэфактаў з гэтага сплаву ўтрыманне цынка перавышае 10,0% (ад 11,59% да 24,17%). Асабліва трэба адзначыць, што сярод даследаваных абразцоў са свінцовай латуні 6 – гэта сыравінны метал і нарыхтоўкі. Другой па колькасці групай сплаваў выбаркі сталі складаныя шматкампанентныя латуні (15 экз., 31%). Важна адзначыць істотныя канцэнтрацыі цынка ў метале абразцоў. Так, у складзе 5 экзэмпляраў зафіксавана звыш 15% гэтага легіруючага элементу (ад 11,58% да 24,86%), у 8 абразцах канцэнтрацыя Zn выяўлена ў дыяпазоне ад 5,87% да 9,94%. Пры гэтым, колькасць волава ў прадметах не перавышае 4,32% (14 абразцоў). Сярод даследаваных артэфактаў 10 адносяцца да катэгорыі сыравіннага металу (нарыхтоўкі). Колькасць прадметаў з іншых каляровых металаў і сплаваў у выбарцы не істотная. Так, сустрэты 4 экзэмпляры вырабаў з "чыстай" медзі з утрыманнем не менш чым 99% Cu. Бронзы прадстаўлены 6 прадметамі з алавянай (1 экз.), алавяна-свінцовай (4 экз.) і свінцовай бронзы (1 экз.). Два экзэмпляры ў калекцыі з'яўляюцца вырабамі з алавяна-свінцовых сплаваў і нелегіраваных легкаплаўкіх металаў.

Такім чынам, майстэрня XII–XIII стст. на Вялікім пасадзе Полацка спецыялізавалася на апрацоўцы высокацынкавых латунных сплаваў, якія выкарыстоўваліся пераважна для вытворчасці ўпрыгажэнняў балцкіх тыпаў (звярынагаловыя бранзалеты, падковападобныя фібулы). Падобная высокаякасная сыравіна, а таксама шырокае ўжыванне ў працы комплекса бурштыну указваюць на сталыя кантакты ювеліраў з "прыбалтыйскай" зонай каляровай металаапрацоўкі.

Падчас раскопак 1961–1962 гг. на тэрыторыі Верхняга замка былі выяўлены два рамесныя вытворчыя комплексы XIII ст. Першая майстэрня датуецца 40-мі гг. XIII стст. і адзначаецца знаходкамі характэрнага набору артэфактаў, сярод якіх выяўлены 12 масіўных конусападобных тыгляў і іх фрагментаў з нацёкамі металу, абломак каменнай ліцейнай формы, а таксама нарыхтоўкі і гатовыя вырабы. Побач з гэтай пабудовай быў выяўлены развал вуголля і ліцейных шлакаў з нацёкамі сіняга і карычневага колеру, разам з якімі быў знойдзены фрагмент тыгля. Магчыма меркаваць, што дадзеная знаходка маркіруе месца, дзе ажыццяўлялася плаўка металаў і разліўка іх у формы [23, с. 18, 21; 14, с. 45]. Вытворчы комплекс быў знішчаны ў пажары, аднак працягнуў існаваць на іншым месцы ў межах новага комплексу пабудоў, які датуецца 1276 г. Падчас даследаванняў тут былі зафіксаваны матэрыялы, звязаныя з вытворчымі працэсамі па апрацоўцы каляровых металаў: фрагменты каменных ліцейных форм, злітак свінцу, свінцовыя аплаўкі, фрагменты тыгляў, медны выраб і фрагмент пярсцёнка [14, с. 41; 23, с. 9].

Для выяўлення адметнасці ювелірнай вытворчасці ў майстэрнях XIII ст. на Верхнім замку Полацка намі быў даследаваны хімічны склад 33 артэфактаў з каляровых металаў. У выніку ўстаноўлена, што найбольшай колькасцю прадстаўлены бронзавыя і легкаплаўкія сплавы. Бронзы сустрэты ў колькасці 14 экзэмпляраў з алавянай (2 экз.), алавяна-цынкавай (1 экз.), свінцовай (1 экз.) і алавяна-свінцовай (10 экз.) бронзы. Такім чынам, у выбарцы пераважна прадстаўлены сплавы CuSnPb, якія адрозніваюцца сярэднімі і нізкімі канцэнтрацыямі волава (у 5 экз. – ад 1,1 да 4,43%, максімум – 10,72%), пры гэтым утрыманне свінца не перавышае 5%. Варта таксама адзначыць, што сярод прадметаў з алавяна-свінцовай бронзы большасць складаюць прадметы хрысціянскага культу. Важнае значэнне ў каляровай металаапрацоўцы XIII ст. на Верхнім замку Полацка мелі алавяна-свінцовыя сплавы і нелегіраваныя легкаплаўкія металы. Сустрэты "чыстае" волава (1 экз.), сплавы на аснове свінца (2 экз.), волава (6 экз.). З легкаплаўкіх металаў у калекцыі зроблены ўпрыгажэнні (перадусім, манетападобныя падвескі) і сыравінны метал (4 экз.). Адметнай рысай выбаркі трэба лічыць таксама нязначную колькасць медна-цынкавых (3 экз.), складаных шматкампанентных сплаваў (3 экз.) і прадметаў з "чыстай" медзі.

Такім чынам, рамеснікі з майстэрняў XIII ст. на Верхнім замку Полацка спецыялізаваліся на выкарыстанні алавяна-свінцовых бронз і алавяна-свінцовых сплаваў і нелегіраваных легкаплаўкіх металаў. Пры гэтым выбарка з Верхняга замку выразна адрозніваецца ад майстэрні з Вялікага пасада мінімальнай колькасцю медна-цынкавых сплаваў, а выяўленыя прадметы з латуней вылучаюцца нізкімі ўтрыманнямі цынка. Дадзеныя акалічнасці набліжаюць мясцовую выбарку да так званай "вяцічскай" зоны металаапрацоўкі, для якой характэрна пераважнае выкарыстанне алавяна-свінцовых бронз з нізкімі і сярэднямі канцэнтрацыямі волава [24, с. 117–121].

Падчас даследаванняў на тэрыторыі Ніжняга замка Віцебска раскопкамі былі адкрыты рэшткі двух майстэрняў па апрацоўцы каляровых металаў [12, с. 122]. Адна сядзіба датуецца першай паловай XIII ст. і вылучаецца знаходкамі некалькіх дзясяткаў кавалкаў металічных шлакаў, фрагментамі дэфармаванай керамікі з нацёкамі каляровага металу, фрагментамі тыгляў, а таксама комплексам вырабаў з алавяна-свінцовага сплаву. У пабудове таксама знойдзена некалькі кавалкаў жалезных шлакаў і крыц. На думку Т.С. Бубенько, мясцовы майстар займаўся не толькі апрацоўкай каляровага, але і чорнага металу [12, с. 122]. Другой паловай XIII ст. датуецца яшчэ адна майстэрня, падчас даследавання якой знойдзены фрагменты керамічных тыгляў, у якіх плавілася алавяная бронза [12, с. 122].

Асобна неабходна спыніцца на характарыстыцы хімічнага складу 31 вырабу з каляровых металаў XI–XIII стст. з раскопак на Ніжнім замку Віцебска, у тым ліку, з апісаных вышэй майстэрняў [12, с. 172–173].

Даследаваныя прадметы адносяцца да наступных сплаваў: бронза (17 абразцоў, 55% выбаркі), “чыстая” медзь (7 абразцоў, 23% выбаркі), алавяна-свінцовыя металы і нелегіраваныя легаплаўкія сплавы (9 абразцоў, 29% выбаркі), сплавы каштоўных металаў (2 абразцы, 6,5% выбаркі). Важна адзначыць поўную адсутнасць сярод абразцоў медна-цынкавых сплаваў, а таксама перавагу алавяна-свінцовых бронз з нізкім ці сярэднім утрыманнем волава. Шырокае выкарыстанне ў каляровай металаапрацоўцы алавяна-свінцовых бронз і алавяна-свінцовых сплаваў набліжае віцебскую выбарку да матэрыялаў з Верхняга замку Полацка XIII ст. [25, с. 6].

У слоі пачатку XIII ст. падчас даследаванняў Мінска была адкрыта зрубная канструкцыя П61 памерам 4,0 × × 4,0 м. Частка падлогі пабудовы ў яе заходняй частцы была зроблена з бярозавых круглякоў, астатняя частка была засцелена бярозавай карой. Унутры канструкцыі былі выяўлены матэрыялы, якія ўказваюць на яе прызначэнне: дзве створкі адной каменнай ліцейнай формы для адліўкі гузікаў, ювелірны зацiскны пінцэт, прамавугольныя накладкі на конскую збрую, бразготка, гузік. У межах майстэрні была знойдзена мініяцюрная каменная сякера з такога ж матэрыялу, што і форма [13 с. 261].

У выніку даследавання хімічнага складу 32 прадметаў, пераважна, XII–XIII стст. з археалагічных раскопак Мінска ўстаноўлена, што найбольшай колькасцю прадстаўлены вырабы з алавяна-свінцовай бронзы (14 экз., 44% выбаркі), якія вылучаюцца істотным утрыманнем волава. Так, у складзе 6 прадметаў канцэнтрацыя гэтага легіруючага элемента перавышае 20%, пры гэтым большая частка артэфактаў з алавяна-свінцовай бронзы вызначаецца таксама ўтрыманнем менш 10% свінца (10 экз.). Другой найбольш распаўсюджанай ў каляровай металаапрацоўцы на тэрыторыі Мінска групай сплаваў з’яўляюцца легкаплаўкія сплавы і нелегіраваныя легкаплаўкія металы, якія прадстаўлены 9 абразцамі (28% выбаркі) са сплаваў на аснове волава (4 экз.) і свінца (5 экз.). Сярод іншых сплаваў з мінскай выбаркі адзінкавымі экзэмплярамі прадстаўлены алавяная латунь (1 экз.), свінцовая латунь (2 экз.), алавяная бронза (2 экз.), шматкампанентная бронза (1 экз.), шматкампанентная латунь (2 экз.), а таксама адзіны выраб, які складаецца са сплава на аснове медзі з павялічаным утрыманнем серабра.

Такім чынам, для каляровага металу Мінска характэрна перавага алавяна-свінцовых бронз, а таксама легкаплаўкіх сплаваў і нелегіраваных легкаплаўкіх металаў.

Да ліку ювелірных майстэрняў таксама трэба аднесці пабудову, якая была выяўлена ў Друцку падчас раскопак В.М. Ляўко ў 2013 г. На прызначэнне канструкцыі ўказваюць знайдзеныя ў яе межах фрагменты соплаў горнаў плавільнай печы, а таксама створка каменнай ліцейнай формы [15, с. 372]. Трэба адзначыць, што каляровы метал Друцка паводле свайго складу падобны да металу Віцебска, Мінска і Полацка, што ў цэлым адлюстроўвае асаблівасці масавай гарадской ювелірнай вытворчасці для перыяду XII–XIII стст.

Для даследавання друцкай каляровай металаапрацоўкі намі быў прааналізаваны хімічны склад 65 прадметаў XII–XIII стст., якія былі знойдзены на тэрыторыі горада падчас археалагічных раскопак пад кіраўніцтвам В.М. Ляўко ў перыяд з 2008 па 2013 гг. У выніку ўстаноўлена, што найбольшай колькасцю ў выбарцы прадстаўлены бронзы (23 экз., 35%) і легкаплаўкія сплавы (25 экз., 38%), сустрэты таксама шматкампанентныя сплавы (7 экз., 11%), латуні (6 экз., 9,2%), вырабы з серабра (3 экз., 4,6%) і сплавы на аснове медзі з павялічаным утрыманнем серабра (1 экз., 1,5% выбаркі).

Бронзы прадстаўлены вырабамі з алавяна-свінцовай (16 экз.) і свінцовай (7 экз.) бронзы. Абразцы з алавяна-свінцовай бронзы адрозніваюцца высокім утрыманнем волава. Так, у 13 прадметах канцэнтрацыя Sn перавышае 10%. Варта адзначыць, што ўтрыманне свінца ў сплавах з алавяна-свінцовай бронзы ў большасці выпадкаў не перавышае 10%, і толькі ў трох вырабах утрымліваецца большая колькасць гэтага металу. Свінцовыя бронзы прадстаўлены ў калекцыі 7 экзэмплярамі. У метале абразцоў зафіксаваны нізкія канцэнтрацыі свінца (менш за 5% у складзе 5 экз.). Найбольшая колькасць Pb выяўлена ў пласціне невядомага прызначэння – 13,12%. Медна-цынкавыя сплавы прадстаўлены ў выбарцы шасцю прадметамі са свінцовай латуні. Канцэнтрацыя цынку ў вырабах вагаецца ад 2,79 да 14,81%, пры гэтым у метале 3 артэфактаў выяўлена больш за 10% Zn. У складзе 3 прадметаў зафіксавана значнае ўтрыманне свінцу (13,07 – 22,62%).

Вялікую ролю ў каляровай металаапрацоўцы Друцка адыгрывалі вырабы з алавяна-свінцовых сплаваў і нелегіраваных легкаплаўкіх металаў (25 экз.). Сярод даследаваных абразцоў вылучаюцца сплавы на аснове волава: сплаў волава з меддзю (9 экз.); сплаў волава з меддзю і свінцом (6 экз.); сплаў волава з меддзю, цынкам і свінцом (1 экз.), сплаў волава са свінцом (1 экз.); “чыстае” волава (4 экз.). Вырабы на аснове свінцу прадстаўлены сплавамі свінца з меддзю (3 экз.) і сплавамі свінца з цынам (1 экз.).

Шматкампанентныя сплавы прадстаўлены ў выбарцы 7 абразцамі. Шматкампанентная бронза сустрэта ў складзе 3 артэфактаў. Прадметы характарызуюцца значным утрыманнем волава і свінца, якія перавышаюць 10%, а таксама нізкім і сярэднім утрыманнем цынку (да 6,57%). Чатыры прадметы ў выбарцы зроблены са шматкампанентнай латуні. Вырабы характарызуюцца нізкім утрыманнем волава (да 3,46%), а таксама пераважна высокім і сярэднім утрыманнем свінцу (ад 2,97 да 12,46%) і цынку (ад 6,75 да 19,85%). Найбольшая колькасць Zn зафіксавана ў складзе металічнай пласціны невядомага прызначэння (19,85%).

Ювелірныя майстэрні на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі ў XII–XIII стст. маюць шмат агульнага з сінхроннымі вытворчымі комплексамі з іншых тэрыторый. Вытворчасць вырабаў з каляровых металаў у межах жылых комплексаў была зафіксавана у Наваградку, Ноўгарадзе, Уладзіміры [26, с. 127–137; 4, с. 64]. На аснове тапаграфіі ювелірных майстэрняў спадчынная пераемнасць рамеснай вытворчасці фіксуецца ў Наваградку і Ноўгарадзе [27, с. 226–227].

Вытворчы комплекс XVII – XVIII стст. У ходзе даследаванняў 2005 г. на Вялікім пасадзе Полацка была выяўлена адзіная вядомая на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі ювелірнай майстэрня, якая датуецца XVII–XVIII стст. [7]. Сярод інструментаў і прыстасаванняў вытворчасці па апрацоўцы каляровых металаў падчас даследаванняў у межах сядзібнага комплексу былі знойдзены малаточак і 50 фрагментаў тыгляў. У ходзе прац была выяўлена таксама вялікая колькасць нарыхтовак і гатовых вырабаў [28, с. 173]. Вытворчы комплекс XVII–XVIII стст. мае шмат агульнага з сінхроннымі помнікамі з іншых тэрыторый [29, с. 165; 30, с. 278].

Асабліва трэба адзначыць адметнасці хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў, знойдзеных падчас даследаванняў дадзенага комплексу. Так, у выніку вывучэння элементнага складу 13 абразцоў устаноўлена, што асноўнай сыравінай для вытворчасці з'яўляліся цынкаўтрымальныя сплавы, сярод якіх латуні (9 экз., 69% выбаркі) і шматкампанентныя латуні (2 экз., 15% выбаркі). Медна-цынкавыя сплавы вызначаюцца істотнымі канцэнтрацыямі цынка, якія дасягаюць 25%. Акрамя таго, падчас даследаванняў былі выяўлены таксама два артэфакты, зробленыя з "чыстай" медзі, якія характарызуюцца высокім працэнтам утрымання Cu – звыш 98%.

Вытворчыя ювелірныя комплексы на тэрыторыі гандлёва-рамесніцкіх і сельскіх паселішчаў. У сувязі з абмежаванасцю ўскрытай археалагічнымі даследаваннямі плошчы на сельскіх паселішчах у межах Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі, інфармацыя адносна распаўсюджанасці каляровай металаапрацоўкі на дадзенай катэгорыі помнікаў носіць адрывачны характар. На сённяшні дзень дакладна не лакалізавана вытворчых комплексаў, якія б адпавядалі ўсім неабходным крытэрыям, што дазвалялі б безумоўна звязаць пэўны аб'ект з апрацоўкай каляровых металаў. Сярод апублікаваных матэрыялаў да катэгорыі *вытворчых ювелірных комплексаў* магчыма з пэўнай верагоднасцю аднесці знаходку аднаго аб'екта на тэрыторыі гандлёва-рамесніцкага паселішча Кардон. Помнік быў выяўлены ў 2015 г. экспедыцыяй Інстытута гісторыі НАН Беларусі паміж сучаснымі вёскамі Кардон і Ілава Шумілінскага раёна [31, с. 87–88].

Асноўная маса археалагічных знаходак, выяўленых на помніку, датуецца IX–XI стст. Аб'ект, які магчыма лічыць вытворчым комплексам па апрацоўцы каляровых металаў, знойдзены падчас раскопак 2016 г. на тэрыторыі Селішча-1, якое размяшчаецца каля ўсходняга схілу гарадзішча (раскоп 1). У ходзе працы сляды вытворчай дзейнасці былі выяўлены ў межах аб'екта 2, які ўяўляе сабой сляды канструкцыі ў выглядзе мацерыковай ямы ў форме авала з размытымі абрысамі (5,0 × 4,0 × 0,3 м). Сярод запаўнення аб'екта неабходна адзначыць скапленне камянёў у верхняй яго частцы, запоўненых вуглістым суглінкам з уключэннямі попелу, што дазваляе разглядаць указаную канструкцыю як рэшткі печы ці вогнішча. У межах аб'екта былі знойдзены фрагменты кругладонных цыліндрычных тыгляў-стаканаў, глінянае праселка, а таксама фрагменты ганчарнага посуду. Аўтар раскопак, С.Д. Дзярновіч, мяркуе, што аб'ект 2 маркіруе рэшткі бронзаліцейнай майстэрні. Неабходна таксама адзначыць, што ў раскопе 1 былі выяўлены 2 фрагментаваныя пінцэты, якія магчыма звязаць з існаваўшым у канцы X – пачатку XI стст. вытворчым комплексам па апрацоўцы каляровых металаў [32, с. 132–133].

Для ўстанаўлення адметнасцей мясцовай каляровай металаапрацоўкі намі быў даследаваны хімічны склад 115 абразцоў, якія былі выяўлены падчас археалагічных даследаванняў на тэрыторыі гандлёва-рамесніцкага паселішча Кардон [33, с. 300–301]. У выніку ўстаноўлена, што найбольшае распаўсюджванне на тэрыторыі помніка атрымалі медна-цынкавыя сплавы, перш за ўсё, свінцовыя і шматкампанентныя латуні. Высокае ўтрыманне лятучага цынку ў вырабах са шматкампанентнага сплава сведчыць аб наяўнасці ў мясцовых рамеснікаў непасрэднага доступу да "свежага" металу. Сыравіна ў майстэрні паступала не толькі ў выглядзе металічнага лома, але і ў злітках, пра што сведчыць наяўнасць у выбарцы падобнага вырабу са шматкампанентнай латуні. Важнай адметнай рысай медна-цынкавых сплаваў з Кардона з'яўляецца перавага абразцоў з высокім утрыманнем свінцу. Устаноўлена таксама, што істотную ролю ў каляровай металаапрацоўцы на тэрыторыі помніка займалі бронзы, агульная доля якіх у выбарцы складае 21,4%. Сярод абразцоў найбольшай колькасцю прадстаўлены свінцовыя бронзы, якія адрозніваюцца высокімі канцэнтрацыямі свінцу. Таксама важна адзначыць наяўнасць вырабаў з "чыстай" медзі (11% выбаркі) і прадметаў са сплаваў на аснове волава і свінцу (16% выбаркі).

Такім чынам, магчыма зрабіць наступныя высновы адносна існавання вытворчых ювелірных комплексаў на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі ў X–XVIII стст.

1. Асноўнымі цэнтрамі вырабу прадукцыі ювелірнага рамяства ў X–XVIII стст. на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі з'яўляліся гарадскія вытворчыя комплексы па апрацоўцы каляровых металаў. У межах гарадоў рэгіёна зафіксавана адзінаццаць асобных майстэрняў, якія ў асноўным звязаныя з інтэнсіўным ростам ювелірнай вытворчасці ў XII–XIII стст. і адлюстроўваюць арыентацыю мясцовага рамяства на выраб масавай прадукцыі стандартызаванага выгляду. Галоўным цэнтрам вытворчасці па апрацоўцы каляровых металаў з'яўляўся Полацк, дзе археалагічна было зафіксавана сем розначасовых майстэрняў X–XVIII стст. На тэрыторыі сельскіх паселішчаў апрацоўка каляровых металаў магла існаваць у якасці самастойнага віду рамеснай дзейнасці толькі у межах гандлёва-рамесніцкіх паселішчаў X–XI стст. (Кардон), дзе зафіксавана прысутнасць паўночнаеўрапейскага кампаненту, які, верагодна, і быў носьбітам рамесных традыцый звязаных з каляровай металаапрацоўкай. На іншых сельскіх паселішчах ювелірная вытворчасць не з'ўлялася асобным відам рамеснай дзейнасці і насіла эпізадычны характар, а датаванне сведчанняў вытворчай дзейнасці не выходзіць за межы XIII ст.

2. Вытворчыя комплексы па апрацоўцы каляровых металаў X–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі магчыма аднесці да некалькіх храналагічных груп: X–XI стст. (3 комплексы), XII–XIII стст. (8 комплексаў) і XVII–XVIII стст. (1 комплекс).

Для найбольш ранніх майстэрняў X–XI стст. характэрна выкарыстанне ліцця ў якасці асноўнай тэхналагічнай аперацыі. Адліўкі праводзіліся ў металічныя ліцейныя формы, а таксама ў аднаразавыя прыстасаванні, зробленыя па выплаўляемых мадэлях. Ліцейныя аперацыі ажыццяўляліся ў печах-каменках, абмазаных глінай. Высокія тэмпературы ў такіх канструкцыях падтрымліваліся дзякуючы горнам, соплы якіх рабіліся з матэрыялу, блізкага да глінянага цеста тыгляў. Сыравінай для вытворчасці з'яўляліся манетныя медзь і серабро, а таксама металічны лом і зліткі металу. Дадаткова ў майстэрнях апрацоўваўся бурштын.

Галоўнай тэхналагічнай аперацыяй у майстэрнях XII–XIII стст. таксама з'яўлялася ліццё ў каменныя ліцейныя формы з дапамогай тыгляў і льячак. Плаўка металаў ажыццяўлялася па-за межамі пабудоў на адкрытых вогнішчах ці ў адмысловых печах-горнах. Набор інструментаў і пераважнае выкарыстанне легкаплаўкай сыравіны ўказвае на арыентацыю рамеснікаў на масавую вытворчасць стандартызаваных рэчаў масавага попыту.

Асноўнымі тэхналагічнымі аперацыямі ў майстроў XVII–XVIII стст. з'яўлялася ліццё, коўка і валачэнне, што пацвярджаецца знаходкамі спецыялізаваных інструментаў і прыстасаванняў, а таксама слядамі на гатовых прадметах. Адліўкі ажыццяўляліся з дапамогай тыгляў у формы. Верагодна, найбольшае распаўсюджанне атрымала ліццё па васковым мадэлям са стратай формы, а таксама ў аднабаковыя гліняныя формы. Апрацоўка каляровых металаў у XVII–XVIII стст. вызначаецца істотнай спецыялізацыяй і вузкапрофільнасцю, што знайшло адлюстраванне ў асартыментным складзе прадукцыі, выкарыстоўваемай сыравіне і тэхналагічных прыёмах яе апрацоўкі.

3. Адлюстраваннем асноўных этапаў эвалюцыі вытворчай дзейнасці па апрацоўцы каляровых металаў трэба лічыць адметнасці выкарыстання ў вытворчасці металічнай сыравіны і інструментаў яе апрацоўкі. У межах майстэрняў, а таксама сярод слядоў вытворчай дзейнасці ў X–XI стст. пераважаюць свінцовыя і шматкампанентныя латуні са значным утрыманнем цынку. Для вытворчых комплексаў XII–XIII стст. характэрным з'яўляецца пераважнае выкарыстанне алавяна-свінцовых бронз, а таксама алавяна-свінцовых сплаваў і нелегіраваных легкаплаўкіх металаў. Дадзеная тэндэнцыя характэрная для гарадской вытворчасці, у той час як сярод прадметаў з сельскіх паселішчаў пераважаюць складаныя шматкампанентныя сплавы, якія з'яўляліся вынікам шматразовых пераплавак зыходнай сыравіны і ўказваюць на абмежаваны доступ мясцовых рамеснікаў да крыніц "свежага" металу. Неабходна таксама адзначыць, што асобныя комплексы XII ст. (майстэрня з заходняй часткі Запалоцкага пасада Полацка) магчыма разглядаць у якасці пераходных, дзе ў роўных далях ужываліся як медна-цынкавыя, так бронзавыя і легкаплаўкія сплавы. Вытворчасць па апрацоўцы каляровых металаў XVII–XVIII стст. характарызуецца пераважным выкарыстаннем якасных высокацынкавых латунных сплаваў, якія давалі магчымасць рабіць якасныя прадметы з выдатнымі фізіка-хімічнымі ўласцівасцямі, што было асабліва неабходным ва ўмовах вузкай спецыялізацыі вытворчасці і вырабу стандартызаваных прадметаў утылітарнага прызначэння.

ЛІТАРАТУРА

1. Зайцева И.Е. Производственные ювелирные комплексы Серенского детинца и их место в системе застройки (XII–XV вв.) // Труды VI Междунар. конгресса славян. археологии. – М., 1998. – Т. 2: Славянский средневековый город. – С. 100–113.
2. Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю. О ремесленном производстве на Киевском Подоле // Советская археология. – 1980. – № 2. – С. 203–219.
3. Коваленко В.П. Майстерня ювеліра XIII ст. на дитинці Любеча // Старожитності Русі-Украіны. – Київ, 1994. – С. 21–32.
4. Ениосова Н.В., Жаров Ю.Э. Ювелирный производственный комплекс из "Ветчаного города" домонгольского Владимира // Российская археология. – 2006. – № 2. – С. 64–80.
5. Сингх В.К. Производственные комплексы на усадьбах Славенского раскопа // Новгородские археологические чтения-3. – В. Новгород, 2011. – С. 233–242.
6. Магалінскі І.У. Вытворчыя ювелірныя комплексы старажытнага Полацка (X–XVII стст.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2011. – Вып. 21: Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). – С. 115–121.
7. Дук Д.У. Выратавальныя археалагічныя раскопкі на тэрыторыі Вялікага пасада Полацка ў 2005 годзе // Веснік "ПДУ". Серыя А. Гуманітарныя навукі. – 2007. – № 1. – С. 5–23.
8. Дук Д.У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). – Наваполацк: ПДУ, 2010. – 180 с.
9. Тарасаў С.В. Полацкая ювелірная вытворчасць // Археалогія Беларусі : энцыкл. У 2 т. / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.). – Мінск, 2011. – Т. 2. – С. 205–206.
10. Тарасаў С.В. Сядзіба полацкіх ювеліраў XII–XIII стст. // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэрыялы IV Міжнар. навук. канф. / Уклад. Т.А. Джумантаева. – Полацк, 2003. – С. 267–272.
11. Коц А.Л. Ювелірная майстэрня XII стагоддзя на запалоцкім пасадзе старажытнага Полацка (па матэрыялах археалагічных раскопак 2013 года) // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2015. – № 1. – С. 18–26.
12. Бубенько Т.С. Средневековый Витебск: Посад – Нижний замок (X – первая половина XIV в.). – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2004. – 276 с.
13. Загорульский Э.М. Возникновение Минска. – Минск: БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – 358 с.
14. Штыхов Г.В. Древний Полоцк IX–XIII вв. – Минск: Наука и техника, 1975. – 136 с.
15. Магалинский И.В. Обработка черных и цветных металлов (раздел IV, 12.1) / И.В. Магалинский // Друцк. Друцк и Друцкая волость (княжество) в IX–XII вв. Летопись древних слоев. Князья Друцкие и их владения в XIII–XVIII вв. Ремесло, промыслы, торговля (по данным археологии, нумизматики, письменных источников). Памятники архитектуры и объекты туризма / Науч. ред. О.Н. Левко. – Минск: Белар. навука, 2014. – С. 363–374.

16. Коц А.Л., Магалинский И.В. Предварительные итоги археологических исследований на территории Нижнего замка города Полоцка в 2023–2024 годах // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск: Белар. навука, 2025. – Вып. 35. – С. 207–214.
17. Petersen J. Vikingetidens smykker. – Stavanger.: Dreyers grafiske anstalt, 1928. – 222 p.
18. Ениосова Н.В. Литейные формы Гнёздова // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина). – М., 1998. – С. 67–81.
19. Горюнова В.М. Новое в исследовании «Городка» на Ловати // Краткие сообщения Института Археологии. – М., 1974. – Вып. 139. – С. 74–80.
20. Хвощинская Н.В. Бронзолитейное производство Рюрикова городища в IX–X вв. // Труды Института истории материальной культуры. – СПб., 2007. – Т. XXIV : Северная Русь и народы Балтики. – С. 123–141.
21. Гуревич Ф.Д. Ювелиры древнего Новогрудка // Краткие сообщения Института археологии. – М., 1967. – Вып. 110. – С. 14–20.
22. Вынікі даследавання хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў з ювелірнай майстэрні XII ст. на тэрыторыі Запалоцкага пасада Полацка / І.У. Магалінскі, М.В. Бялькоў, А.У. Шабуня-Клячкоўская і інш. // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. III міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 14–15 крас. 2016 г. : у 2 ч. / Полацкі дзярж. ун-т ; пад агул. рэд.: Д.У. Дука, У.А. Лобача, А.І. Корсак. – Наваполацк: ПДУ, 2016. – Ч. 1. – С. 98–100.
23. Тарасенко В.Р., Штыхов Г.В. Отчёт о раскопках Полоцкого отряда белорусской археологической экспедиции в 1962 г. // ААНД ДНУ "Інстытут гісторыі" НАН Беларусі. – № 130.
24. Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело "Земли вятичей" во второй половине XI – XIII в. – М.: Индрик, 2011. – 404 с.
25. Магалінскі І.У. Хімічны склад вырабаў з каляровых металаў X – XIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2022. – № 1. – С. 2–7.
26. Гуревич Ф.Д. Древний Новогрудок (посад – окольный город). – Л.: Наука, 1981. – 160 с.
27. Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1963. – № 117: Труды новгородской археологической экспедиции. Т. 3.– С. 200–247.
28. Дук Д.У. Полацк XVI–XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада. – Наваполацк: ПДУ, 2007. – 268 с.
29. Персов Н.Е., Сарачева Т.Г., Солдатенкова В.В. Археологические свидетельства обработки цветных и драгоценных металлов на тверском Затьмачье в эпоху Средневековья // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. – М., 2011. – Вып. 7. – С. 155–167.
30. Персов Н.Е., Сарачева Т.Г., Солдатенкова В.В. Средневековые ювелирные комплексы бывшего Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 2001–2006 гг.) // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. – М., 2009. – Вып. 5. – С. 268–280.
31. Левко О.Н. Кордон – ключевой объект предгосударственной истории Белорусского Подвинья // Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Шумілінскі край: зб. навук. арт. / Нац, акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; рэдкал.: В.В. Даніловіч [і інш.]; навук. рэд. В.М. Ляўко. – Мінск: Белар. навука, 2018. – С. 87–103.
32. Дернович С.Д. Материалы селища-1 археологического комплекса Кордон в контексте исследований 2016 г. // Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Шумілінскі край: зб. навук. арт. / Нац, акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; рэдкал.: В.В. Даніловіч [і інш.]; навук. рэд. В.М. Ляўко. – Мінск: Белар. навука, 2018. – С. 127–147.
33. Магалинский И.В. Химический состав изделий из цветного металла X–XI вв. из материалов исследований на территории археологического комплекса Кордон // Археология и история Пскова и Псковской земли: Ежегодник Семинара им. акад. В.В. Седова. – М., Псков: ИА РАН, 2021. – Вып. 36. Материалы 66-го заседания (2021 г.). – С. 300–310.

Паступіў 20.11.2025

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПО ОБРАБОТКЕ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ X–XVIII ВВ. С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ

канд. ист. наук, доц. И.В. МАГАЛИНСКИЙ
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье представлены результаты обобщающего исследования производственных комплексов цветных металлов X–XVIII вв. с территории Северной и Центральной Беларуси. Автор приходит к заключению, что основными центрами производства продукции ювелирного ремесла в X–XVIII вв. в регионе являлись городские мастерские (Полоцк, Витебск, Минск, Друцк). Отмечается, что на территории сельских поселений обработка цветных металлов могла существовать в качестве самостоятельного вида ремесленной деятельности только в границах торгово-ремесленных поселений X–XI вв. (Кардон). Автором установлено также, что производственные комплексы по обработке цветных металлов X–XVIII вв. с территории Северной и Центральной Беларуси относятся к нескольким хронологическим группам: X–XI вв. (3 комплекса), XII–XIII вв. (8 комплексов) и XVII–XVIII вв. (1 комплекс), которые отличаются особенностями технологических операций, инструментами и приспособлениями, а также химическим составом сырьевого металла.

Ключевые слова: *археология Беларуси, история древней технологии, ювелирное ремесло, археометаллургия.*

PRODUCTION COMPLEXES FOR PROCESSING NON-FERROUS METALS OF THE 10TH – 16TH CENTURIES FROM THE TERRITORY OF NORTHERN AND CENTRAL BELARUS

I. MAHALINSKI
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article presents the results of a general study of production complexes for the processing of non-ferrous metals of the 10th-16th centuries from the territory of Northern and Central Belarus. The author concludes that the main centers of production of jewelry crafts in the 10th-17th centuries in the region were urban production jewelry complexes (Polotsk, Vitebsk, Minsk, Drutsk). It is noted that in rural settlements, the processing of non-ferrous metals could exist as an independent type of craft activity only within the framework of trade and craft settlements of the 10th-11th centuries (Kardon). The author also established that the production complexes for the processing of non-ferrous metals of the 10th-17th centuries from the territory of Northern and Central Belarus belong to several chronological groups: 10th-11th centuries (3 complexes), 12th-13th centuries (8 complexes) and 17th-16th centuries (1 complex), which differ in the features of technological operations, tools and devices, as well as the chemical composition of the raw materials used.

Keywords: *archeology of Belarus, history of ancient technology, jewelry craft, archaemetallurgy.*

УДК 904(476) **DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-10-13**

ЗНАХОДКІ ПЛІНФЫ НА ТЭРЫТОРЫІ ПОЛАЦКА

А.Л. КОЦ
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)

У артыкуле прадстаўлены аналіз археалагічных даследаванняў, падчас якіх быў зафіксаваны будаўнічы матэрыял у слядах разбурэння помнікаў мураванага дойлідства, комплексы гаспадарчага прызначэння, зробленыя з плінфы ці з выкарыстаннем плінфы, месцы канцэнтрацыі знаходак старажытнай цэглы і інш. Усе знаходкі непарыўна звязаны з помнікамі мураванага дойлідства XI–XII стст. на тэрыторыі Полацка. Аўтарам абагулены ўсе вядомыя матэрыялы, якія датычацца масавых знаходак будаўнічага матэрыялу, у першую чаргу, плінфы. Галоўным чынам звяртаецца ўвага на месцы, дзе не былі зафіксаваны рэшткі мураваных аб'ектаў, а знаходкі будаўнічага матэрыялу адрасуюць да падобных комплексаў. Зроблены папярэднія высновы аб размяшчэнні новых помнікаў архітэктуры. Даследчыкам прапанаваны перспектыўныя месцы для правядзення археалагічных даследаванняў, дзе можна выявіць новыя аб'екты дойлідства XI–XII стст. Аналіз знаходак плінфы дазваляе больш шырока раскрыць патэнцыял полацкага мураванага дойлідства.

Ключавыя словы: *археалогія Беларусі, мураваныя помнікі, храм, царква, пляма разбурэння, будаўнічыя матэрыялы, плінфа, тапаграфія Полацка.*

Уводзіны. Знаходкі плінфы і іншых будаўнічых матэрыялаў мураваных помнікаў у старажытнарускіх гарадах у пластах Ранняга Сярэднявечча з'яўляюцца даволі значнымі. Яны адрасуюць даследчыкаў адразу да існавання ў горадзе, найперш, каменных цэркваў або іншых будынкаў, што адразу паказальна для статуса горада, які меў значныя эканамічныя магчымасці. Для X–XI стст. такіх гарадоў няшмат, але ў XII – першай палове XIII ст. іх колькасць значна павялічваецца. У цэнтрах, дзе фарміруюцца ўласныя архітэктурныя традыцыі, цэркваў магло быць больш за дзясятак. Да знаходак будаўнічага матэрыялу варта адносіць плінфу, будаўнічы камень (ці блокі), вапнавую рошчыну, як правіла, з дабаўкай бітай цэглы (цамянку), а таксама фрагменты тынкоўкі (у тым ліку з фрэскавым жывапісам), пліткі падлогі, смальту, фрагменты ці цэлыя лісты свінцовага пакрыцця даху і інш. Безумоўна, большасць дадзеных артэфактаў знаходзяцца ў непасрэднай блізасці да таго ці іншага храма, які зараз разбураны або значна перабудаваны.

У Полацку захаваўся толькі адзін помнік старажытнарускага дойлідства – Спаса-Праабражэнскі храм Спаса-Еўфрасінеўскага манастыра, і той значна пацярпеў напрацягу свайго існавання. Іншыя храмы цалкам разбураны або моцна перабудаваны, як Сафійскі сабор. Далей мы не будзем спыняцца на характарыстыцы слядоў разбурэння і будаўнічым матэрыяле ўжо вядомых помнікаў мураванага дойлідства, якіх на сённяшні дзень зафіксавана не менш 11 (10 храмаў і церам), а звернемся да матэрыялаў мала вядомых. Яны з'яўляюцца сведчаннем іншых архітэктурных аб'ектаў і дазваляюць нам больш шырока раскрыць патэнцыял полацкага мураванага дойлідства.

Асноўная частка. У апошняе дзесяцігоддзе ў Полацку значна пашырыліся даследаванні помнікаў архітэктуры XI–XII стст. Гэта звязана з буйнамаштабнымі працамі ў цэнтры горада (рэканструкцыя карпусоў былой бальніцы на Верхнім замку, замена і пракладка новых камунікацый, узвядзенне новых будынкаў і інш.), з рэстаўрацыйнымі працамі Спаса-Праабражэнскага храма і іншай дзейнасцю Спаса-Еўфрасінеўскага манастыра, мэтанакіраванымі даследаваннямі (вывучэнне храмаў Бельчыцкага манастыра, абследаванне Сафійскага сабора і інш.). Разам з гэтым праводзіцца і больш дэтальны аналіз будаўнічых матэрыялаў. Адкрыцці дазваляюць выяўляць новыя дэталі архітэктурных традыцый Полацка. Рознабаковае вывучэнне будаўнічых матэрыялаў, у тым ліку з раскопак папярэднікаў, дазваляе нам меркаваць аб размяшчэнні на тэрыторыі Полацка невядомых на сённяшні дзень помнікаў архітэктуры старажытнарускага часу.

Падчас археалагічных даследаванняў на Верхнім замку ў 2019–2022 гг. была сабрана багатая калекцыя археалагічных артэфактаў з розных помнікаў архітэктуры XI–XII стст.: з Сафійскага сабора, храма на дзядзінцы, храма пры могілках, з царквы ля Чырвонай бальніцы, знаходкі з плямы будаўнічага смецця ў прыватным сектары, з Княжаскага церама [7], плінфа з раскопа 5У [6, с. 147]. Аналіз асноўнага будаўнічага матэрыялу – плінфы – дазваляе выказаць меркаванне аб размяшчэнні невядомых дагэтуль помнікаў архітэктуры. Так, былі вызначаны тры плямы разбурэння, якія належаць асобным помнікам мураванага дойлідства[1]. Адно з іх – гэта пляцоўка каля гарадскіх могілак XI–XIII стст. на Верхнім замку. Па знешнім характары і параметрычных даных плінфа з дадзенага месца вельмі падобная на цэглу з храма на дзядзінцы, але аддаленасць аб'ектаў, лакалізацыя побач з могілкамі і іншыя дэталі дазваляюць меркаваць, што гэта розныя пабудовы. Пляма са слоем разбурэння магутнасцю 0,3–0,5 м была зафіксавана побач з Чырвонай бальніцай. Плінфа мае адрозненне па параметрычных даных у параўнанні з іншымі знаходкамі на Верхнім замку. Па наяўнасці фрагментаў фрэсак у пласце вапны мы можам выказаць думку, што на дадзеным месцы знаходзілася менавіта старажытная царква. Невялікая пляма вапны з

[1] Апісанне дадзеных аб'ектаў ужо было прадстаўлена ў асобнай публікацыі [7], таму ў дадзеным матэрыяле не будзем падрабязна спыняцца на азначаным пытанні.

кавалкамі плінфы была зафіксавана ў межах сучаснага прыватнага сектара на Верхнім замку, але вызначаць яе як след асобнага помніка не мэтазгодна. Дадзенае месца з'яўляецца перспектыўным для далейшага археалагічнага вывучэння старажытнай архітэктуры.

Археалагічныя даследаванні С.В. Тарасава на Верхнім замку, на захад ад Сафійскага сабора, у 1991, 1993 гг. дазволілі выявіць рэшткі падмуркаў былога базыльянскага кляштара. Падчас яго будаўніцтва ў сярэдзіне XVIII ст. была шырока ўжыта плінфа. Даследчыкам вызначана, што дадзеная плінфа з'яўляецца будаўнічым матэрыялам з разбуранага Сафійскага сабора [11]. Тым не менш, варта больш шчыльна звярнуць увагу на гэтыя знаходкі, бо вядома, што ўзвядзенне асноўнага аб'ёма храма і галерэй (прыбудоў) адбывалася ў розны час з удзелам розных майстроў, таму і плінфа з розных частак комплекса адрознівалася [1, с. 6–7]. Align Рознабаковы аналіз плінфы з раскопак базыльянскага кляштара раскрые дадатковыя дэталі ўзвядзення Сафійскага сабора, а таксама дазволіць больш дакладна вызначыць характар разбурэння галерэй і ўсяго комплекса.

Акрамя пералічаных аб'ектаў на Верхнім замку, археалагічнае абследаванне мясцовасці і нагляды за будаўнічымі працамі дазволілі выявіць канцэнтрацыі старажытнай цэглы ў іншых месцах горада. Тут варта звярнуць увагу на вынікі раскопак першапачатковага гарадзішча. Раскопкі 2007 г. пад кіраўніцтвам Д.У. Дука дазволілі зафіксаваць больш за 900 фрагментаў плінфы (паводле калекцыйнага вопісу масавых знаходак) [4], але большасць кавалкаў не вызначаюць нават таўшчыню цэглы. Адзіночныя экземпляры маюць памер таўшчыні ў дыяпазоне 2,5 – 4,0 см [3, с. 263]. Таўшчыня большасці знаходак вагаецца ў межах 3,2 – 3,6 см. Некалькі артэфактаў на поўную шырыню былі зафіксаваны толькі ў наглядзе І.У. Магалінскага ў 2023 г. Знешнія прыкметы і памеры дазваляюць засведчыць, што плінфа з гарадзішча па параметрычных даных падобная да полацкай плінфы. Акрамя старажытнай цэглы, у раскопе была выяўлена смальта (5 фрагментаў), кавалкі свінца, у тым ліку пласціны, скручаныя ў трубачку [3, с. 263]. Таксама багатая калекцыя археалагічных артэфактаў царкоўнага начыння (дэталі кіётнага крыжа, хораса, крыж-энкалпіён і інш.) дазволіла аўтару даследаванняў выказаць меркаванне аб наяўнасці тут яшчэ аднаго мураванага храма [3, с. 263].

Неаднаразова даследчыкамі фіксаваліся знаходкі плінфы на тэрыторыі былой станцыі Юных натуралістаў (вул. Тусналобавай-Марчанка-2) ва ўсходняй частцы Вострава (Астраўскога пасада), дзе цяпер размешчаны гарадскі парк. Упершыню тут знаходкі старажытнай цэглы адзначыў Г.В. Штыхаў у шурфе, зробленым у 1961 г. Пазней старажынтая цэгла была выяўлена ў шурфах С.В. Тарасава 1987–1988 гг. і М.В. Клімава 1996 г. [5, с. 46], але гэта былі пераважна дробныя фрагменты на поўную таўшчыню і сколы. Іх таўшчыня дасягае 3,8 см [5, с. 48]. Сведчанняў пра пляму разбурэння ці пласт будаўнічага смецця няма. Шэраг знаходак плінфы дазваляюць дапусціць размяшчэнне тут мураванага храма. Усе даследчыкі адрасуюць яго да манастыра Іаана Прадцечы, які досыць шырока вядомы па пісьмовых крыніцах з сярэдзіны XIV ст. [2, с. 443; 11, с. 74]. Тым не менш, падчас археалагічнага нагляду за пракладкай элекрасеткі на ўсёй тэрыторыі парка ў 2025 г. (кіраўнік прац І.У. Магалінскі) былі выяўлены толькі фрагменты тонкай цэглы, знешне падобнай да плінфы. Яна вядомая па іншых раскопках на левым беразе Дзвіны ў межах Полацка (Экіманскі пасад, Астраўскі пасад) і датуецца перыядам не раней канца XVI – XVII стст. Пракладзеныя тарншэі ва ўсходняй частцы былога Астраўскога пасада, як і раней, не дазволілі вызначыць слядоў разбурэння мураванай пабудовы. Такім чынам, на сённяшні дзень пытанне аб наяўнасці каменнай пабудовы манастыра Іаана Прадцечы застаецца адкрытым.

Цікавым месцам з'яўляецца скрыжаванне вуліцы Міхайлаўскай і завулка Мельнічнага на тэрыторыі былога Запалоцкага пасада. Ёсць сведчанні, што пад домам на азначаным скрыжаванні захаваліся фрагменты кладак з плінфы. Таксама побач на прысядзібных участках фіксаваліся асобныя знаходкі плінфы з вапнавай рошчынай [9]. Па знешніх прыкметах дадзеная плінфа не адрозніваецца ад агульнай масы старажытнай полацкай цэглы. Яна зроблена ў раз'ёмнай форме і мае таўшчыню ў дыяпазоне 2,5 – 3,5 см. Дробнафарматныя плінфы ў шырыню дасягаюць памера 14,5 см. Дадзенае месца з'яўляецца вельмі перспектыўным у плане выяўлення яшчэ аднаго помніка мураванага дойлідства.

Два каменныя храмы на тэрыторыі Спаса-Еўфрасінеўскага манастыра з'яўляліся выразнымі дамінантамі мясцовасці над Палатой. Будаўніцтва, а пасля – разбурэнне храма-пахавальні, як і галерэй Спаса-Праабражэнскага харма, прывялі да шырокага распаўсюджання плінфы на пляцоўцы манастыра. Асобныя артэфакты былі зафіксаваны больш чым за 100 м на паўднёвы захад ад Спаскай царквы. Калі па параметрычных даных яны маюць падабенства з плінфай асноўнага аб'ёму азначанага храма, то фізічныя характарыстыкі ў пэўнай ступені адрозніваюцца, што дазваляе паставіць пытанне пра паходжанне плінфы, выяўленай на тэрыторыі манастыра.

Каля скрыжавання вуліц Войкава і Талстога на пляцоўцы Вялікага пасада падчас нагляду А.А. Салаўёвым была сабрана багатая калекцыя плінфы без слядоў рошчыны [8, с. 81–82]. Знаходкі плінфы таксама зафіксаваны ўздоўж вуліцы Войкава падчас нагляду І.У. Магалінскага за будаўнічымі працамі па рэканструкцыі Дома афіцэраў (вул. Талстога-8) у 2024 г. На азначаным месцы зафіксавана печ па абпалу плінфы, шмат бракаванага матэрыялу, перапаленая плітка падлогі [8, с. 82]. Дадзеную пляцоўку можна ахарактарызаваць як месца вытворчасці будаўнічых матэрыялаў. Аналіз плінфы вызначае яе асаблівасці, якія не маюць падабенства з цэглай іншых вядомых і мяркуемых каменных пабудоў. Можна дапусціць, што тут адбывалася вытворчасць, у першую чаргу, плінфы для яшчэ аднаго мураванага помніка, які на сённяшні дзень невядомы і мог размяшчацца недзе побач з указанай лакалізацыяй.

Плінфа з'яўляецца частай знаходкай у розных раскопах розных частак горада. Тут цэгла выступае рэдкімі экзэмплярамі або захоўваецца сканцэнтравана, але яна ўжо не з'яўляецца будаўнічым матэрыялам па прызначэнні да помнікаў архітэктуры. Такія знаходкі можна патлумачыць мэтанакіраваным гаспадарчым выкарыстаннем

плінфы. Паколькі ў Полацку было шмат старажытных мураваных храмаў, то пасля іх разбурэння старажытную цэглу насельніцтва вельмі актыўна выкарыстоўвала пад уласныя патрэбы, таму плінфа сустрэта шмат у якіх раскопах з цэнтральнай часткі горада (даследаванні на цэнтральнай плошчы, раскопкі на тэрыторыі Ніжняга замка і інш). Знаходкі плінфы сустракаюцца ва ўсходняй частцы Запалоцкага пасада. Адзіночная знаходка фрагмента плінфы з ювелірнай майстэрні на Запалоцкім пасадзе (даследаванні аўтара на раскопе 5 у 2013 г.) вызначаецца яе выкарыстаннем у канструкцыі печы. Для Полацка можна прывесці дастаткова іншых прыкладаў будаўніцтва печаў з плінфы або выкарыстання для гэтага асобных фрагментаў. Так, некалькі печаў было выяўлена ў раскопе 5У ў 2021–2022 гг. на Верхнім замку [6, с. 147]. Гліняныя печы з выкарыстаннем плінфы выяўлены і ў раскопах 2 і 3 (1959–1962 гг.) на Верхнім замку [13, с. 40]. Яшчэ адна печ з плінфы была знойдзена ў раскопе 1987–1988 гг. С.В. Тарасава на цэнтральнай плошчы [11]. Натуральна, што пры вытворчасці плінфы пасля абпалу атрымлівалася шмат бракаваных экзэмпляраў: частка бракавалася перапалам, некаторыя плінфы паміж сабою моцна спайваліся пад уздзеяннем высокіх тэмператур, частка цаглін наўпрост ламалася. Відавочна, што дадзены будаўнічы матэрыял шырока разыходзіўся ў побытавае карыстанне мясцовага насельніцтва. Такі матэрыял быў шырока прадстаўлены ў раскопе 5У на Верхнім замку ў пластах XII ст. [6, с. 147]. За 70 м на паўночны ўсход ад раскопа 5У (тэрыторыя лакалізацыі станцыі хуткай дапамогі былой бальніцы) падчас даследаванняў аўтара ў 2016 г. была сабрана калекцыя фрагментаў старажытнай цэглы, якая перавышае 60 адзінак. Па знешніх прыкметах і форме плінфа больш груваздкая і адрозніваецца ад іншых вядомых знаходак сваёй таўшчынёй. Дадзеныя абставіны могуць адрасаваць да яшчэ аднаго невядомага помніка каменнага дойлідства на тэрыторыі Верхняга замку.

Заключэнне. Такім чынам, плінфа з’яўляецца вельмі распаўсюджаным артэфактам сярод матэрыялаў археалагічных раскопак і даследаванняў. Можна засведчыць, што распаўсюджанасць старажытнай цэглы ў Полацку была вельмі высокай, бо бадай што ў кожным раскопе даследчыкі ў розныя часы выяўлялі азначаныя знаходкі. Плямы разбурэння або канцэнтрацыі знаходак дазваляюць вызначаць месцы магчымага існавання невядомых на сённяшні дзень помнікаў архітэктуры. Так, налічваецца не менш 10 плямаў з канцэнтрацыяй плінфы. Знаходкі старажытнай цэглы з аб’ектаў гаспадарчага прызначэння, плям разбурэння, адзіночныя артэфакты патрабуюць больш дасканалага вывучэння, што дазволіць адказаць на пытанні іх паходжання і датавання. Гэта дасць дадатковую інфармацыю пра існаванне, перабудовы і знішчэнне мураваных помнікаў Полацка XI–XII стст.

ЛІТАРАТУРА

1. Булкин В.А. Отчёт об археологоических исследованиях Софийского собора и прилегающей к нему территории в 1978 г. // Фонд археологичской научной документации Центрального научного архива НАН Беларуси. – Д. № 594.
2. Варонин В.А. Храмовое и монастырское строительство в XIII–XVI вв. // Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв. / О.Н. Левко [и др.]; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О.Н. Левко. – Минск: Белар. наука, 2012. – С. 437–444.
3. Дук Д.У. Археалагічныя раскопкі на старажытным полацкім гарадзішчы ў 2007 г. // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы V Міжнар. навук. канф., 24–25 кастр. 2007 г. / уклад. Т.А. Джумантаевай. – Полацк: ППГКМЗ, 2009. – С. 255–278.
4. Дук Д.У. Справаздача аб археалагічных раскопках на полацкім гарадзішчы ў 2007 г. У 2 ч.: Ч. 1. Тэкст // Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі Цэнтральнага навуковага архіва НАН Беларусі. – Спр. № 2537.
5. Клімаў М.В. Археалагічныя працы 1996 года на Востраве ў Полацку // Acta archaeologica Albaruthenica – Вып. 5 / уклад. М.А. Плавінскі, В.М. Сідаровіч. – Мінск: І.П. Логвінаў, 2009. – С. 46–53.
6. Клімаў М.В. Папярэднія вынікі археалагічных раскопак 2021 – 2022 гг. ва ўсходняй частцы Верхняга замка г. Полацка // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы VIII Міжнар. навук.-практ. канф., 1–2 ліст. 2022 г. / уклад. Т.У. Явіч. – Полацк: Полац. кніж. выд-ва, 2022. – С. 140–152.
7. Коц А.Л., Магалінскі І.У., Кенько П.М. Сляды разбурэння мураваных будынкаў XI–XIII стст. на Верхнім замку старажытнага Полацка // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2023. – № 2(67). – С. 13–18. DOI: https://doi.org/10.52928/2070-1608-2023-67-2-13-18.
8. Соловьёв А.А. Итоги археологического надзора за строительно-земляными работами по ремонту теплотрассы на ул. Войкова, в районе домов №№ 1—5 в г. Полоцке (изучение культурного слоя северо-западной части Великого посада) // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2022 г.), Полацк, 23 лют. 2023 г. / Гродз. дзярж. ун-т ім. Янкі Купалы; Нац. Полац. гіс.-культ. музей-запаведнік / навук. рэд. Т.А. Джумантаева; уклад. Т.У. Явіч. – Гродна: ГрДУ, 2025. – С. 77–85. – DOI: https://doi.org/10.52275/PM2023-77-85.
9. Соловьёв А.А. Наблюдения за земляными работами на территории строительства дома по ул. Краснова, 12 в г. Полоцке в 2012 г. // МАБ. – 2014. – № 25. – С. 360–364.
10. Тарасаў С.В. Полацк IX – XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія. – Мінск: Белар. навука, 1998. – 183 с.
11. Тарасов С.В. Отчёт о раскопках в Полоцке в 1988 г. // Фонд археологической научной документации Центрального научного архива НАН Беларуси. – Дело № 1084.
12. Штыхов Г.В. Древнеполоцкое каменное зодчество // Белорусские древности: докл. к конф. по археологии Белоруссии (Минск, янв.-февр. 1968 г.) / под ред. В.Д. Будько и др. – Минск, 1967. – С. 262–297.
13. Штыхов Г.В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.). – Минск: Наука и техника, 1975. – 136 с.

Паступіў 09.12.2025

НАХОДКИ ПЛИНФЫ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛОЦКА

А.Л. КОЦ
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье представлен анализ археологических исследований, во время которых был зафиксирован строительный материал со следов разрушения памятников каменного зодчества, комплексы хозяйственнооого назначения, сооруженные из плинфы или с её использованием, места концентрации находок древнего кирпича и др. Все находки связаны з памятниками каменного зодчества XI–XII вв. на территории Полоцка. Автором обобщены все известные материалы, которые касаются массовых находок строительного материала, в первую очередь, плинфы. Автор обращает внимание на места с подобными находками, где не были зафиксированы остатки каменных построек, но находки строительного материала адресуют к подобным комплексам. Сделаны предварительные обоснования о размещении новых памятников архитектуры. Исследователем предложены перспективные места для проведения археологических исследований, где можно найти новые объекты зодчества XI–XII вв. Анализ находок плинфы позволяет более широко раскрыть потенциал полоцкого каменного строительства.

Ключевые слова: *археология Беларуси, каменные памятники, храм, церковь, пятно разрушения, строительные материалы, плинфа, топография Полоцка.*

PLINTH FINDS IN THE TERRITORY OF POLOTSK

A. KOTS
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

This article presents an analysis of archaeological research that has documented building materials from destroyed stone monuments, commercial complexes, and sites where plinth are concentrated. All finds are associated with stone architecture monuments of the 11th – 12th centuries in the territory of Polotsk. The author summarizes all known materials related to the mass finds of plinth bricks. Attention is drawn to sites with finds of ancient bricks where the remains of stone buildings were not previously recorded. Based on such finds, stone structures may be discovered there in the future. The researcher suggests promising locations for archaeological research, where new architectural objects from the 11th – 12th centuries may be discovered. Analysis of plinth finds allows for a more comprehensive understanding of the potential of Polotsk stone construction.

Keywords: *archeology of Belarus, stone monuments, temple, church, destruction site, building materials, plinth, topography of Polotsk.*

УДК 347.7(476.6) **DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-14-22**

ХРАМ СВ. НИКОЛАЯ В С. РОПНО (С. КОЛЛЕКТИВНОЕ): АРХИТЕКТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А.А. СОЛОВЬЁВ
(Национальный Полоцкий Историко-культурный музей заповедник)

В статье представлены итоги изучения малоизвестного памятника архитектуры конца XVIII в., расположенного в окрестностях Полоцка – каменного храма св. Николая в с. Ропно. Нами были исследованы конструкции фундаментов и стен здания. Выявлено, что храм имеет ряд архитектурно-планировочных особенностей, роднящих его с Полоцким Богоявленским собором. Не меньший интерес вызывает и кирпичный склеп с неизвестным захоронением. Частично удалось проследить следы позднейших ремонтов и историю памятника в XX в.

Несмотря на ущерб, причинённый храму во второй половине XX в., он требует глубокого изучения и тщательной реставрации, создания при нём самостоятельного прихода. Внимания заслуживает и место появления церкви: оно требует тщательного археологического и архивного изучения. Древность сооружения, как и местности, в которой он возведён, может сделать храм св. Николая одним из крупных духовных и культурных центров полоцкого региона.

Ключевые слова: *Полоцк, с. Ропно, Богоявленский монастырь, храм св. Николая, натурные исследования, история архитектуры.*

Введение. Наиболее достоверные сведения об озере Ропно и прилегающей к нему местности, в которой возвели храм св. Николая, по данным И.П. Дейниса, относятся к XVII в. [1, с. 184], когда данная территория стала владением Полоцкого Богоявленского монастыря. В монастырских документах XVIII – начала XX вв. это владение названо «хутором», «фольварком», «имением», в котором велась обширная хозяйственная деятельность. Поскольку храм св. Николая был приписным, имеющиеся сведения о его истории и архитектуре малочисленны и отрывочны. Архивные поиски и натурные исследования храма, проводимые совместно с прихожанами и настоятелем о. Марком (Пуляком), историком Павлом Сафроновым, архитектором Александром Сергеевичем Зиновьевым, диаконом Владиславом Маляром и сёстрами Спасо-Евфросиньевского монастыря, выявили ряд неизвестных фактов по архитектуре и истории памятника.

Наиболее раннее документальное упоминание территории, где был возведён храм св. Николая в с. Ропно, относится к 1639 г.: она представляла собой одно из населённых имений Братского Богоявленского монастыря в Полоцке [2, с. 76]. Появление здесь первой церкви связано со сложной конфессиональной обстановкой в городе и периодическими гонениями на православие со стороны униатов и католиков. Здесь православные монахи могли вести богослужения, не привлекая ненужное внимание городских властей [3, с. 76–96]. Первая церковь была деревянной и никаких её следов не сохранилось. На 1774 г. сказано, что «*...имеется в селе Ропно расстоянием от Полоцка верстах пяти Николаевская церковь, в которой иконостас и святыя образа весьма пришли в крайнюю ветхость и требует вновь исправления*»[1]. Кладбище, по всей видимости, появилось только после 1785 г. Это было связано с тем, что имевшаяся на восточной окраине Полоцка приписная к Богоявленскому монастырю кладбищенская Покровская церковь была выведена из-под юрисдикции Богоявленского монастыря и обращена в приходскую, а в 1804 г. стала соборной [4, с. 14–15].

Время появления существующего каменного Никольского храма И.П. Дейнис относит к 1790 г. Его строят взамен деревянного, который к этому времени окончательно обветшал. Исторических сведений по данному храму имеется немного. Это произошло из-за его периферийного расположения и невысокого статуса в качестве приписной кладбищенской церкви в загородном имении Богоявленского монастыря. Никольский храм сильно пострадал во второй половине XX в., когда от него остались только кирпичные стены, повреждённые при устройстве в нём общежития для работников льнозавода.

Основная часть. Натурные исследования данного храма, проводившиеся в 2020 г., были обусловлены наличием повышенной сырости в нижних частях стен здания. Сырость появилась ещё в ходе не вполне удачной реставрации начала 2000-х гг., которая так и не была доведена до конца. Некоторые участки стен так и не заштукатурили. Сырость привела к порче временно установленных бумажных икон. Для устранения данной проблемы прихожанами храма во главе с настоятелем о. Марком (Пуляком), совместно с архитектором А.С. Зиновьевым и автором статьи было решено выбрать из храма и вокруг него часть земли, чтобы выйти на уровень первоначального пола и дневной поверхности XVIII в., а также удалить ту часть штукатурки, где преобладал цемент. Это было необходимо для минимизации поступления сырости и предотвращения её накопления в стенах храма. В ходе данных работ параллельно вёлся поиск следов утраченных элементов убранства храма: следов конструкций хоров, покрасок утраченных профильных карнизов и тяг стен, остатков покрытия и конструкции полов и пр.

[1] НИАБ. – Ф. 2562. Оп. 1. Д. 28. – Л. 5.

Пробные шурфы позволили проследить конструктивные особенности фундаментов и ход их закладки (рисунок 1: 1). Они показали, что природное возвышение, на котором строилось здание, имело мощные песчаные материковые породы, позволяющие сводить к минимуму проникновение в помещение сырости. Для фундаментов стен были выкопаны траншеи глубиной около 1,0 м от поверхности материка и шириной до 1,5 м (с учётом толщины стен, выступа их лопаток и цоколя на фасадах здания) (рисунки 1: 2; 2: 5). После этого траншеи заполняли пластами плотно уложенного «насухо» кирпичного боя. Каждый пласт толщиной около 0,4 – 0,5 м проливался известковым раствором. Подобная конструкция основания образовывала мощную подушку, которая вновь проливалась известковым раствором. Уровень её начала примерно соответствовал границе между материком и лежащим выше слоем серой земли (рисунки 1: 2, 4; 2: 4, 5).

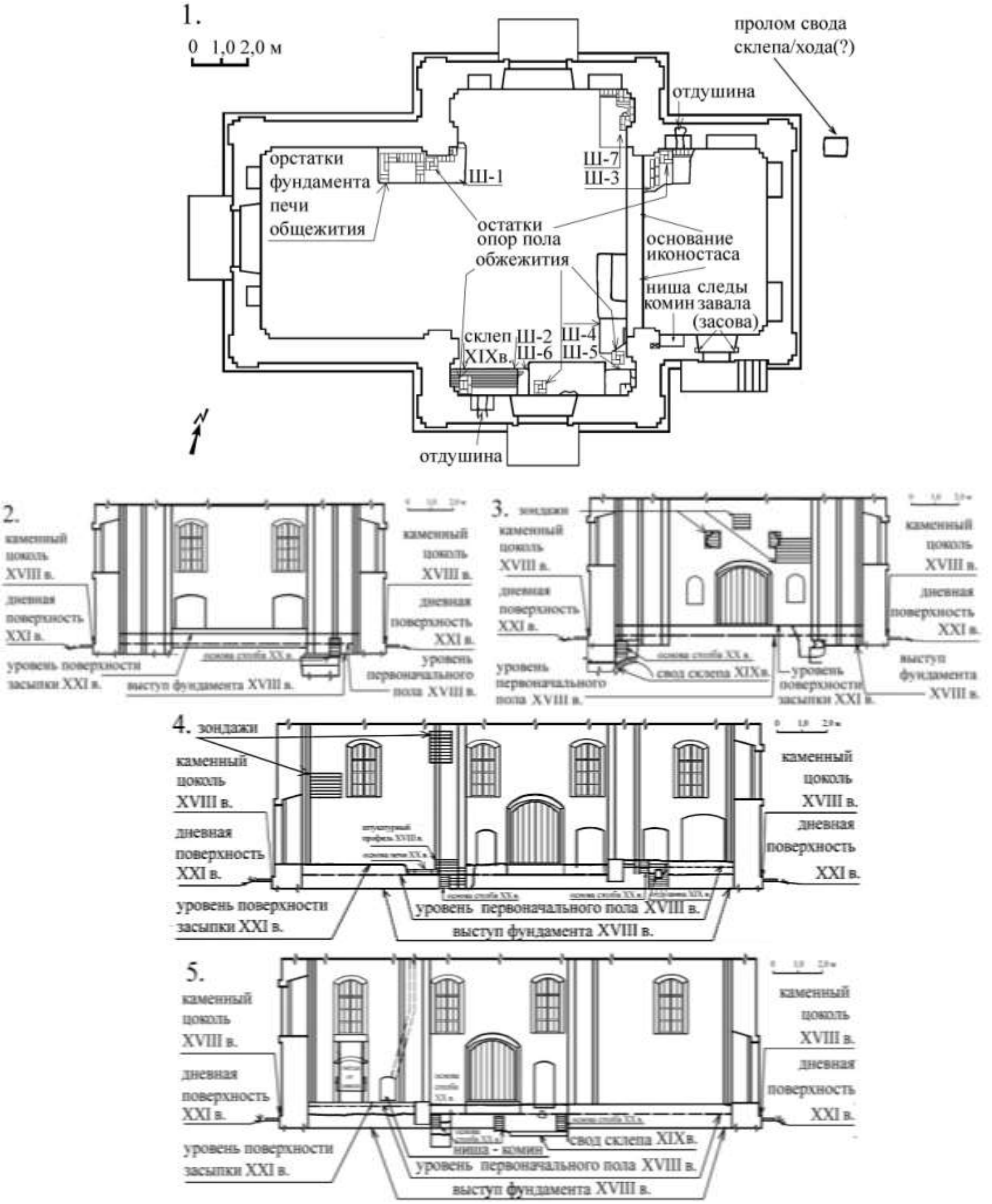
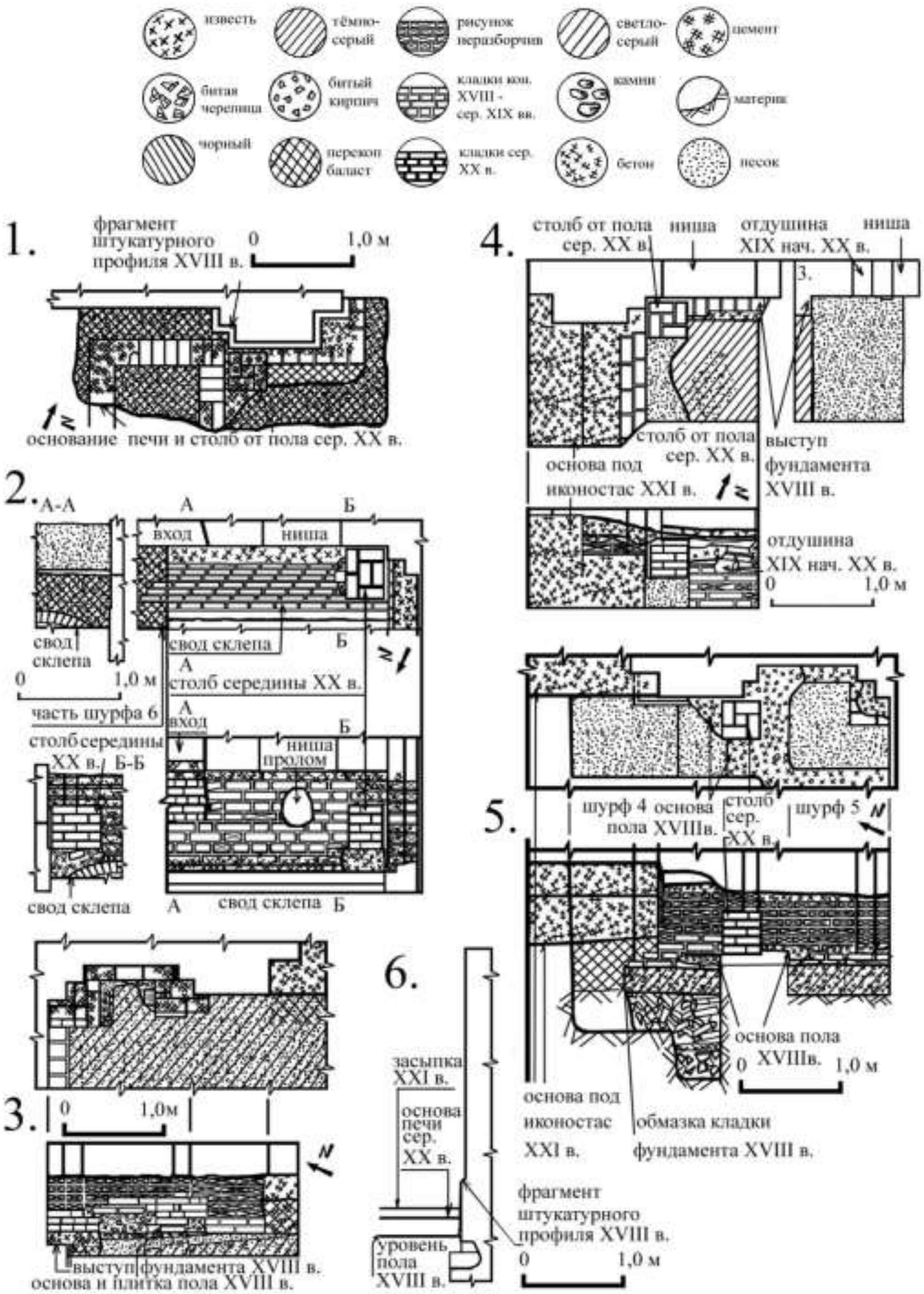


Рисунок 1. – План (1), поперечные (2, 3) и продольные (4, 5) разрезы храма св. Николая в с. Ропно



1. – шурф 1 у северо-западной подкупольной опоры; 2. – шурф 2 с частью шурфа 6 со сводом южной стороны склепа; 3. – шурф 7 выкладка сер. XX в с плиткой пола и слоем черепицы; 4. – шурф 3 у основания иконостаса с отдушиной в стене; 5. – шурфы 4 и 5 с врезкой у фундамента; 6. – округлый профиль цоколя базы на северо-западной опоре

Рисунок 2. – Шурфы, заложенные на территории исследуемого памятника

От уровня поверхности материка над подушкой из кирпичного боя начиналась кирпичная лента – полоса кладки шириной до 1,5 м (с учётом толщины стен (около 1,0 м), выступов в их нижней части). Высота данной конструкции (шурфы 3, 4, 5) составляла около 0,4 м, что образовывало 4 – 5 рядов кладки. Поверхность кирпичной ленты, обращённая вовнутрь храма, была обмазана слоем белого известкового раствора, но от соприкосновения с землёй приобрела серый оттенок. Данное обстоятельство указывает на то, что обсыпка данной конструкции велась сразу после завершения работ по её возведению и поверхность была сырой. С внутренней стороны храма ширина образованных данной кирпичной лентой выступов достигала от 17 до 25 см. Таким образом, стены храма получали простое по конструкции, но широкое и надёжное основание, которое обеспечивало необходимую

устойчивость зданию. Слой серой земли, примыкавшей к обмазке кирпичной ленты, имел толщину около 0,35 – 0,4,5 м, его можно считать слоем погребённой почвы, существовавшей на данной территории к началу строительных работ кирпичной Никольской церкви. При этом никаких артефактов или следов конструкций деревянного храма, предшествовавшего каменному зданию, обнаружить не удалось (см. рисунки 1: 1, 2; 2: 4, 5).

Подобные выступы кирпичной ленты фундамента имели место и по внешнему периметру здания. Одновременно они служили надёжной опорой для бутового цоколя, защищавшего кирпичные кладки стен внизу от атмосферных осадков и воды, стекавшей с кровли здания. Сегодня данный цоколь во многих местах скрыт из-за поднятия дневной поверхности вокруг церковного здания, что приводит к сырости в помещении (рисунок 1: 2, 5).

Широкая поверхность кирпичной ленты фундамента служила основанием для массивных стен, которые имели ряд глубоких ниш с лучковыми перемычками. Их дно располагалось в примерно полуметре от уровня пола XVIII в. Ниша, расположенная в южной стене апсиды между юго-восточной подкупольной опорой и входом в алтарь, имела дымовой канал, ориентированный в угол крестообразного здания. Фактически она играла роль небольшого очага в той части алтаря, где обычно располагается диаконник и ведётся подготовка к богослужению. Стены храма были выполнены из крупноформатного, преимущественно гладкого, кирпича 6,0 × 14,0 × 29,0 см; 8,0 × 15,3 × 31,0 см, а швы имели косую подрезку, характерную для кирпичных зданий Полоцка последней четверти XVIII в. [5, с. 82]. Дверные и оконные проёмы перекрывают лучковые арки, подоконники со стороны помещения первоначально могли иметь уклон для большего освещения нижней части храма. Сегодня они горизонтальные, поэтому данную гипотезу можно проверить только с помощью зондажных работ (см. рисунок 1: 2–5).

Остаётся до конца нерешённым вопрос о наличии и конструкции хоров храма. Ни в одном описании памятника, составленном во второй половине XIX – начале XX вв., они не упомянуты. Поиски следов крепежа возможных первоначальных хоров показали, что на северной и южной стенах здания имеется неповреждённая кирпичная кладка XVIII в. с подрезкой швов. Частично сохранившиеся гнёзда балок прослежены только над аркой западного входа в храм, но они были повреждены при устройстве входа в одну из квартир при перестройке бывшего церковного здания под общежитие. Уровень их расположения был значительно выше уровня пола комнат. С учётом расположения над западным входом в церковь деревянной колокольни, эти гнёзда можно отнести к креплениям её конструкции. Данное сооружение не только поддерживало колокольню, но и было опорой ведущей наверх лестницы и площадки хоров. Данная лестница состояла из двух частей, разделённых площадкой располагавшейся над аркой входа. На небольшую квадратную площадку, расположенную над аркой западного входа, снизу, вероятно, вели две симметричные лестницы вдоль северной и южной стен здания. От площадки к колокольне вела уже винтовая(?) лестница. Сами хоры могли представлять собой расположенную на одном уровне с окнами южной и северной стен площадку на консолях или дополнительной паре столбов.

Относительно элементов первоначального интерьера храма сведения крайне скудны. Все доступные описания здания указывают на наличие в нём деревянных полов и потолка, о декоре стен в описаниях храма второй половины XIX – начала XX вв. говорится лишь то, что они были белёными. Обследование стен и зондажные работы показали, что выступы подкупольных опор были оформлены в виде пилястр, первоначально имевших базу, ствол и капитель. Исследования на северо-западной подкупольной опоре выявили фрагмент округлого (в четверть круга) профиля для перехода между её базой и основной частью. Кладка базы выступала на 4,5 – 5,0 см. Для поиска следов утраченных профилей капители нами был сделан зондаж на северо-западной подкупольной опоре на небольшом расстоянии от существующего потолка. Он показал, что верхние ряды кладки XVIII в. здесь утрачены и переложены на цементном растворе. Первоначальная штукатурка выявлена нами только внутри храма в виде небольших участков на уровне засыпки под намётами поздней, выполненной по сетке рабица в начале 2000-х гг. Наиболее ранние покрытия на ней представлены слоями побелок (Шурфы 1, 3, 5-6) (рисунки 1: 3, 4; 2: 1, 6).

Конструкции и покрытия пола храма в описаниях второй половины XIX – начала XX вв. указаны деревянными, но в ходе выборки засыпки в шурфах 4, 5 и 7 нами прослежен слой извести. Его толщина возле стен – 15–20 см и 7–10 см в центральной части. Ниже начиналась обмазка кирпичной ленты фундамента и серая погребённая почва. Данный слой мог являться основанием под плиточный пол XVIII в. Там же найдены и единичные небольшие фрагменты керамических плиток толщиной около 5,5 – 6,0 см со следами истирания. Уникальной находкой, уцелевшей в первозданном положении на основе из извести и песка, является терракотовая плитка 6,0 × 17,5 × (21 – 22 см?) см, частично перекрытая кладкой советского времени (рисунки 1: 1; 2: 3, 5), что и обеспечило её сохранность. Подобные напольные плитки применялись в полоцком иезуитском коллегиуме с начала XVIII в. [6, с. 25].

Кровля храма XVIII в. изначально могла иметь черепичное покрытие: единичные фрагменты волнистых пластин найдены в шурфе 7 (см. рисунки 1: 1; 2: 3). Первоначально фронтонами завершались все четыре стороны Никольского храма. Над центром здания изначально мог располагаться барабан с полусферическим куполом и световым фонарём, а колоколен было две. Таким образом, он очень походил на Богоявленский собор в Полоцке. В известных нам сегодня описаниях, составленных во второй половине XIX – начале XX вв., (в 1800, 1869, 1908 гг.) Никольский храм имел одну колокольню, центральный фальшивый купол. Они, как и крыша, были обиты железом[2]. Первая реконструкция верхней части храма могла произойти ещё до 1835 г., поскольку в это время его

[2] НИАБ. – Ф. 2562. Оп. 1. Д. 134. – Л. 1; Ф. 2503. Оп. 1. Д. 23. – Л. 376; Ф. 2562. Оп. 1. Д. 668. – Л. 3, 3об.

крыша, купол и колокольня были позолочены (!) взамен прежней зелёной покраски [7, с. 50]. Причиной же первой реконструкции храма был пожар, произошедший вскоре после возведения. Следы нагара были обнаружены на поверхности уцелевшей плитки пола. Согласно сведениям преподавателя полоцкой духовной семинарии Ксенофонта Антоновича Говорского «в 1812 году разграблена и сожжена была французами, но оставшаяся только в одних стенах, недавно при архимандрите о. Паисие возобновлена. Вокруг ней кладбище, предназначенное преимущественно для погребения монахов» [8, с. 212]. Именно при восстановительных работах плиточный пол храма заменили деревянным, а черепичную кровлю железной, понизив её высоту.

Архитектурное убранство и планировка храма св. Николая в Ропно во многом схожи с Богоявленским собором в Полоцке, но в случае Никольского храма в Ропно они более ярко выражены и стилистически едины. Собор в своё время начинали строить в стиле барокко, а закончили в стиле классицизма из-за длительного перерыва после пожара 1762 г.: завершение строительства оплатила российская императрица Екатерина II после Первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. Первоначально Богоявленский собор, вероятно, тоже должен был иметь лучковые завершения окон с массивными обрамлениями и роскошный карниз с пояском и фризом по всему периметру. В основе планов обоих зданий лежит греческий крест. В памятнике на Ропно он наиболее выразителен за счёт отсутствия столбов, которые имитируют подкупольные опоры, имевшие, как и столбы в Богоявленском соборе, базу, ствол, фриз и карниз под потолком, следов которых сегодня не сохранилось. Оба здания имели ряд глубоких ниш, большинство которых было сосредоточено в алтарной части. Симметричные ниши имелись у западного входа, по одной или две боковые.

Наиболее раннее описание храма в селе Ропно датировано 1800 г. Согласно ему: «*Церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая, каменная, однопрестольная, крытая листовым железом, покрашенная зелёною маслянною краскою, о двух куполах, на куполах кресты железные, в западном куполе помещается 6 колоколов, все весят около 30 пуд и три колокола совершенно разбитых все весят около 12 пуд. В церкви 10 окон и пять деревянных дверей, из них двое дверей с висячими внутри замками, двое дверей с внутренними замками и одна с завалом* (деревянным засовом – *прим. авт.*)*, пол в церкви деревянный, покрашенный и в церкви имеются три печи. Вокруг церкви имеется решетчатая деревянная ограда. <…> Иконостас деревянный в виде треугольника, простой работы, одноярусный, местами вызолочен…*»[3]. Сегодня храм имеет 4 двери. Следы деревянного завала прослежены на откосах входа в алтарь в виде гнёзд в кирпичной кладке.

Довольно неожиданной находкой стал кирпичный склеп, прослеженный в шурфах 2 и 6. В известных нам документах он нигде не упомянут. Кладка его свода была выполнена из малоформатного кирпича 23,5 × 5,5 × (?) и 25,0 × 6,0 × (?) см, характерного для середины XIX в. [9, с. 103]. Толщина перекрытия, судя по кладке, – в полкирпича (12–13 см), под ним простукивалась пустота. Торцовая часть свода упиралась в выступ (переход от стены к фундаменту) XVIII в. в виде двух рядов тычковой кладки. У восточной части склепа с уровня глубины 0,5 м начинается завал из разновременного (XVIII–XIX вв.) кирпича, который перекрывает ступенчатый срез края свода, что может говорить о неповреждённости захоронения. Частично прослежена верхняя часть кладки восточной торцовой стены камеры. Далее завал не разбирался и захоронение не изучалось. Общая длина свода составляла около 2,85 м ширина склепа – около 1,5 м. Кто доподлинно был здесь захоронен, – нам выяснить пока не удалось. Возможно, это захоронение одного из настоятелей Богоявленского монастыря. На середину XIX в., когда, судя по формату кирпича, был сооружён склеп, приходится настоятельство следующих лиц: архимандрит Филарет Малишевский (1843 – 1850 гг.), архимандрит Павел Доброхотов (1850–1851 гг.), архимандрит Поликарп Пясецкий (1851 – 1853 гг.), архимандрит Фотий Романовский (1853 – 1855 гг.), архимандрит Митрофан Стежневский (1856 – 1859 гг.), архимандрит Сергий Оссовский (1861 – 866 гг.), в 1866 г. его обязанности исполнял игумен Тихон Кудрявцев, которого сменил архимандрит Григорий Лукашевич, руководивший обителью с 1867 по 1873 гг. [10, с. 60]. Среди данных лиц доподлинно известно, что только архимандрит Поликарп Пясецкий умер 11 сентября 1853 г. в Полоцке от холеры [11, с. 515]. Возможным обладателем склепа может быть Архимандрит Сергий Оссовский, настоятель Полоцкого Богоявленского монастыря, который в 1866 – 1867 гг. лежал, разбитый параличом, но указаний на его смерть в Полоцке нам неизвестно [11, с. 420, 516–517, 713].

Надпись на каменной плите, которая ныне стоит под деревом возле храма гласит «*Мир праху Священно Архимандрита Полоцкаго Богявленскаго клирика(?) мря(монастыря) Ректора Полоц. Дух Семинарии Отца Поликарпа Пясецкаго уроженца Черниговской епархии роди.(родился) 1811 г. и престав.(преставился) о Где(Господе) 11 Сентября 1853 г. Вечная память* ». Надмогилье было найдено у южной стены храма в 1990-х гг. и представляет собой плоское прямоугольное изделие с округлым верхом, лицевая поверхность которого полностью занята погребальным текстом в обрамлении, что исключало её постановку вертикально. Таким образом, она могла быть только уложена на горизонтальную плоскость. Данной плоскостью мог быть присыпанный песком свод найденного нами склепа. При этом лицевая сторона плиты размещалась на одном уровне с деревянным полом храма. Эти данные позволяют связать найденный склеп с именем архимандрита Поликарпа (рисунок 3).

Следующее описание храма относится к 1869 г. По данным составленного архимандритом Григорием Лукашевичем акта осмотра было констатировано: «*..1ое Церковь эта приписная к Полоцкаму Богоявленскому мужскому монастрыю, холодная, кладбищенская, каменная, с деревянным потолком и фальшивою главою, обшитою*

[3] НИАБ. – Ф. 2562. Оп. 1. Д. 134. – Л. 1.

листовым железом, крытою железом. Время основания и ремонтировалась ли она когда либо – неизвестно. Утверждённыго план при церкви не имеется. 2ое В архитектурном отношении церковь эта не замечательна; но, по стилю постройки, приближается к виду, принятому для православных храмов в Империи. Для прочности необходимо в ней произвести следующие работы, а именно: а) сделать новый деревянный пол, вместо совершенно ветхаго, с положением новых балок; б) устроить новый потолок; в) окрасить масляною краскою железныя крыши и барабан с куполом; г) исправить наружную и внутреннюю штукатурку до 40 квадратных сажень; д) побелить здание внутри и снаружи и е) исправить обшивку деревянной колокольни покраскою её масляною краскою. Для благолепия внутренности храма необходимо было бы устроить новый иконостас с иконами, так как существующий слишком беден и неизящен. 3е Церковь эте есть как бы кладбищенская, а потому служение производится только в следствие каких либо особенных случаев…»[4]. С этим документом связано и первое упоминание кладбища при ней, хотя первые захоронения появились значительно раньше. В ходе запланированной реконструкции, вероятно, были пробиты отдушины для проветривания деревянного пола. Одна из них была обнаружена при разработке шурфа 3 у северной стены алтаря и имеет в своей кладке малоформатный кирпич.

По часовой стрелке: плита архимандрита Поликарпа Пясецкого (фото автора статьи), плита Советника Петра Лаврентиевича Тринтроха, плита полоцкого купца Андрея Михайлова сына Снитки, надпись с оригинального гранитного надгробия Пелагеи Егоровны Городецкой(?); внизу – надгробие супруги генерал лейтенанта Ореуса Марии (фото А.С. Зиновьева).

Рисунок 3. – Надгробия кладбища при храме св. Николая в с. Ропно

Следующее описание храма относится к 1908 г. и говорит о том, что храм практически не изменился: «*…церковь эта каменная, о двух куполах, пол деревянный, в западном куполе помещаются 7 малых колоколов, 6 из них устроены иждивением Настоятеля монастыря Архимандрита Евфимия на его личные средства, все вместе весят около 30 пудов. Иконостас деревянный в виде треугольника, простой работы, местами вызолочен, иконы в нём все обновлены в 1904 году. В 1903 г. к входной двери и в пономарскую сделаны две деревянные пристройки, тёплые крыльца и покрыты железом, а внутри в алтаре и церкви три кирпичные печи, переделаны вновь полы и окрашены, а в 1906 году иждивением Настоятеля монастыря Архимандрита Евфимия, к всем окнам зимние рамы…*»[5]. С проводимыми в конце XIX – начале XX вв. ремонтами памятника связаны покраски нижних частей стен интерьера серой и чёрной краской, ей были изображены панели в нижней части стен, следы которых нами прослежены на профиле базы северо-западной подкупольной опоры храма. Данные колера, представляющие собой верхние покрасочные слои первоначальной уцелевшей штукатурки, могут быть связаны с подготовкой храма св. Николая к торжествам по случаю переноса Мощей Преподобной Евфросиньи Полоцкой из Киева в Полоцк. Надо сказать, что подобные панели (высотой около 1,5 м) в нижней части стен были устроены и у древнего Спасо-Преображенского храма в Спасо-Евфросиньевском монастыре. Об этом свидетельствуют как фотоснимки торжеств [2, с. 338], так и следы данных панелей, обнаруженных реставраторами во время реставрационных работ на памятнике в 2015–2019 гг. по изучению поздних штукатурных и красочных наслоений, в которых автору довелось участвовать.

[4] НИАБ. – Ф. 2503. Оп. 1. Д. 23. – Л. 376.

[5] НИАБ. – Ф. 2562. Оп. 1. Д. 668. – Л. 3, 3об.

Относительно появления некрополя вокруг храма, можно констатировать, что практически изначально он был запланирован в качестве места упокоения многих известных и влиятельных людей Полоцка. Большинство сохранившихся надгробий относятся к первой половине XIX в., среди них: Титулярного Советника Петра Лаврентиевича Тринтроха, родившегося в 1815 г., умершего от холеры в 1848 гг. и его малолетней дочери Елены на втором году жизни; супруги генерал лейтенанта Ореуса Марии. Оригинальную форму имеет надгробие титулярной советницы Пелагеи Егоровны Городецкой, умершей в 1892(?) г. (часть даты повреждена), но, судя по имеющимся фотографиям, его неоднократно перемещали. Самое раннее из сохранившихся захоронений связано с могилой полоцкого купца Андрея Михайлова, сына Снитки, датированное 1819 г. (см. рисунок 3).

Отдельные захоронения, видимо, были и против восточной стены апсиды. Ещё в период размещения в храме общежития, возле апсиды образовался провал в кирпичном своде подземного сооружения, и местные жители интерпретировали его, как подземный ход, по которому доходили до озера Ропно (возможно, из-за большой длинны камеры). Рядом с ним лежали опрокинутые надгробия, одно из которых принадлежало титулярной советнице Пелагее Егоровне Городецкой. Скорее всего, это был склеп. По воспоминаниям полоцкого краеведа С.Н. Глушкова, который раскапывал и изучал данный провал, захоронения там не было, но глубина камеры (около 1,0 м) позволяла свободно установить гроб (рисунок 4).

Рисунок 4. – Раскопки на месте склепа у северо-восточного угла храма и пролом в своде склепа (исследования и фотографии С.Н. Глушкова, предоставлены А.С. Зиновьевым)

В 1910 г. во время переноса мощей преподобной Евфросиньи Полоцкой из Киева в Полоцк Никольский храм в селе Ропно стал одним из пунктов следования объединённого крестного хода, двигавшегося на праздничные торжества в Полоцк. Он был начат прихожанами и духовенством 1-го Себежского округа и по пути включал в себя крестные ходы встречаемых приходов сёл Осынь, Долыссы, Клястицы, Белое, Головчицы. Так к нему присоединялись и крестные ходы от церквей, располагавшихся в стороне от маршрута объединённого крестного хода. В селе Ропно 20 мая к нему присоединяется крёстный ход от Махировской церкви. В том же Никольском храме совершается торжественное всенощное бдение, а утром 21 мая после молебна при участии 30 священнослужителей все участники крестного хода двинулись в Полоцк [2, с. 158–159].

С 20-х годов XX в после периода обновленчества и закрытия Полоцкого Богоявленского монастыря храм в Ропно становится приходским. Когда умер тогдашний священник, то выбор прихожан пал на иеромонаха Иоаникия Свиридова (в миру Иван Пахомович) (1878–1940?). Который в начале 1920-х годов пребывал в Марковом монастыре г. Витебска, а после был переведён в Полоцкий Богоявленский монастырь [12, с. 35]. Отец Иоаникий был арестован 9 марта 1930 г. и 14 марта того же года постановлением Тройки при ПП ОГПУ по БВО приговорен к высылке в Сибирь сроком на 3 года. После отбытия срока был освобождён и в 1937 г. проживал в г. Орше. Его арестовали вновь 17 ноября 1937 г. и 28 ноября постановлением Особой Тройки НКВД БССР он был приговорен к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет. Стал инвалидом, в феврале 1940 г. находился в Южлаге НКВД, Бурят-Монголия, с. Усть-Кяхта, больница № 3. Дальнейшая судьба неизвестна [12, с. 35].

После ареста Иеромонаха Иоаникия службы в храме, если и велись, то мирянским чином, а с 1936 г. его окончательно закрыли[6]. Потом храм разграбили и превратили по воспоминаниям местного старожила Фёдора Конторжевского 1952 г. (Опрос архитектора А.С. Зиновьева 2020.05.19) в склад. В бывшем храме колхозники ссыпали зерно. После освобождения Полоцка от фашистской оккупации бывшее церковное здание оказалось во владении колхоза «Советская Белоруссия», созданного в 1944 г. (документов о передаче церковного сооружения колхоз не предоставил), который вновь устроил в нём склад и по причинам всеобщей военной разрухи не заботился о сохранении[7]. К 1951 г. здание видимо пришло в такое запустение, что хранившее в нём зерно нередко портилось от сырости. Согласно «Протоколу № 1 заседания правления колхоза «Советская Белоруссия» от 22

[6] ЗГАПол. – Ф. 686. Оп. 1. Д. 305. – Л. 136.
[7] Там же.

января 1952 г.» на повестку дня был вынесен пункт №1 «*О выделении Льнозаводу (….в Ропно) земли и продажа Ропнянской кладовой(«Церкви»)*» по данному вопросу было принято следующее решение: *«…б)Продать «Церковь»(кладовую кирпичную) за 30000 рублей и вынести данное решение на обсуждение общего собрания колхозников*»[8]. После всех согласований решением облисполкома от 10 апреля 1952 г. было постановлено*: «бывшее церковное каменное здание, находящееся в дер. Ропно Махировского сельсовета, передать Полоцкому льнозаводу для оборудования его под клуб для рабочих льнозавода…*»[9]. По воспоминаниям Фёдора Конторжевского, клуба в здании так и не оборудовали и устроили общежитие, в котором поселилось 7 семей. При перестройке храма вся его верхняя часть была снесена до уровня венчающего карниза, при этом, видимо, был разобран и первоначальный потолок. Полы кватир подняли с учётом уровней подоконников с помощью высоких кирпичных столбов. Таким образом, под квартирами образовался обширный подклет, где хранилась картошка. В ходе работ была убрана надмогильная плита со склепа, на свод которого поставили один из кирпичных столбов. Входы в квартиры прорубили в южной и западной стенах храма, разбурив арки первоначальных дверей. На таких же высоких кирпичных столбах возвели входные тамбуры с лестницами (рисунок 5).

Рисунок 5. – Восточный, южный и западный фасады перестроенного под общежитие храма (фотографии 90-х годов XX в. С.Н. Глушкова, предоставлены А. С. Зиновьевым)

При этом часть надгробий кладбища была уничтожена или сдвинута со своих мест. Так, на надмогильной плите Титулярного Советника Петра Лаврентиевича Тринтроха имеются повреждения в виде зарубок от топора (?). В конце 80 – начале 90-х годов почти все могилы вскрыли мародёры.

Наши исследования показали, что сегодня уровень пола поднят от первоначального на 0,5 – 0,6 м за счёт слоя песка. Под ним начинается новый слой, содержащий обломки досок, древесную труху, строительный мусор, металлическую и стеклянную тару, оставшиеся после деятельности общежития. С этого же уровня начинались остатки квадратных в сечении кирпичных столбов подклета. Также был поднят и уровень земли вокруг здания, булыжный цоколь частично был засыпан и закрыт бетоном отмостки. Практически вся первоначальная штукатурка со стен была сбита, на стены была набита сетка рабица, и новая штукатурка имела в своём составе подавляющее преобладание цемента, что, как и закрытие бутового цоколя бетоном, привело к накоплению сырости в стенах.

Заключение. Проведенные исследования позволяют нам сделать следующие выводы.

Изучаемая нами церковь была возведена на землях, принадлежащих Богоявленскому монастырю, в качестве убежища на случай гонений со стороны котоликов и униатов. Появление при церкви кладбища было связано с приданием кладбищенской Покровской церкви в Полоцке статуса приходской и прекращения при ней захоронений после 1785 г. Никольский храм возвели в традициях местной архитектуры (лопатки, карниз и фриз с пояском, лучковые окна с массивными обрамлениями и замковыми камнями на арках, треугольные фронтоны и первоначально черепичная кровля). Очень скоро произошла его первая реконструкция из-за пожара – появились оббитые железом колокольня и фальшивый купол. Кладбище при храме стало местом захоронения жертв эпидемий, а также знатных лиц, умерших от холеры. Найденный в храме склеп с большой долей вероятности мог служить могилой архимандрита Полоцкого Богоявленского монастыря Поликарпа Пясецкого, умершего от холеры. Накануне упразднения Богоявленского монастыря в 1920-е годы, Никольский храм становится приходским и к нему рукополагается священник. После закрытия церкви, разграбления и устройства в ней склада, последующей переделки здания под общежитие, от храма остаются только кирпичные стены.

Проведённая в 2015 – 2019 гг. реставрация здания была не совсем удачной из-за нехватки информации. Не были учтены конструктивно-стилистические особенности уцелевших стен храма, была значительно поднята прилегающая к нему дневная поверхность и уровень пола внутри, что привело к появлению сырости. Для устранения данных проблем, выявления элементов первоначальной архитектуры и позднейших перестроек требуется проведение зондажных работ по стенам. Также необходимо понижение прилегающей к храму дневной поверхности на 0,5 м от уступа цоколя и устройство новой отмостки со значительным наклоном, полное удаление цементных и бетонных вставок штукатурки (они служат причиной накопления сырости в сложенных на известковом

[8] ЗГАПол – Ф. 1968, Оп. 1, Д. 12. – Л. 1.
[9] ЗГАПол. – Ф. 686. Оп. 1. Д. 305. – Л. 136.

растворе стенах) и замена её известковой штукатуркой (примесь цемента должна быть минимальной). Внутри храма, при условии сохранения имеющегося пола, необходимо вдоль стен вырезать в полу и стяжке щель шириной до 5,0 см до песчаной подсыпки. Образовавшийся мусор должен быть тщательно выбран. Это необходимо для предотвращения скопления под бетонной стяжкой сырости и проникновения её в стены храма. Кроме того, требуются тщательные археологические исследования как в самом храме, так и на прилегающей к нему территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дэйніс І.П. Полацкая даўніна. – Мінск: Медисонт, 2007. – 328 с.
2. Полоцкое Радование: Свято-Евфросиниевские Торжества 1910 года / ред. А.Г. Борисова-Горюнова; худ. А.П. Маковцов. – Полоцк: Свято-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке Полоцкой епархии Белорусской Православной Церкви, 2010. – 437 с.
3. Падокшын С.А. Унія. Дзяржаўнасць. Культура: філасофска-гістарычны аналіз. – Мінск, 2000. – 110 с.
4. Авчинникова Ю.А., Соловьев А.А. Полоцкая Покровская церковь: краткий исторический очерк. – Полоцк: Полоц. книж. изд-во, 2021. – 115 с. (Наследие Полоцкой земли).
5. Салаўёў А.А. Гарадская прастора Полацка ў складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.): гістарычныя традыцыі і новыя рэаліі // Полацк у святле станаўлення гістарычных і нацыянальных форм беларускай дзяржаўнасці (IX–XX стст.) / Д.У. Дук [і інш.]. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2019. – С. 77–96.
6. Соловьёв А.А. Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581–1914): архитектурно-археологический очерк. – Полоцк: Полоц. книж. изд-во, 2012. – 97 с.
7. Борун Е.Н., Довгяло Н.В. Утраченные архитектурные объекты: монастырские комплексы Полоцкой православной епархии // Актуальные проблемы архитектуры Белорусского Подвинья и сопредельных регионов: сб. ст. респ. науч.-практ. семинара, Новополоцк, 8–9 окт. 2015 г.; под общ. ред. В.Е. Овсейчика (отв. ред), Г.И. Захаркиной, Р.М. Платоновой. – Новополоцк: ПГУ, 2015. – С. 48–51.
8. Говорский К.А. Историческое описание Полоцкой епархии и всех монстырей, в сей епархиинаходящихся. – СПб.; Минск: Медиал, 2025. – 343 с.
9. Соловьёв А.А Натурные исследования второго этажа здания бывшего «Гранд отеля» по проспекту Ф Скорины, д. № 5 в г. Полоцке // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. F, Прикладные науки. Строительство. – 2022. – № 8. – С. 102–111. DOI: https://doi.org/10.52928/2070-1683-2022-31-8-102-111.
10. Борун Е.Н. Монашеские общины города Полоцка: история, организация управления, характеристика братств в середине XIX – начале XX вв. // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2010. – № 1. – С. 57–65.
11. Архиепископ Савва (Тихомиров). Хроника моей жизни. Т. 1-9. – Т. 3. – М.: Изд-во Свято Троицкой Сергиевой лавры. Собств. тип., 1901. – 814 с.
12. Горидовец В. Витебский мартиролог (1918–1952). – Витебск, 2008. – 75 с.

Поступила 18.03.2025

ST. NICHOLAS CHURCH IN ROPNO (KOLLEKTIVNAYA VILLAGE): ARCHITECTURAL AND HISTORICAL NOTES

A. SOLOVYOV
(Polotsk National Historical and Cultural Museum-Reserve)

This article presents the results of a study of a little-known architectural monument from the late 18th century, located in the vicinity of Polotsk – the stone Church of St. Nicholas in the village of Ropno. We examined the building's foundations and walls. It was discovered that the church shares a number of architectural and layout features with the Epiphany Cathedral in Polotsk. Of no less interest is the brick crypt containing an unknown burial. We were able to partially trace traces of later renovations and the monument's history in the 20th century.

Despite the damage caused to the church in the second half of the 20th century, it requires in-depth study and careful restoration, and the creation of an independent parish. The location of the church's appearance also deserves attention: it requires careful archaeological and archival study. The antiquity of the structure, as well as the locale in which it was erected, could make the Church of St. Nicholas one of the major spiritual and cultural centers of the Polotsk region.

Keywords: *Polotsk, Ropno, the Epiphany Cathedral, St. Nicholas Church, field studies, history of architecture.*

УДК 930.2(476) **DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-23-26**

УСПАМІНЫ АЛЬБРЭХТА СТАНІСЛАВА РАДЗІВІЛА ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ КЛІМАТУ УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XVII СТ.

канд. гіст. навук, дац. А.А. СУБОЦІН
(Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт)
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9012-5303

У артыкуле разглядаюцца апісанні клімату Усходняй Еўропы першай паловы XVII ст., зробленыя канцлерам вялікім літоўскім Альбрэхтам Станіславам Радзівілам ва "Успамінах пра падзеі ў Польшчы". Аўтар дадзенага помніка мемуарнай літаратуры засяродзіў сваю ўвагу на апавяданні пра надвор'е асобных зім і вясенніх сезонаў з моцнымі засухамі, частка з якіх ідэнтыфікуецца па нашэсцях саранчы. Вялікі пласт запісаў датычыцца экстрымальных кліматычных з'яў, дзе асабліва вылучаюцца звесткі пра моцныя вятры і зацяжныя дажджы з маланкамі. Пэўную метэаралагічную інфармацыю даюць запісы пра візіты караля Рэчы Паспалітай Уладзіслава IV у Вільню, падчас якіх Радзівіл апавядае і пра стан надвор'я. Характар запісаў, занатаваных ва Успамінах адлюстроўвае асаблівасці рэлігійнага светапогляду таго часу, калі кліматычныя з'явы ў большасці сваёй тлумачыліся праяўленнем волі Бога.

Ключавыя словы: *клімат, гістарычная кліматалогія, Малы ледавіковы перыяд, Рэч Паспалітая, Усходняя Еўропа.*

Уводзіны. Праблемы змены клімату ўсё больш хвалююць сучаснае грамадства, на што значны ўплыў аказваюць частыя кліматычныя катаклізмы і прыродныя анамаліі, якія паўтараюцца з года ў год. Далейшыя доўгатэрміновыя прагнозы змены клімату можна рабіць не толькі на аснове інструментальных метэаралагічных дадзеных, але і дзякуючы аналізу пісьмовых крыніц, што зафіксавалі пэўныя кліматычныя з'явы мінулых стагоддзяў. Сярод такіх крыніц важнае месца займаюць "Успаміны пра падзеі ў Польшчы", запісаныя канцлерам вялікім літоўскім Альбрэхтам Станіславам Радзівілам у 1632–1656 гг. Успаміны спалучаюць у сабе элементы мемуараў і дыярыуша, дзе апавяданне вядзецца як у межах пэўных месяцаў, так і канкрэтных дзён. Каштоўнасць адзначанага пісьмовага помніка заключаецца ў адлюстроўванні фактаў пра кліматычныя ўмовы Усходняй Еўропы першай паловы XVII ст. па асобна ўзятых гадах, па якіх амаль адсутнічае інфармацыя метэаралагічнага характару ў іншых пісьмовых крыніцах.

Асноўная частка. Першыя запісы ва Успамінах як раз і апісваюць умовы надвор'я. Альбрэхт Станіслаў Радзівіл пачынае сваё апавяданне з таго, што зіма 1631/1632 гг. вызначалася нестабільнасцю і пераменлівасцю. У студзені 1632 г. у раёне Пінска доўгія дажджы зрабілі дарогі небяспечнымі для падарожжаў: рэкі разліліся, а балоты, што былі характэрныя для гэтай мясцовасці, падтаялі. Аднак адной студзеньскай ноччу маразы раптоўна вярнуліся. Гэта дазволіла Альбрэхту Станіславу разам з братам Жыгімонтам Каралем Радзівілам і шматлікай працэсіяй рушыць з Нясвіжа ў Пінск на сеймік, што быў прызначаны на 20 студзеня [1, s. 101].

Наступны па храналогіі запіс, які можа ахарактарызваць кліматычныя ўмовы на тэрыторыі Беларусі, быў зроблены Альбрэхтам Станіславам Радзівілам пад 1633 г. 20 мая гэтага года кароль Рэчы Паспалітай Уладзіслаў IV паляваў паблізу Гродна. Аўтар Успамінаў згадаў пры гэтым, што моцны вецер, які ўзняўся ў той дзень, не стаў перашкодай для каралеўскага палявання, і манарх заставаўся на ім да самага вечара. Летам таго ж года Уладзіслаў IV накіроўваецца ў Вільню для прыняцця прысягі феадалаў Вялікага Княства Літоўскага з нагоды ўступлення на трон. У сваіх запісах Радзівіл таксама ўпамінае пра ўмовы надвор'я, што суправаджалі гэты шлях. Напрыклад, 17 чэрвеня каралеўская дэлегацыя, у склад якой, мяркуючы па ўсім, уваходзіў і сам аўтар Успамінаў, была вымушана затрымацца ў Мерачы з-за знясілення коней ад летняй спёкі. З далейшага апісання відаць, што напрыканцы месяца гарачае надвор'е змянілася дажджамі. 24 чэрвеня, калі быў прызначаны ўезд караля ў Вільню, моцны дождж замачыў удзельнікаў сустрэчы каля горада. Тым не менш, нягледзячы на непагадзь, гараджане ўрачыста сустрэлі манарха за мілю ад Вільні, пасля чаго Уладзіслаў IV уехаў у сталіцу [1, s. 310–311].

29 кастрычніка 1633 года Альбрэхт Станіслаў Радзівіл, знаходзячыся ў Нясвіжы, апісаў незвычайную прыродную з'яву: "Глядзець на гэты дзень было страшна, таму што, калі ён надыйшоў, можна было бачыць, не без жаху, як сонца то чырванее, то зацямняецца чырвонымі хмарамі, то святлее" [1, s. 335]. Такое становішча неба захоўвалася амаль два дні і, як згадвае аўтар Успамінаў, толькі праз працяглыя малітвы ўдалося дачакацца ўсталявання нармальнага надвор'я [1, s. 335]. Як бачым, у светапоглядзе людзей XVII ст. яшчэ захоўвалася ўяўленне пра прыродныя з'явы і кліматычныя змены як пра праявы Божай волі ці дзейнасць звышнатуральных сіл, на якія магчыма ўплываць праз правядзенне рэлігійных абрадаў.

Асобнай часткай Успамінаў Альбрэхта Станіслава Радзівіла выступаюць апісанні падзей Смаленскай вайны 1632–1634 гг. паміж Расіяй і Рэччу Паспалітай. Акрамя непасрэднага асвятлення баявых дзеянняў ён указаў некалькі фактаў і пра кліматычныя ўмовы іх вядзення. У прыватнасці, у запісе ад 16 лістапада 1633 г. адзначалася пра ўзвядзенне войскамі Рэчы Паспалітай абарончых валоў на Жаваронкавай гары пад Смаленскам, калі зямельным працам перашкодзіў снег і мароз [1, s. 337]. У цэлым зіма 1633/1634 гг. аказалася надзвычай суровай. Радзівіл у сувязі з гэтым адзначаў, што кароль Рэчы Паспалітай у адзін са снежаньскіх дзён аддаў загад выкарыстаць сітуацыю халоднага надвор'я і ўдарыць па расійскім войскам, якія ў гэты час пакутвалі ад маразоў і пастаянна высякалі дрэвы для абагрэву. Аднак моцныя маразы адмоўна адбіліся і на войсках Рэчы Паспалітай, калі пры штурме расійскіх пазіцый ад холаду загінула 24 воіна, а 40 чалавек ледзь ачуняла ад абмаражэння.

Маразы, па сведчанні Успамінаў, працягнуліся да сакавіка 1634 г. і рэзка змяніліся адлігай, калі Уладзіслаў IV накіроўваўся да вёскі Белай (пад Смаленскам), і каралеўскі абоз завяз у брудзе і растаўшых балотах [1, s. 341, 365]. Інфармацыю пра халодную зіму 1633/1634 гг. на тэрыторыі Усходняй Еўропы мы не сустракаем у класічных працах расійскіх гісторыкаў клімату М.А. Багалепава, І.Я. Бучынскага, Я.П. Барысенкава і В.М. Пасецкага. У той жа час польскі даследчык міжваеннага перыяду Р. Верхрацкі, аналізуючы стыхійныя бедствы ў Польшчы і суседніх краінах за 1587–1647 гг., вызначыў, што студзень і люты 1634 г. былі суровыя і марозныя на тэрыторыі Літвы [2, s. 322].

У запісах, датаваных маем 1634 г., Альбрэхт Станіслаў Радзівіл адзначаў, што гэты месяц быў багаты на вятры і частыя пажары, якія закранулі мноства гарадоў [1, s. 377]. Апісанне сведчыць пра надыход сухога і цёплага надвор'я, якое, як падаецца, мемуарыст адносіць як да тэрыторыі Польшчы, так і да тэрыторыі ВКЛ. Гэты вывад часткова пацвярджаюць дэндрахраналагічныя дадзеныя, прадстаўленыя ў Атласе засух Старога Свету і Атласе засух Еўрапейскай Расіі, дзе ў вегетацыйны перыяд 1634 г. сярэдні індэкс вільготнасці па шкале Палмера апусціўся да значэння -4, якое суадносіцца з экстрэмальна сухім надвор'ем[1].

Кароткая інфармацыя пра кліматычныя ўмовы згадваецца ва Успамінах пад 1636 г. 5 сакавіка Радзівіл апісвае прыбыццё караля ў Вільню без урачыстых цэрымоній на санях [1, s. 520]. Апошняя нязначная акалічнасць, аднак, сведчыць пра захаванне шчыльнага снежнага покрыву і панаванне халодных умоў надвор'я ў пачатку вясенняга перыяду.

Халоднай і з моцнымі маразамі, па сведчанні Успамінаў, на тэрыторыі Усходняй Еўропы аказалася зіма 1636/1637 г. Так, аўтар упамінае, што ў снежні 1636 г. у Маскве з-за моцных маразоў была адкладзена праца адной з польска-расійскіх камісій па выніках Смаленскай вайны. Марознае надвор'е Альбрэхт Станіслаў Радзівіл у гэты час упамінаў і на тэрыторыі Валыні, дзе знаходзілася частка яго ўладанняў. У прыватнасці, ён адзначаў, што ў снежні накіраваўся ў Луцк на сустрэчу з каралём са свайго маёнтка ў Алыцы пры адлізе, а вяртаўся ў той жа месяц ужо ва ўмовах моцных маразоў. Сведчанні пра халоднае надвор'е гэтай зімы працягваюцца і ў наступных запісах Радзівіла. 23 студзеня 1637 г. ён выехаў з Алыкі на сейм. Падчас паездкі людзі, якія суправаджалі канцлера, абмарозілі вушы, насы, твары і рукі. Відаць, халоднае надвор'е ўсталёўвалася да сакавіка, калі ўжо вяртаючыся з Варшавы ў Алыку, Альбрэхт Станіслаў адзначаў, што зямля была замерзлай і рэкі былі пакрытыя лёдам [1, s. 566; 3, s. 14, 27]. Апісаныя вышэй халодныя зімы ва Усходняй Еўропе сталі адным з характэрных праяўленняў Малога ледавіковага перыяду, які ўступае ў першай палове XVII ст. у чарговую стадыю пагаршэння клімату, калі адбываецца значнае зніжэнне сонечнай актыўнасці [4, p. 1883]. Акрамя таго, у 1630–1640-я гг. назіраецца актывізацыя вулканаў у розных рэгіёнах Зямлі, што таксама паўплывала на паніжэнні тэмператур. У прыватнасці, калі казаць пра марозную зіму 1636/1637 гг., то адным з магчымых фактараў, які аказаў уздзеянне на кліматычныя ўмовы гэтага сезона, можна лічыць вывяржэнне вулкана Гекла (Ісландыя) у маі 1636 г. Вывяржэнне цягнулася каля года, было адзначана ўсплёскам выкідаў серы ў стратасферу і садзейнічала рассейванню сонечнай радыяцыі з наступствамі пахаладання [5, p. 1087, 1097].

Па аналогіі з метэаралагічнымі ўмовамі мая 1634 г. пасля суровай зімы 1633/1634 гг., сухое надвор'е ўсталёўвалася і ў маі 1637 г. У гэты месяц Радзівіл знаходзіўся на Валыні і адзначаў, што моцная засуха выклікала шмат пажараў у гарадах і значна скараціла ўраджай збожжавых [3, s. 32]. Падобныя ж кліматычныя ўмовы ў гэтым рэгіёне апісвае і Летапіс Самавідца, дзе адзначаецца, што на працягу ўсёй вясны не было дажджоў і ўраджай збожжа быў сабраны ў той колькасці, у якой быў і засеяны [6, с. 78]. Такім жа сухім на тэрыторыі Украіны аказаліся вясна і лета наступнага 1638 г., пад якім Альбрэхт Станіслаў Радзвіл упамінуў нашэсце саранчы, што лічыцца адным з паказчыкаў засушлівасці клімату. Нашэсце саранчы, па сведчанні аўтара Успамінаў, працягвалася аж да лістапада, калі пачаліся моцныя дажджы і гэтыя насякомыя пачалі гінуць [3, s. 108]. Для параўнання, чарада сухіх вясенніх і летніх сезонаў назіралася ў 1634–1638 гг. і ў краінах Цэнтральнай Еўропы, што можна лічыць агульнай кантынентальнай тэндэнцыяй усталявання экстрымальных кліматычных умоў [4, p. 1872].

Наступны метэаралагічны запіс, які адносіўся да Усходняй Еўропы, быў зроблены ва Успамінах пры апавяданні пра верасень 1640 г. Радзівіл, знаходзячыся на Львоўшчыне, адзначыў, што тут гэты месяц быў засушлівым, а лета суправаджалася шматлікімі дажджамі [3, s. 222].

Багатымі на буры і моцныя вятры, па сведчанні Радзівіла, на Валыні аказаліся вясна і лета 1643 г. Першая бура была занатавана 4 мая ў маёнтку шляхціча Бабінскага ў Луцкім павеце. Бура знесла дахі дамоў і падняла ваду ў сажалках на 30 і больш локцяў. Падчас буры загінулі людзі, якіх знайшлі ў дзвюх мілях ад маёнтка. Прычыну адзначанай стыхіі Альбрэхт Станіслаў таксама патлумачыў з рэлігійнага пункту гледжання, вызначыўшы, што яна была выклікана дзеяннямі ведзьмаў, а ўладальнік маёнтка Бабінскі быў арыянінам, адсюль прыналежнасць да "няправільнай" веры не магла спыніць такіх чараў [3, s. 359]. Такая асаблівасць рэлігійнага светапогляду Радзівіла цалкам супадала з тэндэнцыямі грамадскага развіцця таго часу, калі разнастайныя стэхійныя бедствы выліваліся ў серыі судовых працэсаў над ведзьмамі. Напрыклад, у гарадах Каралеўскай Прусіі за 1641–1650 гг. было праведзена 7 ведаўскіх працэсаў, дзе людзям высоўваліся абвінавачванні ў выкліканні кліматычных катаклізмаў [7, p. 18]. Яшчэ адна бура ў 1643 г. зафіксавана ва Успамінах 20 чэрвеня ў Алыцы, калі стыхія пагнула крыж на касцёле, сарвала дахі з дамоў і нанесла пашкоджанні мясцоваму замку. Такія ж па моцы парывы ветру былі тут і 7 ліпеня [3, s. 362, 364].

[1] Old World Drought Atlas / National Centers for Environmental Information. – URL: https://www.ncei.noaa.gov/access/paleo-search/study/19419 (дата звароту: 14.12.2025); The European Russia Drought Atlas (ERDA) Reconstruction of PDSI from 1400–2016 CE / National Centers for Environmental Information. – URL: https://www.ncei.noaa.gov/pub/data/paleo/drought/cook2020-erda/visualizations (дата звароту: 14.12.2025).

Пад 1647 г. выпадкі, звязаныя з экстрэмальнымі кліматычнымі з’явамі, былі зафіксаваны ва ўладаннях Альбрэхта Станіслава Радзівіла на тэрыторыі Беларусі. Так, 13 чэрвеня ў адным з яго маёнткаў маланка ўдарыла ў дом, выклікаўшы ўзгаранне, і толькі праліўны дождж не дазволіў агню пашырыцца далей. Неспрыяльнае надвор’е з навальніцамі, моцнымі дажджамі і парывістымі вятрамі ахапіла, па вызначэнні літоўскага канцлера, у гэты дзень ўсю Беларусь. У прыватнасці, аўтар Успамінаў адзначыў, што падчас гэтай непагадзі ў Нясвіжскім замку нібыта з’явілася цялега, запрэжаная коньмі, якая рухалася па двары. Можна выказаць здагадку, што размова магла ісці пра шаравую маланку, сімвалічна апісаную Радзівілам. Ён таксама паведаміў, што маланкі двума ўдарамі трапілі ў замак і нанеслі шкоду Нясвіжскаму касцёлу Божага Цела. Пасля згадкі пра стыхійны катаклізм аўтар мемуараў апісаў яго наступствы: працяглыя ліўні выклікалі маштабныя паводкі і прарыў грэбляў, што ў сваю чаргу прывяло да знішчэння ўраджаю і істотных эканамічных стратаў [8, s. 45].

На падставе Успамінаў можна зрабіць асобную характарыстыку зімовага перыяду 1647/1648 гг. У запісах, датаваных снежнем 1647 г., было адзначана наступнае: “Я спяшаўся да двара і з вялікімі цяжкасцямі пераправіўся па недастаткова скаванай льдом рацэ да Пінска” [8, s. 56]. Гэтае апісанне паказвае, што ў пачатку зімы надвор’е на поўдні Беларусі было нестабільным, з частымі адлігамі. У выніку на некаторых участках рэк адсутнічала дастатковая таўшчыня ледзянога покрыва, здольная вытрымаць вагу саней. Падобнае ж па змесце апісанне Альбрэхт Станіслаў Радзівіл пакінуў і пра студзень 1648 г., калі паведаміў, што кароль Уладзіслаў IV планіраваў наведаць Літву, аднак вымушаны быў адкласці падарожжа ў сувязі з неспрыяльнымі прыроднымі ўмовамі: рэкі заставаліся недастаткова замёрзлымі і пачаліся дажджы, што зрабіла паездку немагчымай. Падарожжа караля і яго жонкі ў ВКЛ адбылося толькі ў пачатку вясны. 19 сакавіка, паводле звестак Радзівіла, каралеўскія асобы прыбылі ў Вільню на санях. У гэты дзень у горадзе панавала яснае, але вельмі марознае надвор’е. [8, s. 66, 70]. У выніку можна прыйсці да высновы, што зіма 1647/1648 гг. была даволі цёплай, адметнай частымі адлігамі і нават дажджамі, што адлюстравалася на нестабільнасці лёдавага покрыву на рэках. Халоднае надвор’е вяртаецца ў сакавіку, калі адзначаліся маразы і быў зафіксаваны даволі высокі ўзровень снежнага покрыву. Для параўнання, аналагічнае апісанне згаданага сезона на тэрыторыі Польшчы і ВКЛ прыводзіць райца горада Казіміра (прадмесце Кракава) Марцін Галінскі ў сваім зборніку дакументаў і навін “Silva rerum”. У гэтым зборніку пад 1648 г. было адзначана: “Зіма была няўстолівай: то амаль не было маразоў, то толькі невялікія замаразкі, то дажджы” [9, s. 3].

Апісанне чарговай кліматычнай з’явы было складзена Альбрэхтам Станіславам Радзівілам 20 мая 1649 г. У гэты дзень падчас візіту да віленскага ваяводы Крыштафа Хадкевіча ў яго фальварку, размешчаным недалёка ад сталіцы ВКЛ, былі адзначаны незвычайна магутныя грымоты. У самой Вільні ў гэты час ад удару маланак загінулі некалькі чалавек, а таксама здарыўся пажар у касцёле святога Аўгусціна [8, s. 198].

У сваіх Успамінах пад 1649 г. Радзівіл робіць рэтраспекцыю падзей папярэдняга года, калі пачалося паўстанне Б. Хмяльніцкага. У сваіх украінскіх уладаннях канцлер адзначыў нашэсце саранчы, якая знішчыла амаль усе пасевы. Пры гэтым было сказана, што саранча знікла пасля таго, як сышлі казакі і татары [8, s. 213]. Такое ўспрыманне нашэсця саранчы мемуарыстам можна лічыць тыповым для Сярэднявечча і Ранняга Новага часу. Прадстаўленні пра саранчу насілі эсхаталагічны характар з характэрнымі рысамі містычнага ўспрымання. У прыватнасці, упамінанні пра нашэсце саранчы часта звязвалася з прыходамі варожых войскаў [10, с. 20]. Адпаведна адступленне варожых сіл выклікала і знікненне саранчы. У цэлым, як і нашэсце 1638 г., налёты саранчы 1648 г. можна лічыць індыкатарам сухога і цёплага надвор’я, якое ўсталявалася на тэрыторыі Украіны ў летні сезон.

Кліматычныя ўмовы вядзення баявых дзеянняў падчас паўстання Б. Хмяльніцкага былі апісаны Радзівілам пры апавяданні пра абарону Збаража ў 1649 г. Пад датай 19 ліпеня быў зроблены такі запіс: “Божая ласка паспяшалася на дапамогу, паслаўшы дождж, які адціснуў ворагаў ад валоў і ўмацаванняў. Тады нашы людзі ў вылазцы знішчылі іх машыны, і было дзіўна, што кноты, запаленыя пяхотай, гарэлі пад моцным дажджом” [8, s. 216]. У адзначаным сведчанні, як бачым, зноў-такі бачны рэлігійны падтэкст пры апісанні ўмоў надвор’я, змены якога ўспрымаліся аўтарам Успамінаў безумоўна як воля Бога, якая прадвызначыла поспехі баявых дзеянняў супраць казакаў.

Апошняе па храналогіі сведчанне пра кліматычныя ўмовы на тэрыторыі Усходняй Еўропы, занатаванае ва Успамінах, адносіцца ўжо да часоў праўлення караля Яна Казіміра. У лютым 1653 г. Альбрэхт Станіслаў адзначае, што манарх знаходзіўся ў Гродне, пасля чаго выправіўся ў Кобрын. Там ён сустрэўся з войскамі Рэчы Паспалітай і збіраўся асабіста ўзначаліць паход супраць казакоў на тэрыторыі Украіны. Аднак, паводле меркавання Радзівіла, кароль адмовіўся ад удзелу ў баявых дзеяннях з-за ўнутраных канфліктаў у ваенным лагеры, а таксама ў сувязі з няпэўнымі і непастаяннымі зімовымі ўмовамі [8, s. 376]. З гэтага вынікае, што люты 1653 г. вызначаўся адсутнасцю суровых маразоў і частымі пацяпленнямі, што зноў жа не дазволіла рэкам замерзнуць, бо менавіта яны ў асноўным выкарыстоўваліся для перамяшчэння ў зімовы перыяд.

Заключэнне. Такім чынам, Успаміны Альбрэхта Станіслава Радзівіла разам з апісаннем палітычных падзей даюць падрабязную інфармацыю пра клімат першай паловы XVII ст. на тэрыторыі Усходняй Еўропы, у прыватнасці, і Беларусі. У запісах літоўскага канцлера значнае месца займае характарыстыка зім, сярод якіх экстрымальна халодным надвор’ем былі адзначаны сезоны 1633/1634 гг. і 1636/1637 гг., а няўстолівым надвор’ем з вялікай колькасцю адліг – сезоны 1631/1632 гг., 1647/1648 гг. і пачатак 1653 г. Вялікую ўвагу Радзівіл засяроджвае на апавяданні пра засухі, што ахапілі тэрыторыю Усходняй Еўропы вясной 1634, 1637, 1638 і 1648 гг. Індыкатарам засух у некаторых частках рэгіёна можна лічыць занатаваныя ўпамінанні пра нашэсці саранчы. Аўтар Успамінаў пры апісанні кліматычных умоў вызначае іх у якасці адной з прычын, якая аказала спрыяльнае ці адмоўнае ўздзеянне на вядзенне асобных баявых дзеянняў Смаленскай вайны і паўстання Б. Хмяльніцкага. Як і ў астатніх помніках мемуарнай літаратуры, ва Успамінах Радзівіла былі пакінуты запісы пра экстрымальныя прыродна-

кліматычныя з’явы, сярод якіх вылучаюцца моцныя буры і зацяжныя дажджы з грымотамі, што наносілі значную шкоду гаспадарцы. Пэўную метэаралагічную інфармацыю даюць запісы пра візіты Уладзіслава IV у Вільню, удзельнікам якіх, відаць, быў і сам Альбрэхт Станіслаў Радзівіл, што ўпамінае пра даждлівае надвор’е падчас прысягі феадалаў ВКЛ каралю ў 1633 г. і наяўнасць снежнага покрыву ў сакавіку 1636 і 1648 гг. Адметнай рысай метэаралагічных запісаў Успамінаў стала тлумачэнне з’яў надвор’я ўздзеяннем на іх звышнатуральных сіл. Такая акалічнасць паказвае, што ў светасузіранні XVII ст. яшчэ захоўваецца яго рэлігійная аснова і ўсталяванне сувязі паміж станам прыроды і воляй Бога, якая вызначала ўзнікненне ўсіх кліматычных катаклізмаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Radziwiłł A.S. Pamiętnik o dziejach w Polsce. T. 1, 1632–1636. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980. – 603 s.
2. Werchracki R. Klęski elementarne w Polsce w latach: 1587–1647. I. Zjawiska meteorologiczne, stan urodzajów i pomory bydła. – II. Mory // Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie. –1938. – R. XVIII, Z. 3. – S. 321–326.
3. Radziwiłł A.S. Pamiętnik o dziejach w Polsce. T. 2, 1637–1646. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980. – 555 s.
4. Brázdil R., Dobrovolný P., Pfister C., Kleemann K., Chromá K., Szabó P., Olinski P. Weather and climate and their human impacts and responses during the Thirty Years’ War in Central Europe // Climate of the Past. – 2023. – Vol. 19, Iss. 9. – P. 1863–1890.
5. Stoffel M., Corona C., Ludlow F., Sigl M., Huhtamaa H., Garnier E., Helama S., Guillet S., Crampsie A., Kleemann K., Camenisch C., McConnell J., Gao C. Climatic, weather, and socio-economic conditions corresponding to the mid-17th-century eruption cluste // Climate of the Past. – 2022. – Vol. 18, Iss. 5. – P. 1083–1108.
6. Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. С приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, “Краткого описания Малороссии” и “Собрания Исторического” / под ред. О.И. Левицкого. – Киев: Тип. К. Н. Милевского, 1878. – 584 с.
7. Wijaczka J. The Impact of Climate Change on Witch Trials: Myth or Reality? The Example of Royal Prussia in the Sixteenth–Eighteenth Centuries // Kwartalnik Historyczny. – 2022. – Vol. CXXIX. – P. 5–27.
8. Radziwiłł A.S. Pamiętnik o dziejach w Polsce. T. 3, 1647–1656. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980. – 645 s.
9. Namaczyńska S. Kronika klęsk elementarnych w Polsce i w krajach sąsiednich w latach 1648–1696. 1. Zjawiska meteorologiczne i pomory. – Lwów: Skł. gł. Kasa im. rektora J. Mianowskiego, Instytut Popierania Polskiej Twórczości Naukowej, 1937. – 234 s.
10. Воловик О.В. Нашествия саранчи на территории Восточной Европы XVIII в.: специфика восприятия, экономические и социокультурные последствия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 6. – С. 19–25.

Паступіў 09.12.2025

ВОСПОМИНАНИЯ АЛЬБРЕХТА СТАНИСЛАВА РАДЗИВИЛЛА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КЛИМАТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

канд. ист. наук, доц. А.А. СУББОТИН
(Витебский государственный технологический университет)

В статье рассматриваются описания климата Восточной Европы первой половины XVII в., сделанные канцлерам великим литовским Альбрехтом Станиславом Радзивиллом в “Воспоминаниях о событиях в Польше”. Автор данного памятника мемуарной литературы обратил своё внимание на повествовании о погоде отдельных зим и весенних сезонов с сильными засухами, часть из которых идентифицируются по нашествиям саранчи. Большой пласт записей касается экстремальных климатических явлений, где особенно выделяются сведения о сильных ветрах и затяжных дождях с молниями. Определённую метеорологическую информацию дают записи о визитах короля Речи Посполитой Владислава IV в Вильно, во время которых Радзивилл повествует и про состояние погоды. Характер записей, зафиксированных в Воспоминаниях отражает особенности религиозного мировоззрения того времени, когда климатические явления в большинстве своём объяснялись проявлением воли Бога.

Ключевые слова: *климат, историческая климатология, Малый ледниковый период, Речь Посполитая, Восточная Европа.*

MEMOIRS OF ALBRECHT STANISLAW RADZIWILL AS A SOURCE ON THE CLIMATE HISTORY OF EASTERN EUROPE IN THE FIRST HALF OF THE XVII CENTURY

A. SUBOTSIN
(Vitebsk State Technological University)

The article examines the descriptions of the climate of Eastern Europe in the first half of the XVII century, made by the great chancellor Lithuanian Albrecht Stanislaw Radziwill in “Memoirs of events in Poland”. The author of this Memoirs turned his attention to the narrative about the weather of individual winters and spring seasons with severe droughts, some of which are identified by locust infestations. A large number of records relate to extreme climatic events, where information about strong winds and prolonged rains with lightning is particularly prominent. Certain meteorological information is provided by records of visits of King Wladislaw IV of the Polish-Lithuanian Commonwealth to Wilno, during which Radziwill also tells about the weather conditions. The nature of the records made in the Memoirs reflects the peculiarities of the religious worldview of that time, when climatic phenomena were mostly explained by the manifestation of the will of God.

Keywords: *climate, historical climatology, Little Ice Age, Polish-Lithuanian Commonwealth, Eastern Europe.*

УДК 356/358(476-15)(091)"1801/1856"(043.3) DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-27-30

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕКРУТСКОЙ ОЧЕРЕДИ У ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН НА ПРИМЕРЕ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ (1831 – 1861 гг.)

канд. ист. наук, доц. Ф.А. НЕКРАШЕВИЧ
(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)

Статья раскрывает особенности формирования рекрутской очереди среди государственных крестьян Витебской губернии Российской империи в 1831 – 1861 гг. Главным отличием несения рекрутской повинности государственными крестьянами по сравнению с помещичьими являлась достаточно строгая регламентация правил формирования рекрутской очереди российским законодательством. Ключевыми факторами, влиявшими на формирование рекрутской очереди, выступали количество рабочих рук в семье, законопослушность, а также материальное положение. Эта система не была совершенна. Для неё было характерно проявление многочисленных нарушений со стороны крестьян и должностных лиц. В целом порядок формирования рекрутской очереди у государственных крестьян был схож с категорией мещан христианского вероисповедания. Подобная система обеспечивала относительно высокий уровень контроля со стороны государства по сравнению с категорией помещичьих крестьян.

Ключевые слова: *рекрутская повинность, Российская империя, Витебская губерния, рекрутская очередь, государственные крестьяне, жестокое обращение с крестьянами.*

Введение. Ключевым источником пополнения армии и флота Российской империи до 1874 г. была рекрутская повинность. Данная обязанность была возложена на податные социальные группы: мещан и крестьян. Ключевым вопросом, связанным с исполнением рекрутской повинности, был отбор лиц, которые должны были быть призваны на военную службу. Такой отбор происходил при помощи рекрутской очереди. Под этим термином в российском законодательстве понимался порядок взимания рекрутов из семей в тех участках, которые «отправляют рекрутскую повинность натурой»[1]. Одной из ключевых категорией населения, дававшей приток новобранцев, являлись государственные крестьяне.

Данная статья посвящена особенностям формирования рекрутской очереди среди государственных крестьян Российской империи на примере Витебской губернии. Эта категория составляла в рассматриваемый период около 20% всего крестьянского населения белорусских губерний [1, с. 31]. Хронологические рамки исследования обусловлены, с одной стороны, введением Рекрутского устава 1831 г. (далее – Устав 1831 г.), с другой – отменой крепостного права в 1861 г., когда правовой статус государственных крестьян стал меняться.

Историографию по теме исследования условно можно разделить на две группы. Во-первых, это исследования, объектом изучения которых являлись государственные крестьяне как отдельная социальная группа[2] [2, с. 98–108; 3, с. 159–162]. Для этих работ характерно, в основном, схематичное отражение несения рекрутской повинности рассматриваемой категорией населения. Во-вторых, это работы, объектом изучения которых являлась рекрутская повинность как система комплектования вооруженных сил Российской империи[3]. Тем не менее, в данных исследованиях основное внимание уделено категориям мещан и помещичьих крестьян.

Основная часть. Ключевым вопросом при отбытии рекрутской повинности являлся порядок определения рекрутской очереди. Устав 1831 г. определял единый порядок формирования рекрутской очереди для мещан и государственных крестьян. Ответственность за её ведение лежала на сельских старостах. При этом приговор на отдачу новобранцев на военную службу утверждался на сходе всего сельского общества. Порядок формирования рекрутской очереди можно условно разделить на два этапа: 1) направление на военную службу асоциальных элементов и добровольцев; 2) поставка рекрутов в соответствии правилами формирования рекрутской очереди.

Вполне естественно, что общины крестьян при исполнении рекрутской повинности стремились руководствоваться собственными интересами. Это означало желание отправить на военную службу лиц, в которых общины не нуждались, и сохранить по-возможности рабочие руки в крепких хозяйствах. Устав 1831 г. предоставлял для этого несколько вариантов. Во-первых, ст. 324 давала государственным крестьянам право на основании общественного приговора отдавать вне очереди на военную службу лиц, уличенных в проступках, не подлежащих уголовному наказанию (мелкие кражи, буйство, пьянство и т.д.). Кроме того, сюда же относились бродяги

---

[1] Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]: 1832 г. – СПб.: Тип. Второго отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1832. – Т. 4: Уставы о повинностях. 1832. – Ст. 13. – С. 8.

[2] Ляпанов А.В. Государственные крестьяне Владимирской губернии после реформы П.Д. Киселева: 1841-1866 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Владимир, 2005. – Л. 185–189; Меркушин А.В. Государственные крестьяне Пензенской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Саранск, 2002. – Л. 164–166.

[3] Вакулова Л.Е. Рекрутские наборы в Тамбовской губернии в XIX в.: дис. ... канд. ист наук: 07.00.02. – Тамбов, 2007. – 219 л.; Иванов Ф.Н. Рекрутская повинность населения России в 1831–1874 годах: на материалах Европейского Севера: дис. ... канд. ист наук: 07.00.02. – Сыктывкар, 2006. – 220 л.

и неплательщики податей[4]. Как правило, крестьяне поступали на военную службу по ст. 324 за многократные проявления аморального образа жизни, что свидетельствовало о невозможности их исправления. Так, крестьяне Полоцкого уезда деревни Трубок Мартин Григорьев и деревни Люнницы Федор Никитин в январе 1841 г. были отданы в рекруты по общественному приговору. Проступки этих лиц заключались в следующем: «пьянство, растрата оставшегося после родителей имущества, бросили хлебопашество»[5]. Полоцкое окружное управление государственных имуществ в марте 1844 г. направило в рекруты крестьянина Мартина Иванова «за пьянство, буйство, растрату своего имущества, разорение своего хозяйства»[6].

Практика рекрутских наборов Витебской губернии показывает, что сельские общества порой отдавали в рекруты лиц, совершавших и уголовные преступления. Например, в марте 1844 г. общество Велижского уезда имения Вязьмень направило на военную службу крестьянина Родиона Филиппова. Помимо «пьянства, воровства сапог и съестных припасов», он сознался в совершении конокрадства в ночное время. Несмотря на совершение уголовного преступления, Р. Филиппов был отдан в рекруты по приговору общества (а не уголовного суда)[7]. Вполне естественно, что общины были заинтересованы в массовой сдаче на военную службу подобной категории населения. Это помогало очистить общество от асоциальных элементов и сохранить рабочие руки. Кроме того, подобная политика вела к уменьшению числа преступлений, связанных с уклонением от военной службы. Порой встречались ситуации, когда сдача в рекруты вне очереди приобретала массовый характер. Например, в сентябре 1841 г. общество Езерийского казенного имения Себежского уезда направило в рекрутское присутствие за «дурное поведение» 49 крестьян[8]. Возможно, столь массовая отдача в рекруты была обусловлена неповиновением крестьян администрации имения.

Помимо нарушителей закона и трудовой дисциплины, вне очереди на военную службу за денежное вознаграждение поступали добровольцы (так называемые «охотники»). Семья или общество могли заменить рекрута путем найма другого лица из числа государственных крестьян. При этом нельзя было идти в «охотники» без согласия родителей. Категорически запрещалось нанимать в рекруты людей, чьи семьи стояли на рекрутской очереди при следующем наборе[9]. Все эти ограничения делали наем достаточно трудным мероприятием. Подобную процедуру, стоимость которой достигала нескольких сотен рублей, могли позволить себе лишь состоятельные семьи. Соответственно, институт найма «охотников» являлся средством защиты зажиточных семейств от военной службы.

После отдачи на военную службу асоциальных элементов и «охотников» наступал черед крупных семейств. Семьи с наибольшим числом рабочих рук поставляли рекрутов в первую очередь. За ними следовали семьи с меньшим числом рабочих рук. При этом большие семьи (более четырех работников), уже давшие новобранца, освобождались от поставки второго рекрута, пока таковых не поставят все семейства, имевшие в два раза меньше работников. Рекрутская очередь заканчивалась на семействах с двумя рабочими в семье и затем начиналась заново. На очереди не состояли семейства, имевшие только одного рабочего в семье[10]. Вполне естественно, что в уклонении от военной службы были заинтересованы в первую очередь члены больших семейств. Наиболее распространенными способами избежать военной службы являлись бегство, членовредительство, а также фиктивный раздел семейств.

Бегство было наиболее простым способом уклонения от военной службы: на период проведения набора необходимо было скрыться от местной администрации. Общество, ввиду отсутствия беглеца, вынуждено было назначать в рекруты следующего за ним по очереди. Подобные отлучки крестьян могли продолжаться годами. Например, крестьянин Ситнянского староства Степан Лазарев три года находился в бегах, работая в услужении у одного из купцов в г. Режице[11]. Подобные ситуации вызывали справедливое возмущение других семейств. Для борьбы с беглецами общество могло обращаться в полицию, а также создавать собственные команды из крестьян для поиска уклонистов. Устав 1831 г. предусматривал возможность замены уже отданных в рекруты лиц пойманными беглецами. Так, в апреле 1851 г. Обольское общество Городокского уезда предоставило в рекрутское присутствие четырех пойманных крестьян. Общество ходатайствовало о замене поступившими по рекрутскому набору 1850 г. четырех крестьян, которые вынуждены были пойти на военную службу из-за пойманных беглецов[12]. Подобный процесс возвращения с военной службы, как правило, занимал достаточно долгое время. Например, поступивший по набору 1852 г. крестьянин Лукьян Стефанов в марте 1853 г. получил надежду на возвращение домой после поимки беглеца Василия Исакова. Тем не менее, после долгой переписки витебского губернского правления и соблюдения всех бюрократических процедур возвращение состоялось только в ноябре – декабре 1853 г.[13]

Иным вариантом уклонения от рекрутчины являлся незаконный раздел семейств. Указаный выше порядок формирования рекрутской очереди предусматрвиал отдачу новобранцев в первую очередь из больших семейств.

---

[4] См. сноску № 1. – Ст. 324. – С. 84–85.
[5] Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 9054. – Л. 8–8а.
[6] НИАБ. – Ф.1430. Оп. 1. Д. 11156. – Л. 1–1об.
[7] НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 11157. – Л. 1об.
[8] НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 9335. – Л. 1–2.
[9] Вакулова Л.Е. Рекрутские наборы в Тамбовской губернии в XIX в. – С. 129–130.
[10] См. сноску № 1. – Ст. 91–96. – С. 27–31.
[11] НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 8193. – Л. 1–3.
[12] НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 21943. – Л. 2–2 об.
[13] НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 25562. – Л. 1–2, 5, 9.

Очевидно, что раздел одного достаточно большого семейства на два помогал законно «отодвинуть» их в конец рекрутской очереди. Государство прекрасно понимало возможности подобной лазейки, поэтому разделы строго регламентировались законом. В случае совершения самовольных разделов предписывалось все равно считать два новых семейства за одно большое[14]. Тем не менее, крестьяне активно пытались использовать разделы как инструмент уклонения от военной службы. Например, в марте 1854 г. крестьянка Елена Пузына жаловалась на имя витебского гражданского губернатора Е.С. Теличеева на незаконную отдачу на военную службу своего сына Григория. Просительница настаивала, что сын являлся единственным работником у своего дяди Василия Парфенова. Данный раздел не был официально оформлен, и жалоба была отклонена[15].

Наконец, нередкими были случаи совершения членовредительства государственными крестьянами. Подобный способ подразумевал нанесение себе повреждения, несовместимого с несением военной службы. Как правило, крестьяне отрубали себе пальцы рук, что делало невозможным владение огнестрельным оружием. В случае совершения подобных действий, виновного ждало наказание. Если до совершения умышленного повреждения членовредитель был годен к военной службе, общество получало зачет за подобное лицо[16]. При этом обществу требовалось соблюсти процедуру доказательства нанесения умышленного вреда в установленные законом сроки. В противном случае, зачет аннулировался. Так, в августе 1844 г. общество казенного имения Заболотье деревни Залесье Лепельского уезда пыталось получить зачет за своих крестьян-членовридетелей Адама Романова и Степана Шелеха. При этом крестьяне общества не соблюли вовремя указанную законом процедуру доказательства. В связи с этим, зачет за указанных лиц получен не был[17].

Вплоть до конца 1830-х рекрутские очереди формировались на основе очередной системы. Тем не менее, с 1838 г. по инициативе правительства начинается постепенное внедрение жеребьевой системы среди государственных крестьян. После отмены крепостного права в 1861 г. сельские общины получили право самостоятельно выбирать между очередным и жеребьевым порядком формирования рекрутской очереди. Причинами подобного устремления правительства стали недостатки очередной системы. Во-первых, так как учет семейств велся самими общинами, а не государством, создавалось огромное поле для злоупотреблений и коррупции. Во-вторых, общества имели право поставлять в вооруженные силы мужчин в возрасте до 35 лет, что было крайне невыгодно военному ведомству. Армия нуждалась в молодых людях, которые могли прослужить положенный срок в вооруженных силах и потом еще долгое время находиться в резерве. В-третьих, согласно очередной системе, подданные из небольших семейств фактически освобождались от рекрутской повинности [4, с. 57–64].

Во время рекрутского набора власти привлекали к жребию мужчин от 20 – 21 года, разделяя их на три группы, определявшихся по количеству работников в семьях. Молодые люди из первой группы первыми тянули жребий. Если число подходящих рекрутов из этой возрастной группы было недостаточным для необходимой нормы, привлекали к участию в жребии лиц до 25 лет.

Введение системы жребия было воспринято многими крестьянами негативно. Главной проблемой было непонимание принципов формирования очереди и освобождения от рекрутской повинности. Например, система жребия устанавливала, что в семействах, у которые член семьи находится на военной службе, изымается от призыва только следующий за ним по возрасту. В отношении остальных членов семьи никаких отсрочек не предоставлялось[18]. Это шло вразрез с традиционными представлениями крестьян о социальной справедливости. Так, крестьянин Фотинского сельского общества Тит Миронов в октябре 1850 г. подавал жалобу на несправедливую отдачу в рекруты своего сына. В 1844 г. его старшего сына Семена забрали на военную службу. Средний сын Данила из-за хронических болезней был неспособен ни к военной службе, ни к полноценному ведению хозяйства. По рекрутскому набору 1850 г. на военную службу поступил его младший сын Авлас. Т. Мировонов указывал в жалобе, что к вытягиванию жребия не привлекались множество других семейств. При этом проситель не понимал, что по новой системе ведется учет не семей, а лиц, достигших нужного для жребия возраста[19].

Кроме того, новая система давала больше возможностей для отдачи в рекруты одиночек и лиц из небольших семейств. Устав освобождал от несения рекрутской повинности одиночек при условии ведения ими собственного хозяйства или же общего хозяйства с другой семьей. Право считать, кто из одиночек является добросовестным хозяином, а кто лентяем и бездельником, принадлежало сельским старостам, которые вели учет семейных рекрутских списков. Естественно, подобные люди в общинах были крайне уязвимы. Нередкими бывали случаи, когда общество в целях защиты крепких семейств могло пожертвовать одиночками[20]. Так, в 1852 г. на военную службу попал панцирный боярин Борис Харитонов как одиночка, не имевший собственного хозяйства. При этом сам Б. Хоритонов таковым себя не считал и пытался доказать обратное. К несчастью для просителя, при рассмотрении подобных жалоб губернская администрация опиралась на мнение сельским старост[21].

---

[14] См. сноску № 1. – Ст. 99. – С. 31.

[15] НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 26823. – Л. 3.

[16] См. сноску № 1. – Ст. 336, прим. 6.

[17] НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 10485. – Л. 2, 3, 10.

[18] Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]: 1857 г. – СПб.: Тип. Второго отд-я Собств. е. и. в. канцелярии, 1857. – Т. 4: Уставы о повинностях. 1857. – Ст. 907. – С. 224–225.

[19] НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 20508. – Л. 3–4.

[20] См. сноску № 18. – Ст. 894, 906. – С. 220, 224.

[21] НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 25580. – Л. 5, 8.

Заключение. Таким образом, система формирования рекрутской очереди государственных крестьян белорусских губерний была схожа с аналогичной системой у мещанского населения Российской империи. Характерными чертами подобной системы являлись: достаточно подробная регламентация правил формирования очереди в соответствии с Уставом 1831 г., возложение ответственности учета рекрутских списков на сельских старост, а также наличие системы контроля со стороны сельских обществ и чиновников Министерства госудасртвенных имуществ. Данная система не обеспечивала достижения абсолютной законности при отборе новобранцев для вооруженных сил госудасртва. Нарушения со стороны сельских старост были связаны с жаждой личного обогащения. Нарушения со стороны крестьян были вызваны стремлением уклониться от рекрутской повинности путем побегов, членовредительства и раздела семейств. Кроме того, сельские общества, как правило, отстаивали интетесы зажиточных и крепких хозяйства в ущерб интересов одиночек и бедных семейств. Тем не менее, в сравнении с рекрутскими участками помещичьих крестьян, подобная система обеспечивала гораздо больший уровень законности благодаря наличию системы контроля со стороны государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сосна У.А. Фарміраванне саслоўнага складу сялянства Беларусі у канцы XIX ст. – Мінск: БДУ. – 155 с.
2. Конюхова Т.А. Государственная деревня Литвы и реформа П.Д. Киселева. – М.: изд-во Моск. гос. ун-та, 1975. – 251 с.
3. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: в 2 т. – М.: изд-во Академии наук СССР, 1958. – Т. 2. – 617 с.
4. Некрашевич Ф.А. Эволюция принципов формирования рекрутской очереди в белорусских губерниях Российской империи (1794 – 1874 гг.) // Науч. тр. республиканского института высшей школы: Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. – Минск, 2025. – № 25. – Ч. 2. – С. 57–64.

Поступила 28.09.2025

FEATURES OF THE FORMATION OF A RECRUITMENT QUEUE AMONG STATE PEASANTS USING THE EXAMPLE OF VITEBSK PROVINCE (1831–1861)

F. NEKRASHEVICH
(Academy of the Ministry of Internal Affairs, Minsk)

This article explores the specifics of recruitment among state peasants in the Vitebsk Governorate of the Russian Empire from 1831 to 1861. The main difference between state peasants' recruitment obligations and those of landowners' peasants was the rather strict regulation of recruitment queue formation by Russian law. Key factors influencing the formation of the recruitment queue included the number of workers in the family, law-abidingness, and financial situation. This system was not perfect. It was characterized by numerous violations by peasants and officials. Overall, the recruitment queue formation procedure for state peasants was similar to that of Christian bourgeois. This system ensured a relatively high level of state control compared to that of landowner peasants.

Keywords: *conscription, Russian Empire, Vitebsk province, recruitment queue, state peasants, cruel treatment of peasants.*

УДК 94(476)"192/193":27-587-47(075.8) **DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-31-35**

ДОКУМЕНТЫ СОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК ИСТОЧНИК СПРАВОЧНО-СТАТИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1920 – 1930-е гг.

канд. ист. наук, доц. В.В. БАРАНЕНКО
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1844-1819

Статья посвящена источниковедческому анализу документов советских государственных исполнительных органов власти как источника справочно-статистической информации по истории Русской православной церкви (РПЦ) на территории Беларуси в 1920 – 1930-е гг. Автор выявил и классифицировал основные виды документов исполнительных органов советской власти, содержащих справочно-статистическую информацию по истории РПЦ. Для каждого вида документа дано описание структуры, содержания и информационного потенциала. Проведенное исследование восполняет пробел, связанный с систематизацией справочно-статистических материалов советских исполнительных органов, и способствует формированию репрезентативной картины положения православной церкви в указанный период.

Ключевые слова: *справочно-статистическая информация, БССР, Русская православная церковь (РПЦ), исторические источники, исполнительные комитеты, Постоянная центральная комиссия по вопросам культов.*

Введение. Несмотря на значительный рост исследований по истории Русской православной церкви (РПЦ) в 1920 – 1930-х гг., начавшийся в 1990-е гг., большинство из них продолжает основываться на фактологическом подходе без должного статистического анализа. Несмотря на то, что авторы нередко приводят количественные данные из архивных документов, эти сведения, как правило, используются фрагментарно – главным образом, в качестве иллюстраций к тексту, без должной обработки и критического осмысления. В результате такие аспекты истории РПЦ 1920 – 1930-х гг., как механизмы взаимодействия с советским государством, региональные различия и долгосрочные последствия антирелигиозной политики, остаются недостаточно изученными. Преодоление этой ограниченности требует не только междисциплинарных подходов, но и масштабной архивной работы, направленной на изучение и введение в научный оборот сохранившихся статистических данных. Только на этой основе возможно создание более точной и репрезентативной картины положения церкви в рассматриваемый период. Одним из таких комплексов материалов, содержащих справочно-статистическую информацию по истории РПЦ в первые десятилетия советской власти, являются документы советских государственных органов власти.

Источники по истории Русской православной церкви на территории Беларуси 1920 – 1930-х гг. выступали предметом научного интереса, однако их анализ носил фрагментарный характер и ограничивался, как правило, документами отдельных архивных фондов или конкретных видов делопроизводства [1–3]. Документы советских государственных исполнительных органов, содержащие справочно-статистическую информацию о состоянии Церкви, упоминались в ряде обобщающих работ и сборниках документов[1], однако их целенаправленный анализ как специального источникового комплекса предпринят не был.

Основу настоящего исследования составляют документы пяти государственных архивов Республики Беларусь и Российской Федерации: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Государственного архива Витебской области (ГАВт), Государственного архива Минской области (ГАМн), Зонального государственного архива в г. Полоцке (ЗГАПол*)*. Изучение фондов, указанных центральных и региональных архивных хранилищ дало возможность идентифицировать и упорядочить

[1] Православная церковь на Витебщине (1918–1991): док. и материалы / Отд-е по арх. и делопроизв. Витеб. облисполкома, Гос. архив Витеб. обл., Витеб. отд-е археогр. комис., Ком. по архивам и делопроизводству при Сов. Министров Респ. Беларусь / сост. В.П. Коханко (отв. сост.); редкол.: М.В. Пищуленок (гл.ред.). – Минск: НАРБ, 2006. – 364 с.; Конфессии на Гомельщине (20 – 30-е годы XX в.): док. и материалы / Деп-т по арх. и делопроизв. М-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. арх. Респ. Беларусь, Гос. арх. Гомел. обл., Гомел. гос. ун-т / сост. М.А. Алейникова [и др.]; под. ред. В.П. Пичукова. – Минск: НАРБ, 2013. – 388 с.; Религиозная жизнь на Минщине: документы и материалы / Гл. упр-е юстиции Минск. обл. испол. ком-та, Гос. архив Минск. обл. / сост. И.Н. Лукашевич [и др.]; редкол.: Ю.С. Ромашко [и др.]. – Минск: А.Н. Вараксин, 2022. – 206 с.; Русская православная Церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: документы и фотоматериалы / отв. сост. О.Ю. Васильева. – М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 1996. – 326 с.; Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991: документы и материалы: в шести томах / Архив Президента Российской Федерации (АП РФ) [и др.]; редкол.: А.К. Сорокин (пред.). 1917–1924. В четырех томах. Кн. 2. Центральные органы государственной власти и управления в РСФСР: создание нормативно-правовой базы деятельности религиозных объединений / сост. М.И. Одинцов (отв. сост.) и др. – М.: РОССПЭН, 2017. – 670 с.; Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991: док. и материалы: в 6 т. / Архив Президента Российской Федерации (АП РФ) [и др.]; редкол.: А.К. Сорокин (пред.). 1917–1924. В 4 т. Кн. 3. Народные комиссариаты СНК РСФСР (1917–1924) и СНК СССР (1922–1924): проведение в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» / сост. М.И. Одинцов (отв. сост.) и др. – М.: РОССПЭН, 2017. – 892 с.

ключевые группы документов, содержащих справочно-статистическую информацию по истории Русской православной церкви в ранний советский период.

Основная часть. Обработка материалов исполнительных органов государственной власти, содержащих справочно-статистическую информацию по церковной истории, позволила выделить следующие их разновидности: регистрационные карточки; анкеты служителей религиозного культа; ведомости о числе храмов и культов; сведения о количестве церквей и служителей религиозных культов; списки приходов, предоставившие метрические книги; списки членов приходов; списки церковно- и священнослужителей; списки членов приходского совета; списки членов прихода; сведения о числе зарегистрированных групп верующих; сведения о числе разрешенных и отклоненных съездов; списки лиц, лишенных избирательных прав; выписки из протоколов и постановлений президиумов районных исполнительных комитетов; заявления верующих об открытии молитвенных домов; жалобы верующих. Возникновение указанного документального массива было обусловлено проведением политики государственного регулирования религиозной жизни, где первоначальная регистрация была первым и обязательным шагом для легального существования группы верующих.

Регистрация общины требовала заполнения ***регистрационной карточки***[2], структура которой состояла из четырех форм в виде таблиц. В первой форме приводилась информация о половозрастном и профессиональном составе членов приходской общины. Во-второй указывались храмы, которые находились в собственности группы верующих, с указанием местоположения, вида (соборная, приписная, часовня и т.д.), а также время заключения договора с группой верующих. В третьей таблице содержалась информация о денежных суммах, которыми располагала община до момента их сдачи Совету солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Четвертая таблица включала информацию о наличии в ведении группы верующих дополнительной недвижимости, такой как жилые дома, свечные и книжные лавки, богадельни и прочее.

Анкеты служителей религиозного культа[3] представляют собой важный документальный источник советского периода, введённый в практику учёта духовенства с начала 1920-х гг. Их появление было обусловлено необходимостью замены дореволюционных клировых ведомостей, ведение которых прекратилось после 1917 г. Первые анкеты были разработаны по инициативе ВЧК в 1919 г. с целью учёта духовенства всех конфессий и содержали, наряду с биографическими вопросами, пункты о политической лояльности служителей культа к советской власти [2, с. 13–19]. Эволюция формы и содержания анкет отражает изменения в государственно-конфессиональной политике. Так, в 1923 г. в рамках перерегистрации религиозных обществ были введены «*анкетные списки*»[4], которые предусматривали предоставление общиной развёрнутых данных о своих служителях. Формуляр анкеты включал в себя, кроме биографических данных, информацию о социально-политических и идеологических взглядах (участие в различных организациях, отношение к советской власти и внутрицерковным расколам), а также сведения экономического характера (изменение имущественного положения после Октябрьской революции, размер и источник дохода каждого члена семьи, размер платы за требы). В 1929 г. была утверждена упрощённая форма анкеты, содержавшая уже 8 пунктов [4, с. 41].

Информационный потенциал анкет и анкетных списков чрезвычайно высок. Они содержат детальные биографические сведения о священнослужителях (сословное происхождение, образование, места службы, семейное и имущественное положение, судимости).

Ведомости о числе храмов и культов[5], составлявшиеся, как правило, на уровне уездов, представляют собой комплексный источник для статистического анализа религиозных учреждений в ранний советский период. Помимо сугубо количественных данных, эти документы фиксируют хронологию процесса передачи культовых объектов религиозным общинам, а именно даты заключения договоров на пользование храмами. Указанная информация является ключевой для реконструкции темпов и географической динамики реализации декрета об отделении церкви от государства на местах. Анализ датировок позволяет выявить периоды активизации или, напротив, спада кампании по отделению церкви от государства, установить корреляцию между действиями центральных властей и реакцией на местах, а также проследить региональные особенности в применении общегосударственной политики.

Более детализированную информацию содержат ***сведения о количестве церквей и служителей религиозных культов***[6], составлявшиеся на волостном и районном уровнях. В них, как правило, приводится перечень культовых объектов с указанием их местоположения, наличия религиозной общины, сведений о заключении договора (включая точную дату), а также персональные данные служителей культа. Таким образом, уездные ведомости и волостные списки, будучи едиными по своему генезису и функциональному назначению, типологически формируют взаимодополняющую иерархическую систему учёта, где первые предоставляют обобщённую картину, а вторые содержат более подробные сведения.

После отделения церкви от государства в 1918 г. большевики инициировали создание органов записи актов гражданского состояния (ЗАГС), которые взяли на себя функции регистрации рождений, браков и смертей, ранее

[2] Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 103. Оп. 1. Д. 26.
[3] Государственный архив Минской области (ГАМн). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. – Л. 26; Ф. 48. Оп. 1. Д. 38. – Л. 13–13об.; Д. 54. – Л. 9; Д. 56. Л. 3.
[4] ГАВт. – Ф. 118. Оп. 1. Д. 693а. – Л. 4, 27, 85, 140–142, 146–146об., 151, 156–160, 172–173, 174–176.
[5] Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГАПол). – Ф. 51. Оп. 1. Д. 116. – Л. 129.
[6] ЗГАПол. – Ф. 83. Оп. 1. Д. 30. – Л. 13, 11, 14, 21.

осуществлявшиеся церковью. В связи с этим, метрические книги, содержащие записи о таких событиях, было предписано передать из церквей в ЗАГСы [5, с. 71–87]. Указанный процесс сопровождался активной служебной перепиской между церковными и государственными органами, в ходе которой фиксировались ***списки приходов, предоставившие метрические книги***[7]. Эти списки представляют собой ценный справочно-статистический источник, поскольку содержат информацию о действующих церквях в первые годы советской власти, когда систематический учет церковных учреждений практически не велся. Указанные списки позволяют исследователям уточнить количество и географию функционировавших религиозных общин в условиях начавшихся гонений на церковь.

В 1920-е гг. проведение учёта религиозных объединений было одной из функций местных исполнительных комитетов. Результаты данной деятельности нашли комплексное отражение в сохранившихся учредительных документах и делопроизводственных материалах, сопровождавших процесс регистрации церковных общин. Указанные документы включают в себя списки церковно- и священнослужителей, списки членов приходского совета (религиозного общества), анкеты служителей религиозного культа, списки членов прихода.

Списки церковно- и священнослужителей[8] включают в себе перечень духовных лиц по отдельному приходу с указанием возраста, адреса местожительства, социального положения, общественного и служебного положения с 1914 г., принадлежности к сословию до Октябрьской революции, имущественного положение, а также время присоединение к религиозному культу. Аналогичная информация по лицам, входящим в состав исполнительного органа прихода, содержится в ***списках членов приходского совета***[9].

Списки членов прихода[10] помогают реконструировать процессы формирования и функционирования религиозных объединений в условиях антирелигиозной политики советского государства, а также выявить динамику численности и состава верующих.

Статистические отчёты о регистрации религиозных общин, обобщающие сведения на уровне уездов и волостей, формировали массив данных, на основе которого составлялись сводные документы. Одними из таких документов являются ***«Сведения о числе зарегистрированных групп верующих»***[11] и ***«Сведения о числе разрешенных и отклоненных съездов»***[12], которые составлялись ежемесячно. Указанные документы содержат структурированную информацию: численность общин, социально-биографические сведения о священнослужителях (возраст, занятие до 1914 г., имущественное положение), а также информацию о разрешенных и запрещенных церковных съездах.

Важной источниковедческой особенностью справочно-статистических материалов середины 1920-х гг. является отражение в них церковного раскола. В документах часто содержится информация о принадлежности священнослужителей к той или иной церковной ориентации («обновленческой», «тихоновской» или «автокефальной»), либо делается акцент на их лояльности к одной из противоборствующих групп[13].

Списки лиц, лишённых избирательных прав,[14] представляют собой значимый исторический источник для исследования механизмов социальной сегрегации и формирования репрессивной политики раннесоветского государства. В списки включались так называемые «лишенцы» – категории населения, которые, согласно советскому законодательству, лишались избирательных прав как «социально чуждые элементы» [6, с. 39–47]. Среди них встречаются священнослужители, члены их семей, а также активные участники церковной жизни, такие как члены приходских собраний. В списках указывалась фамилия, имя, отчество, социальное положение, род занятий и адрес проживания. Эти данные позволяют не только дополнить биографии отдельных членов религиозных общин и их семей, но и проанализировать масштабы и характер репрессий против религиозных деятелей. Кроме того, списки лиц, лишенных избирательных прав, содержат информацию о составе приходских общин, что делает их ценным источником для изучения истории церкви в условиях антирелигиозной политики советского государства.

Реализация задач ускоренной индустриализации промышленного сектора и проведение коллективизации отразились на характере взаимодействия между государством и церковью, что иллюстрирует, в свою очередь, предоставление справочно-статистической информации исполнительными органами власти.

Согласно инструкции НКВД и НКЮ БССР от 5 мая 1928 г., регламентировавшей порядок исполнения декрета об отделении церкви от государства на территории Белорусской ССР, на все религиозные объединения, организации и группы возлагалась обязанность по предоставлению в райисполкомы именных списков служителей культа, а также членов руководящих органов – советов и «пятерок». Помимо этого, устанавливалось требование о ежегодном, 15 мая и 15 ноября, предоставлении дополнительных списков, в которые включались сведения о вновь вступивших, а также о всех выбывших за истекшее полугодие служителях культа и верующих[15].

В апреле 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях» [4, с. 8–25], которое стало ключевым нормативным актом, регламентирующим деятельность религиозных организаций в

[7] ЗГАПол. – Ф. 77. Оп. 1. Д. 9. – Л. 2; Ф.81. Оп. 1. Д. 1. – Л. 343.
[8] ГАМн. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. – Л. 12, 27; ЗГАПол. – Ф. 36. Оп. 1. Д. 124. – Л. 44, 35, 48об.,52об., 55об.
[9] ЗГАПол. – Ф. 36. Оп. 1. Д. 124. – Л. 40, 72, 147об, 163–163об, 182, 188, 230об.; ГАМн. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. – Л. 15–16.
[10] ГАМн. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. – Л. 188, 216, 216об.–228об.; Ф. 48. Оп. 1. Д. 66–67.
[11] ГАВт. – Ф. 2356. Оп. 1. Д. 684. – Л. 400, 742, 753, 775, 947, 959.
[12] Там же. – Л. 405, 417, 549, 550, 622.
[13] Там же. – Л.67–78.
[14] ГАВт.. – Ф. 82. Оп. 1. Д. 12а. – Л. 109, 111, 112.
[15] Інструкцыя Народных Камісарыятаў Ўнутраных Спраў і Юстыцыі БССР па пытаньнях, зьвязаных з ажыцьцяўленьнем Дэкрэту аб адлучэньні царквы ад дзяржавы ў БССР // Бюллетень СНК БССР. – 1928. – № 6. – С. 35–38.

советском государстве, и заложило основу советского законодательства в конфессиональной сфере. С целью обеспечения единообразного применения нового антирелигиозного законодательства на всей территории страны при Президиуме ВЦИК (с 1934 г. – при ЦИК СССР) создавалась Постоянная центральная комиссия по вопросам культов. Помимо общего наблюдения за деятельностью религиозных культов и проведением в жизнь законодательных актов в области религии, на Комиссию возлагались функции по сбору информационно-статистических сведений и предоставлению отчетов о деятельности Комиссии и проведении в жизнь основных положений советского правительства в области религиозных отношений [7, с. 42].

В сохранившемся архивном комплексе Центральной комиссии по делам культов при ЦИК БССР специализированные справочно-статистические материалы отсутствуют, что, вероятно, обусловлено их плохой сохранностью. Указанный фонд, представленный лишь шестью единицами хранения за 1933 г. общим объемом в 1693 листа, состоит преимущественно из протоколов заседаний Комиссии и сопутствующих материалов. К последним относятся ***выписки из протоколов и постановлений президиумов районных исполнительных комитетов***[16], а также ***заявления верующих об открытии молитвенных домов***[17]. Статистические данные носят здесь фрагментарный характер и подлежат реконструкции лишь опосредованно: например, через обобщение информации из решений о закрытии конкретных храмов, регулярно фиксировавшихся в протоколах. Частично материалы Центральной комиссии по отделению церкви от государства при ЦИК БССР отложились в фондах других организаций. Так в фонде 261 «Центральный совет Союза воинствующих безбожников БССР» НАРБ содержатся сведения о закрытых молитвенных зданиях за 1928–1930 гг. и функционирующих религиозных объединений за 1930 г.[18]

Косвенным источником для установления численности культовых сооружений православной церкви выступают ***жалобы***[19], поступавшие от верующих в государственные органы управления религиозными культами. Данное обстоятельство свидетельствует о высокой степени фрагментарности официального учета и подчеркивает значимость обратной связи от религиозных сообществ как уникального источника для анализа состояния религиозной инфраструктуры в условиях жесткого административного контроля.

Существенное влияние на сохранность справочно-статистической информации по истории православной церкви на белорусских землях в первые десятилетия советской власти оказала потеря архивных фондов в период Великой Отечественной войны, что в наибольшей степени затронуло документы 1930-х гг. [8–9] и привело к фрагментарности сохранности материалов, в особенности исполнительных органов власти республиканского и регионального уровней. Источником для восполнения пробелов в информации могут служить документы Комиссии по делам культов при Президиуме ЦИК СССР. В этом документальном массиве можно выделить отчёты Комиссии за 1935 г.[20] и 1936 г.[21] Они содержат справочно-статистический материал о состоянии религиозной жизни. В указанных отчетах содержатся сводные количественные сведения функционирующих и закрытых молитвенных зданий в разрезе союзных республик, включая БССР. Аналогичным образом унифицированы сведения о численности служителей культа по БССР. Важный информационный блок документа составляет статистика распределения жалоб, поданных религиозными объединениями и верующими, по союзным республикам, краям и областям РСФСР. Указанный массив информации может служить индикатором интенсивности антирелигиозной кампании и давления на религиозные организации. При этом, однако, следует отметить, что статистические сведения в представленном документе приводятся в виде сводных цифр без дифференциации по конфессиям или внутриконфессиональным группам, что ограничивает возможности их анализа.

Помимо перечисленных документов, в фонде Постоянной Центральной Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР сохранились отчётные материалы, подготовленные по запросам членов комиссии, которые содержат сводные количественные данные о молитвенных зданиях по Белорусской ССР за 1936–1937 гг. Представленная информация включает как общие данные по республике, так и детализированные показатели по отдельным городам, таким как Гомель[22], Слуцк[23], Минск[24] и Полоцк[25].

Основное внимание государственных исполнительных органов власти в 1930-е гг. при сборе справочно-статистических данных о положении православной церкви уделялось учёту церковных зданий. В отличие от учёта материальных объектов, сбор персональных и количественных данных о служителях культа не входил в число приоритетных задач как для центральных, так и для местных органов исполнительной власти. Возникновение данной диспропорции в системе сбора информации является прямым следствием ведомственного разделения полномочий. Функция тотального учёта и контроля над духовенством была закреплена за органами государственной безопасности (ОГПУ–НКВД) [10, с. 370].

---

[16] Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 6. Оп. 1. Д. 1527. – Л. 75.
[17] НАРБ. – Л. 79–79об., 82–83, 155–156; Д. 465. Л. 41–41об., 46–46об.
[18] НАРБ. – Ф. 261. Оп. 1. Д. 13. – Л. 4, 5.
[19] НАРБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 1527. – Л. 17–18, 54–55, 57–58об.
[20] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5263. Оп. 1. Д. 21. Л. 71–75.
[21] ГАРФ. – Ф. 5263. Оп. 2. Д. 10. – Л. 39–65.
[22] Там же. – Л. 6.
[23] ГАРФ. – Ф. 5263. Оп. 2. Д. 14. – Л. 7.
[24] Там же. – Л. 9–9об.
[25] Там же. – Л. 8.

Заключение. Среди разнородного комплекса рассматриваемой документации исполнительных органов государственной власти можно выделить как наиболее информативные такие группы, как регистрационные карточки общин, анкеты служителей культа и списки лиц, лишённых избирательных прав. Каждая из этих групп обладает как определенным информационным преимуществом, так и недостатками, что требует их комплексного использования. Анализ справочно-статистических документов государственных исполнительных органов власти выявил их определенную ограниченность для последующего использования: фрагментарность сбора информации на местах, её неполнота даже в центральных органах, а также массовая утрата материалов в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на это, указанные документы остаются незаменимым источником для изучения государственно-церковных отношений, динамики религиозной жизни и региональных особенностей антирелигиозной политики. Их эффективное использование требует междисциплинарных методов и критической оценки информационного потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневский И.А. Отчеты епархиальных управлений Белорусской обновленческой церкви (1924–1934 годы) как источник по истории Православной церкви // Архівы і справаводства. – 2018. – № 3. – С. 144–148.
2. Денисов М.Е. «Анкетные списки для служителей религиозного культа» и «анкеты для служителей религиозного культа» как исторические источники // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – №. 11-8. – С. 13–19.
3. Кулажанка У.Г. Дакументальныя крыніцы па гісторыі беларускай праваслаўнай царквы XX ст. у архівах Беларусі: праблемы іх публікацыі і навуковага выкарыстання // Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX–XXI ст. у Беларусі: зб. навук. арт., прысв. 100-годдзю з дня нараджэння М.М. Улашчыка / рэдкал.: С.М. Ходзін (адк. рэд.). – Мінск: БДУ, 2008. – С. 217–221.
4. Орлеанский Н.М. Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР / Центр. совет Союза воинствующих безбожников СССР. – М.: Безбожник, 1930. – 223 с.
5. Зіберт Д. Установа аддзелаў ЗАГС у ССРБ: грамадзянізацыя і індывідуалізацыя праз устанаўленне парадку // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2017. – Т. 24. № 1(46) –2(47). – С. 71–87.
6. Елізараў С.А. Пад сцягам «абвастрэння класавай барацьбы»: выбарчыя кампаніі ў мясцовыя Саветы БССР у 1920-я гады // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 11. – С. 39–47.
7. Приказчикова О.Б. Деятельность постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2009. – № 31. – С. 41–76.
8. Жумарь С.В. Уничтожение районных архивов Беларуси в 1941–1944 гг. // Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2008. – Вып. 9. – С. 108–117.
9. Жумарь С.В. Утраты документов Центрального исторического архива БССР (г. Могилев) в годы Великой Отечественной войны // Архіварыус. – 2008. –Вып. 6. – С. 10–23.
10. Хаустов В.Н. Развитие советских органов государственной безопасности: 1917–1953 гг. // Cahiers du Monde russe. – 2001. – С. 357–373.

Поступила 24.11.2025

DOCUMENTS FROM SOVIET STATE EXECUTIVE BODIES AS A SOURCE OF REFERENCE AND STATISTICAL INFORMATION ON THE HISTORY OF THE ORTHODOX CHURCH IN BELARUS IN THE 1920S AND 1930S

V. BARANENKA
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

This article is dedicated to the source-critical analysis of documents from Soviet state executive bodies as a source of reference and statistical information on the history of the Russian Orthodox Church (ROC) in Belarus in the 1920s and 1930s. The author identified and classified the main types of documents from the executive bodies of Soviet power that contain reference and statistical information on the history of the Russian Orthodox Church. A description of the structure, content and informational potential of each document type is provided. The study fills a gap in the systematic organisation of statistical materials from Soviet executive bodies and contributes to the formation of a representative picture of the position of the Orthodox Church during this period.

Keywords: *reference-statistical information, BSSR, Russian Orthodox Church (ROC), historical sources, executive committees, the Standing Central Committee on religious cults.*

УДК 94(476)"1939/1942" **DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-36-40**

ГЕНЕЗИС ПОЛЬСКОЙ ДОКТРИНЫ «ДВУХ ВРАГОВ», ЕЕ РАЗВИТИЕ В КАЧЕСТВЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЮЗА ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ И АРМИИ КРАЙОВОЙ НА ТЕРРИТОРИИ БССР 1939–1942 гг.

Д.А. ДЛУГАШ
(*Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова*)
e-mail:* *dzmitrydlugas@mail.ru

В данной статье исследуется генезис исторических процессов, повлекших возникновение польской политико-идеологической доктрины «двух врагов». Определены мотивы и цели польского правительства «санации» по включению западной территории БССР в состав Польши в колониальном статусе «восточных кресов». Исследованы особенности политической концепции создания Великой Польши по отношению к белорусской государственности. Проанализированы политические аспекты деятельности польского правительства «санации» в межвоенный период и правительства Польши в изгнании в начале Второй мировой войны по созданию и развитию доктрины «двух врагов». Исследована взаимосвязь внешнеполитической деятельности кабинета Владислава Сикорского после 22 июня 1941 г. с внутриполитическим кризисом правительства Польши в изгнании и временной приостановкой действия доктрины «двух врагов» в 1941–1942 гг.

Ключевые слова: *польское правительство «санации», польская доктрина «двух врагов», полонизация, Союз вооруженной борьбы (СВБ), Армия Крайова, Ягеллонская идея, Междуморье, Балтийско-Черноморский блок, правительство Польши в изгнании, договор Сикорского – Майского.*

Введение. Период борьбы БССР за воссоединение белорусского народа и сохранение территориальной целостности, является ключевым звеном в истории становления современной белорусской государственности. Цель исследования – установление причин и условий, повлекших вооруженное противостояние Армии Крайовой и правоохранительных органов БССР, партизан и подполья в ходе Великой Отечественной войны. Данная проблема объективно возникла в процессе образования польской государственности в виде Польской республики (Второй Речи Посполитой) 11 ноября 1918 г., а также создания белорусской советской государственности 1 января 1919 г. Катализатором процессов послужило одно из наиболее значимых исторических событий XX века – крушение Российской империи. В ходе Польско-Советской войны, закончившейся подписанием Рижского мирного договора 18 марта 1921 г., значительная часть территории Беларуси отошла к Польше. Обоснование территориальных претензий поляков на эти территории были достаточно простыми: провозглашение Второй Речи Посполитой предполагало её возрождение в границах 1772 г. 17 сентября 1939 г. подразделения РККА СССР освободили территорию Западной Беларуси. Произошло воссоединение западных и восточных белорусских земель в рамках БССР.

Возникновение доктрины «двух врагов». Цепь исторических событий, приведших к крушению польского государства в сентябре 1939 г. и последующему противостоянию на западной территории БССР, связана с возникновением идеологической доктрины «двух врагов». В свою очередь, её создание связано с довоенной деятельностью польского правительства «санации». Эта политическая сила в Польше была представлена надпартийным объединением «Беспартийный блок» (ББ) под руководством Юзефа Пилсудского вскоре после майского переворота 1926 г. и окончательно оформившимся накануне парламентских выборов в марте 1928 г. [1, с. 5]. После смерти Ю. Пилсудского «санация» была представлена Лагерем национального единства (OZN). Идеологическая парадигма деятельности «санационного» правительства была сформирована Ю. Пилсудским и его сторонниками в виде красивой легенды о возрождении Великой Польши как объединяющего центра народов Литвы, Беларуси и Украины, «по доброй воле» стремящихся к объединению с польским народом в одно государственное целое и под его руководством [1, с. 21]. При этом Великая Польша должна простираться от Балтийского до Черного моря. Попытки реализации имперского проекта Польши происходили в 1920 – 1925 гг., когда Польша проводила конференции с целью объединения Эстонии, Латвии, Финляндии и Литвы в Балтийско-Черноморский блок. На первой конференции в августе 1920 г. в городке Булдури под Ригой присутствовали также представители «демократической» Беларуси, которую представлял Вацлав Ластовский и «демократической» Украины, которую представлял Симон Петлюра [2, с. 5]. Примечательна позиция Польши, которая признала представительство С. Петлюры, но не признала представительство В. Ластовского: проект Великой Польши в принципе исключал существование белорусской государственности.

Генератором идеологии «санации» стала организация «Прометей», созданная под протекцией Ю. Пилсудского в 1926 г. В организацию входили политики, публицисты, писатели и историки, формировавшие тенденции общественно-политической мысли польского общества. Доктрина «Ягеллонской идеи» по созданию «Междуморья» как центра геополитического влияния в Восточной Европе стали основой идеологии возрождения Великой Польши [3, с. 16]. Легенда о Великой Польше была идеологической конструкцией, объединявшей поляков под руководством «санации», в ряды которых входили, в первую очередь, военные чины, принимавшие участие в боевых действиях Первой мировой войны в составе польских легионов на стороне Австро-Венгрии, а также

в период Польско-Советской войны 1919–1921 гг. Польский офицерский корпус во многом составляли выходцы из шляхетских фамилий. Значительная часть «пилсудчиков», включая Ю. Пилсудского, обладали наследственными правами на имения в «восточных кресах», т.е. на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. В их число входили и видные представители польской земельной аристократии: князья Януш Франтишек Радзивил, Павел Мария Сапега, Леон Александр Сапега, Здислав Любомирский, граф Адам Тарновский, граф Карл Незабытовский, граф Ежи Юзеф Генрик Потоцкий, граф Михаил Зигмунт Тышкевич, Владислав Рачкевич и другие. Таким образом, легенда о Великой Польше, объединяла польские элиты на основе общей платформы в вопросах экономической, социальной, внутренней и иностранной политики [1, с. 8].

На территории «восточных кресов» в межвоенный период происходили процессы полонизации, целью которой было уничтожение белорусской национальной идентичности. Польским Сеймом принимались законы, призванные постепенно вытеснять белорусский язык из обихода местного населения. Закрывались белорусские школы, а число оставшихся школ было ничтожно малым. При этом белорусским семьям предлагалась альтернатива обучать детей в польских школах [4, с. 7]. Белорусская территория «восточных кресов» постепенно насыщалась польскими осадниками, землевладельцами, на которых работали белорусские крестьяне. Как правило, это были отставные польские военные, ранее проходившие службу в польских легионах [5, с. 28–31]. Правовая сегрегация белорусов и украинцев поощряла поляков на участие в колонизации «восточных кресов», где они юридически являлись полноправными хозяевами. В свою очередь, белорусское население было вынуждено либо принимать условия полонизации, либо подвергаться репрессиям со стороны польских властей.

В 1930-е годы усилились тоталитарные тенденции польской власти, в связи с чем репрессии в отношении представителей белорусского национального движения стали частью внутренней политики Польши в «восточных кресах». При этом для режима «санации» не было принципиальной разницы между «левыми» и «правыми» белорусскими сторонниками национального освобождения. Все они подвергались политическим репрессиям, символом которых стал концлагерь в Березе-Картузской, где содержались противники режима [6, с. 17].

Советское государство не теряло надежды возвратить утраченные территории Западной Беларуси и Западной Украины [7, с. 59]. Социалистический строй БССР и УССР был серьезным вызовом для режима «санации», т.к. в советских республиках земля была национализирована и безвозмездно переходила в пользование совхозам, артелям, коммунам и иным субъектам хозяйствования [8, с. 66]. В советских республиках проводилась политика национального возрождения белорусского и украинского народов, т.е. процессы, противоположные полонизации.

Таким образом, фактор «восточных кресов» во многом повлиял на внешнюю политику Польши в отношении СССР, которая в межвоенный период носила перманентно враждебный характер.

Дипломатические отношения Польши и Германии в межвоенный период оставались достаточно сложными. Ситуация изменилась с заключением 10-летнего пакта о ненападении, подписанного в Берлине Польшей и Германией 26 января 1934 г. [5, с. 15]. На фоне изменчивой политической обстановки в 30-е годы в Европе, между Польшей и Германией выстраивались относительно стабильные дипломатические отношения. Ю. Пилсудский открыто симпатизировал становлению нацистской Германии во главе с А. Гитлером. Политический курс правительства «санации» на сотрудничество с Германией был пролонгирован на встрече польского маршала Эдварда Рыдз-Смиглы и Германа Геринга 16 февраля 1937 г. [9, с. 178–183]. Польское правительство во главе с преемником Ю. Пилсудского, Игнацием Мостицким, до начала марта 1939 г. проводила подготовку к будущей войне с СССР [10, с. 6], не имея никаких планов обороны на случай войны с Германией [11, с. 22]. Политические действия польских германофилов нашли отражение в согласии на аншлюс Австрии и стремлении к общей границе с Венгрией за счет Чехословакии [12, с. 29].

В марте 1939 г. возникли серьезные разногласия между планами Германии и Польши относительно города Данцига и «польского коридора»[1], а также касающиеся претензий Польши на территории Литвы, Беларуси и Украины в предстоящей войне с СССР [10, с. 5]. Правительство «санации» упорно продолжало попытки создания Великой Польши, что противоречило стратегическим планам третьего рейха. Обострение внешнеполитической ситуации происходило на фоне обострения внутренней междоусобицы, начавшейся в ББ сразу после смерти Ю. Пилсудского. В этот период польская «санация» условно разделялась на группировки Казимежа Соснковского, Эдварда Рыдз-Смиглы и Юзефа Бека, враждовавшие между собой, выстраивая самостоятельные отношения с различными политическими группировками Франции, Великобритании и Германии. При этом политические позиции группировок были настолько противоречивыми, что в результате у Польши не были сформированы устойчивые внешнеполитические позиции в условиях сложнейшей международной обстановки накануне Второй мировой войны. Группировка Юзефа Бека выстраивала прогерманскую политику, поддерживая связи с британскими и французскими профашистскими политическими силами [5, с. 304]. Группировки К. Соснковского и Э. Рыдз-Смиглы тяготели к антигерманским политическим силам Франции и Великобритании и в конечном итоге нивелировали прогерманский курс Ю. Бека.

Внешняя политика польского военно-политического руководства все больше входила в сферу влияния британской дипломатии [13, с. 66], игравшей на противоречиях субъектов европейской политики. Это влияние

---

[1] **«По́льский коридо́р»** (польск. Korytarz polski, нем. Polnischer Korridor; «Поморский коридор», польск. Korytarz pomorski; «Данцигский коридор», нем. Danziger Korridor; «Висленский коридор», нем. Weichselkorridor; «Коридор»), термин, применяемый для обозначения части Западной Пруссии, уступленной Германией Польше по условиям Версальского мирного договора 1919 г. с целью обеспечить ей доступ к Балтийскому морю // Больш. росс. энцикл. – URL: https://bigenc.ru/

было настолько сильным, что позволило убедить правительство «санации» в полномасштабной военно-политической поддержке Франции и Великобритании в случае войны с Германией. В результате Польша с апреля 1939 г. начала подготовку к войне одновременно с Германией и СССР в условиях тяжелейшего экономического кризиса [13, с. 47]. 17 апреля 1939 г. Великобритания заблокировала предложение СССР о заключении трехстороннего договора о взаимопомощи СССР, Великобритании и Франции на случай германской агрессии. Условия договора предоставляли возможность присоединения к нему Польши и других европейских государств. Находясь в фарватере британского политического курса, польская дипломатия категорически отвергла предложение о помощи и сотрудничестве, неоднократно озвученное СССР в мае 1939 г. [10, с. 6]. Своей непоследовательной и амбициозной внешнеполитической деятельностью польское правительство фактически создало предпосылки для последующего формирования собственной идеологической доктрины «двух врагов».

Отношение польского правительства к интересам своего народа отражено во внешнеполитической деятельности польской дипломатии. В июне 1939 г. на переговорах министра иностранных дел Японии Хатиро Арита с послом Польши в Японии Тадэушем Ромером последний подчеркнул, что поляки не боятся войны с Германией. Т. Ромер также заявил: «… Даже если допустить, что в войне с Польшей перевес окажется на стороне Германии, то ведь в конечном итоге поражение Германии во всеобщем конфликте неизбежно» [14, с. 13]. Даже если оценивать деятельность польской дипломатии с позиции политического блефа, готовность добиваться своих целей с подобными издержками подтверждает авантюрный и безответственный характер внешней политики правительства «санации» прежде всего по отношению к полякам. В конечном итоге самоуверенная и вызывающая позиция польского истеблишмента предопределила судьбу польского народа во Второй мировой войне. Закономерным итогом внешней политики правительства «санации» стало сокрушительное поражение Польши в результате нападения нацистской Германии 1 сентября 1939 г.

Развитие доктрины «двух врагов» после 17 сентября 1939 г. Военно-политическая катастрофа сентября 1939 г. вскрыла все негативные стороны правительства «санации» и всколыхнула польское общество. В условиях военного поражения польской армии и бегства польского правительства через Румынию во Францию, польская политическая оппозиция при поддержке британо-французских элит потребовала отставки «санационного» правительства. В результате этого, в октябре 1939 г. во Франции было сформировано польское правительство в эмиграции, в которое вошли представители крупных польских политических партий: Стронництва народового (SN), Стронництва працы (SP), Стронництва людового (SL), Польской социалистической партии (PPS). Не смотря на дискредитацию правительства «санации», в новое правительство вошли представители и этой политической силы, напрямую не причастные к сентябрьской катастрофе. «Санация» была представлена в новом правительстве президентом Владиславом Рачкевичем, министром иностранных дел Аугустом Залесским, а также министром финансов, промышленности и торговли Адамом Коцем [11, с. 45]. Премьер-министром, главнокомандующим, министром военных дел, министром внутренних дел, а также министром юстиции был избран генерал Владислав Сикорский. Выбор этой политической фигуры стал результатом компромисса польского политикума при политической поддержке Франции. Так как правительство фактически находилось не на территории Польши, оно называлось «правительством Польши в изгнании» или «польским эмигрантским правительством».

На оккупированной территории Польши 13 ноября 1939 г. правительством В. Сикорского был создан Союз вооруженной борьбы (СВБ). Деятельность этой организации распространялась и на территорию БССР. После воссоединения белорусского народа в результате включения территории Западной Беларуси в состав БССР, польское правительство считало эту территорию оккупированной. Базовой идеологической основой деятельности СВБ стала концепция «двух врагов», т.е. одновременное противостояние Германии и СССР [15, с. 4]. Даже в условиях полного разгрома польской армии правительство Польши в изгнании не собиралось отказываться от «восточных кресов». На западной территории БССР подразделения СВБ в основном осуществляли подрывную антигосударственную деятельность, направленную на запугивание населения и диверсии. С октября 1939 г. по август 1940 г. участниками польских организаций в западных областях БССР было совершено 93 террористических акта, убито 54 и ранено 39 человек [16, с. 594].

Деятельность СВБ не находила поддержки у большей части местного населения, а после разгрома его штабов органами НКГБ БССР летом 1940 г. СВБ практически прекратил активную деятельность на западной территории БССР [15, с. 5]. Этому способствовали также капитуляция Франции 22 июня 1940 г. и релокация правительства Польши в Лондон. Население Западной Беларуси симпатизировало идее воссоединения в рамках БССР и отвергала польскую доктрину «двух врагов».

К концу 1940 г. правительству Польши в изгнании пришлось отложить активные действия в рамках концепции «двух врагов», т.к. британская дипломатия предпринимала активные действия по сближению с СССР. Пришедшее в мае 1940 г. к власти в Великобритании правительство Уинстона Черчилля реально оценивало угрозу нацистской Германии и ориентировалось на создание антигитлеровской коалиции.

Изменение концепции «двух врагов» после начала Великой Отечественной войны. После внезапного нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. В. Сикорский, поддерживаемый британской дипломатией, выступил по радио BBC с обращением к польскому народу, в котором прозвучало завуалированное послание к СССР о возможном сотрудничестве [17, с. 29]. Советское правительство приняло этот сигнал и 5 июля 1941 г. начались переговоры о сотрудничестве между правительством Польши в изгнании с правительством СССР. В результате сложных переговоров 30 июля 1941 г. было заключено «Соглашение о восстановлении дипломатических отношений между СССР и правительством Польской Республики в изгнании», известное также как «Договор Сикорского – Майского». В соглашении статус территории «восточных кресов» конкретно не оговаривался. Главной

целью договаривающихся сторон было создание польской армии из числа поляков, находящихся на территории СССР. При этом обе стороны планировали использовать эту армию в своих целях.

В ходе переговоров внутри правительства Польши в изгнании возникли серьезнейшие противоречия между группировкой «санации» во главе с В. Рачкевичем и «умеренным» польским политикумом, который представлял В. Сикорский. Правильней будет сказать, что эти противоречия обострились, т.к. они существовали с момента государственного переворота 1926 г., в ходе которого В. Сикорский отказался поддержать Ю. Пилсудского. Фактически в польском обществе, включая эмиграцию, произошел раскол. Подавляющее большинство поляков поддержало соглашение с СССР, т.к. видело в нем возможность освобождения Польши от нацистов и мирного урегулирования разногласий между Польшей и СССР [18, с. 192]. Деятельность В. Сикорского по поиску компромисса в отношениях с советским правительством противоречила непримиримой позиции «санаторов» по отношению к СССР. Не смотря на очевидную необходимость соглашения между Польшей и СССР для обеих сторон, «санаторы» во главе с В. Рачкевичем попытались сорвать проведение переговоров, оказывая политическое давление на В. Сикорского [17, с. 30]. В ходе вмешательства британской силы в польский правительственный кризис, В. Рачкевич отправил в отставку министров А. Залесского, К. Соснковского и М. Сейду [18, с. 192]. Фактически «санация» потерпела очередное политическое поражение.

Открытая деятельность правительства Польши в изгнании по реализации концепции «двух врагов» была приостановлена. Основной задачей В. Сикорского стало формирование польской армии из числа поляков, находящихся на территории СССР. Согласно договоренностей 30 июля 1941 г., польская армия должна была совместно с РККА воевать на советско-германском фронте. Польская армия под командованием генерала Владислава Андерса была сформирована на средства СССР, однако в 1942 г. в количестве 75 491 человека была переправлена в Иран и включена в состав британской армии [17, с. 36]. Скрытая деятельность правительства Польши в изгнании проводилась по созданию тайной армии на оккупированной территории Польши, Западной Беларуси и Западной Украины. Её формирование происходило на базе СВБ и 14 февраля 1942 г. это вооруженное формирование получило название Армия Крайова (АК). Главной целью создания АК служило объединение разрозненных подразделений польских партизан под единым командованием. Командующим АК был назначен Стефан Ровецкий, единственный из высокопоставленных польских военных, оставшихся в оккупированной Германией Польше. Действующие на территории оккупированной Польши партизанские формирования – Батальоны хлопские, Гвардия Людова, Союз освободительной борьбы и другие антифашистские отряды – не были готовы подчинятся правительству Польши в изгнании. Польские патриоты левых взглядов симпатизировали СССР и не разделяли концепцию «двух врагов». Их деятельность была сосредоточена только на борьбе с немецкими оккупантами.

Личности В. Сикорского и С. Ровецкого сыграли положительную роль в привлечении поляков в ряды Армии Крайовой. Оба польских лидера не были связаны с «санаторами», а после начала Великой Отечественной войны не стремились навязывать полякам идеологему «двух врагов». В инструкции, направленной кабинетом В. Сикорского 8 марта 1942 г. командованию Армии Крайовой говорилось об изменении «отношения к Советам» и формировании дружеских и союзнических отношений между Польшей и СССР [17, с. 36]. Вместе с тем, лояльность В. Сикорского в отношениях с правительством СССР никоим образам не касалась территориальных уступок. По умолчанию, решение территориального вопроса было отложено до момента решения первоочередных задач, что вполне устраивало советское и британское правительство. Политическая деятельность В. Сикорского позволила вывести политический курс правительства Польши в изгнании на конструктивное сотрудничество с СССР. Этому вполне способствовала британская политика, преследовавшая свои интересы. При этом все сторонники реализации «Договора Сикорского – Майского» понимали, что достигнутые соглашения носят ситуативный характер и позднее придется решать вопрос границ между Польшей и СССР. В правительстве Польши в изгнании по-прежнему имели серьезное влияние сторонники «санации». Кроме того, командный состав Армии Крайовой в большинстве составляли офицеры польской армии, агенты 2-го отдела Польглавштаба, агенты дифензивы и другие сторонники режима «санации» [19, с. 228]. Командование АК, в которое входили К. Соснковский и Тадэуш Бур-Комаровский, стремилось назначать лояльных «санации» командиров АК на местах. Доктрина «двух врагов» продолжала скрыто распространятся среди личного состава АК.

Заключение. Польская идеологическая доктрина «двух врагов» сформировалась в результате реализации внешней политики польского правительства «санации» в межвоенный период. В марте 1939 г. она была принята в качестве государственной концепции, в ходе реализации которой произошло крушение польской государственности в сентябре 1939 г. Колониальная политика правительства «санации» в отношении территории «восточных кресов» исключала белорусскую государственность в любой форме. Отсутствие политической гибкости, шовинистические и амбициозные предубеждения сторонников «санации» настроили часть населения Польши отрицательно по отношению к собственному правительству. Польское общество не было в целом настроено на конфронтацию с СССР, что послужило поддержкой политике В. Сикорского на территории оккупированной Польши и в эмиграции. Поиск политического решения проблем между Польшей и СССР кабинетом В. Сикорского отвечал интересам Польши, Великобритании и СССР в 1941–1942 гг.

Политическое противостояние внутри правительства Польши в изгнании заключалось в методах борьбы за государственные интересы Польши и польского народа. Очевидно, что политика В. Сикорского позволяла избежать необоснованного кровопролития между Польшей и СССР, в то время как сторонники режима «санации» продвигали концепцию «двух врагов» и готовы были воевать против СССР «до последнего поляка».

ЛИТЕРАТУРА

1. Скульский С. Беспартийный блок сотрудничества с правительством «санации» // Правящая партия польского фашизма / С. Скульский. – Минск: Изд-во Белор. акад. наук, 1935. – 62 с.
2. Tarnowski Adam. Two Polish attempts to bring about a Central-East European Organisation: a lecture given by Adam Tarnowski at the Polish Hearth, London, October 1943. Adam Tarnowski. – URL: https://kpbc.ukw.edu.pl/dlibra/publication/ (дата обращения: 18.09.2025).
3. Лазько Р.Р. «Ягелонская ідэя» ў палітыцы Польскай Рэспублікі ў міжваенныя гады / Р.Р. Лазько // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1994. – № 2. – С. 16–20.
4. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: Документы и материалы. В 2 т. – Т. 2. 1929–1939 / И.П. Ховратович (сост.). – Минск: Беларусь, 1972. – 560 с.
5. Сикорский В. Будущая война: Ее возможности, характер и связанные с ними проблемы обороны страны; Пер. с польск. Я.А. Кротовской. – 2-е изд. – М.: Изд. и 1 тип. Гос. воен. изд-ва, 1936. – 250 с.
6. Билевич О.И. Концентрационный лагерь в г. Береза-Картузская в контексте санационного режима // Осень 1939 года: коренной перелом в судьбе белорусского народа: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР, Брест, 24–25 сент. 2009 г. / ред. Н.Н. Ковалева, Л.Ю. Малыхина. – Брест: БрГТУ, 2009. – С. 14–18.
7. Розенблат Е.С. Западные области Белоруссии в 1939–1941 годах: оккупация – воссоединение – советизация // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939-1941 гг.: люди, события, документы. – СПб.: Алетейя, 2011. – 424 с.
8. Экономика Советской Белоруссии. 1917-1967 / АН БССР. Ин-т экономики. – Минск: Наука и техника, 1967. – 571 с.
9. Секреты польской политики. 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. — М.: РИПОЛ классик, 2010. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/203315-zapis-besedy-g-geringa-s-marshalom-rydz-smigly-5-marta-1937-g (дата обращения: 7.08.2025).
10. Брычков А.С. Никаноров Г.А. Московский договор 23 августа 1939 г.: была ли альтернатива? // Вестник Полесского гос. ун-та. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2015. – № 2. – С. 3–9.
11. Павлович Е. Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. Сентябрь 1939 г. – январь 1945 г.: Очерки истории: Павлович Е., Потеранский В., Малиновский М. [Пер. / предисл. И. Хренова]. – М.: Политиздат, 1968. – 455 с.
12. Europa Środkowo-Wschodnia w polskiej myśli politycznej / Pod red. Mirosława Dymarskiego i Jerzego Juchnowskiego. — Wrocław: Wydaw. Uniw. Wrocławskiego, 2004. — 296 с.
13. Бабенко О.В. Польша в системе международных отношений (1919–1939 гг.): Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории; Отв. ред. Т.М. Фадеева. – М., 2011. – 82 с. – (Сер.: «Всеобщая история»).
14. Год кризиса. 1938-1939: Док. и материалы в 2 т. Т. 1. 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. / М-во иностр. дел СССР. – М.: Политиздат, 1990. – 562 с.
15. Барабаш В.В. Деятельность польского антисоветского сопротивления на территории Западной Беларуси в 1939—1941 гг. // Вестник Полесского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 3–8.
16. Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Беларуси 1939–1941 гг. / под ред. З. Гаевничек. – Варшава – М., 2001. – 724 с.
17. Прибылов В.И. Почему ушла армия Андерса // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 7. – С. 29–37.
18. Ахметкаримов Б.Г., Гришин Я.Я., Шарафутдинов Д.Р. Польско-советское соглашение от 30 июля 1941 года. Его оценка и значение // Вестник ТГУПБП. – 2021. – № 4. – С. 186–195.
19. Польша – Беларусь. 1921–1953: Сб. док. и материалов / Нац. АН Беларуси, Ин-т истории, Департамент по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь; Сост. А.Н. Вабищевич и др. – Минск: Беларусь, 2021. – 423 с.

Поступила 17.10.2025

GENESIS OF THE POLISH DOCTRINE OF THE "TWO ENEMIES" AND ITS DEVELOPMENT AS THE IDEOLOGICAL FOUNDATION OF THE ARMED FIGHTING UNION AND THE KRAIOVA ARMY IN THE BSSR IN 1939–1942

D. DLUHASH
(Mogilev State University named after A.A. Kuleshov)

This article explores the genesis of the historical processes that led to the emergence of the Polish political and ideological doctrine of the "two enemies." It identifies the motives and goals of the Polish "sanitation" government's efforts to incorporate the western territory of the Byelorussian Soviet Socialist Republic into Poland as the "Eastern Kresy" in a colonial status. The article examines the specific features of the political concept of creating a Greater Poland in relation to Belarusian statehood. It analyzes the political aspects of the Polish "sanitation" government's activities during the interwar period and the Polish government-in-exile's efforts to establish and develop the doctrine of the "two enemies" at the beginning of World War II. The article explores the relationship between the foreign policy activities of the Cabinet of Władysław Sikorski after June 22, 1941, and the internal political crisis of the Polish government-in-exile, as well as the temporary suspension of the "two enemies" doctrine in 1941–1942.

Keywords: *Polish "sanitation" government, Polish "two enemies" doctrine, Polonization, Union of Armed Struggle (UAW), Kraiova Army, Jagiellonian idea, Interfluve, Baltic-Black Sea Bloc, Polish government-in-exile, Sikorski-Majski Treaty.*

УДК 94(476)"1941/1944":930+374.7(476)(091) DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-41-45

ОТРАЖЕНИЕ КАРАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИСТСКИХ АЙНЗАТЦГРУПП НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

С.А. ТКАЧЕВ
(Институт пограничной службы Республики Беларусь, Минск)
e-mail: info.tkachev@gmail.com

Статья посвящена анализу проблем и специфики отражения карательной деятельности нацистских айнзатцгрупп на территории Беларуси в отечественной историографии. В частности, рассматривается советская и белорусская историография. Выявляются основные особенности и тенденции в развитии подходов к исследованиям в рассматриваемой области в период с первых послевоенных лет до наших дней. Проведенный анализ показал, что в последние десятилетия наблюдался переход от идеологически предвзятых интерпретаций к более взвешенным и глубоким оценкам. Различные авторы, акцентируя внимание на конкретных гранях трагедии, дают возможность получить более широкое представление о масштабах и специфике злодеяний, совершенных айнзатцгруппами на территории Беларуси в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *айнзатцгруппы, СС, вермахт, Беларусь, оккупация, карательная деятельность, историография, Великая Отечественная война, геноцид.*

Введение. Карательная деятельность нацистских айнзатцгрупп на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны – одна из наиболее трагических страниц в истории республики. Масштабные и систематические акции по уничтожению евреев, цыган и представителей других народов СССР, а также коммунистов, советских активистов, партизан оставили глубокий след в национальной памяти и продолжают оставаться предметом пристального изучения историков. Изучение деятельности айнзатцгрупп крайне важно для понимания механизмов реализации нацистской политики геноцида на оккупированных территориях. Анализ подходов, используемых в советской и белорусской историографии, позволяет оценить эволюцию взглядов на эту проблему и выявить существующие пробелы в исследовании. Тема деятельности айнзатцгрупп не потеряла своей актуальности в контексте современных дискуссий о Второй мировой войне и преступлениях против человечности. Рассмотрение этой темы необходимо для противодействия попыткам фальсификации истории и оправдания нацистских преступлений.

Целью данной статьи является комплексный анализ особенностей освещения карательной деятельности нацистских айнзатцгрупп на территории Беларуси в отечественной (советской и белорусской) историографии. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать основные этапы изучения проблемы карательной деятельности айнзатцгрупп в советской историографии, выявив ключевые особенности и изменения в подходах к освещению данной темы.
2. Рассмотреть основные направления и тенденции в изучении этой проблемы в белорусской историографии, уделяя особое внимание новым архивным материалам и современным интерпретациям событий.
3. Оценить степень изученности различных аспектов карательной деятельности айнзатцгрупп в отечественной историографии, выявляя «белые пятна» и перспективные направления для дальнейших исследований.
4. Проанализировать вклад конкретных исследователей в изучение этой темы, выделить наиболее значимые работы и оценить их роль в развитии историографии.

Основная часть. Айнзатцгруппы представляли собой мобильные оперативные отряды, сформированные из подразделений СС, полиции безопасности (Sicherheitspolizei или Sipo), Криминальной полиции (Kripo) и Тайной государственной полиции (Gestapo). Их создание было инициировано перед аншлюсом Австрии в 1938 г., а затем вновь перед вторжением в Польшу в 1939 г., однако их наиболее зловещая роль проявилась во время вторжения в Советский Союз. В состав айнзатцгрупп входили не только сотрудники СС и полиции, но и военизированные формирования, рекрутированные из числа местных коллаборационистов, в том числе фольксдойче, а также бывших советских граждан, присягнувших на верность нацистскому режиму. Численность каждой айнзатцгруппы варьировалась в зависимости от поставленных задач и региона дислокации, но в среднем составляла от нескольких сотен до тысячи человек. Они были организованы по иерархическому принципу, с четким разделением на оперативные подразделения (зондеркоманды и айнзатцкоманды), занимавшиеся непосредственно исполнением приказов об уничтожении, и вспомогательные службы, обеспечивавшие логистику, снабжение и охрану [1, с. 137].

Советская историография внесла весомый вклад в изучение деятельности айнзатцгрупп на территории Беларуси. Несмотря на ограниченность доступа к зарубежным источникам, советские историки проделали масштабную работу по сбору и систематизации свидетельств, выявлению злодеяний оккупантов и их пособников, а также по увековечиванию памяти жертв. Уже в 1942 г. в советской публицистике фиксировались факты зверств, творимых оккупантами, в том числе и айнзатцгруппами. Т. Горбунов в своих работах, опубликованных в журнале «Славяне» [2] и «Спутник агитатора» [3], акцентировал внимание на стремлении немцев уничтожить белорусский народ, превратить его в рабов. Он описывал конкретные случаи расправ над мирным населением, подчеркивая систематический характер этих преступлений. В агитационных изданиях, таких как «Блокнот агитатора

Красной Армии» [4, с. 19] и «Агитатор и пропагандист Красной Армии» [5], также уделялось внимание злодеяниям нацистов против мирных жителей. Материалы не только фиксировали факты убийств и насилия, но и выполняли функцию мобилизации населения на борьбу с врагом, подчеркивая необходимость мести за пролитую кровь. Подобные публикации представляли собой важный элемент пропагандистской работы, направленной на поддержание боевого духа и укрепление веры в победу. В 1945 г., в журнале «Беларусь» вышла статья И. Кравченко «Беларусь обвиняет». Эта работа представляла собой обобщение информации о преступлениях, совершенных на территории республики, и фокусировалась на стремлении донести до широкой общественности правду о зверствах оккупантов.

Сразу после освобождения Беларуси от фашистов начался сбор материалов об их преступлениях. Активное участие в этом процессе принимали Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, а также местные комиссии. Результаты их работы, зафиксированные в актах, протоколах допросов свидетелей и жертв, стали основой для первых публикаций и исследований. В этих документах фиксировались факты массовых убийств мирного населения, уничтожения населенных пунктов, грабежей и насилия [6]. Акты ЧГК содержали ценную информацию о масштабах трагедии и преступлениях, совершенных айнзатцгруппами. В первые послевоенные годы в отечественной историографии акцент делался на демонстрации жестокости фашизма и патриотизме советского народа [7–9]. Важной задачей было показать, что СССР одержал победу над абсолютным злом и советский народ, несмотря на огромные потери, проявил небывалый героизм и стойкость. Айнзатцгруппы рассматривались в этом контексте как один из инструментов реализации нацистской политики геноцида, нацеленной на уничтожение советских людей.

Начиная с 1960-х гг. в советской историографии произошли некоторые изменения. Многие историки стали критически оценивать события прошлого, расширилась база источников, стали публиковаться работы, основанные на ранее недоступных архивных материалах. В этот период начинают появляться исследования, посвященные детальному анализу конкретных фактов деятельности айнзатцгрупп на территории Беларуси. В этой связи заслуживают внимания труды В.Г. Пономарева [10], В.П. Романовского [11] и А.В. Семеновой [12]. В частности, в опубликованной в 1963 г. книге «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944» [13, с. 237] представлены аутентичные свидетельства и источники, демонстрирующие злодеяния, совершенные айнзатцгруппами на территории республики. Описывается пренебрежение нормами и правилами ведения боевых действий, масштабное уничтожение беззащитных мирных жителей, бесчеловечная жестокость по отношению к пленным солдатам, повсеместный насильственный вывоз населения для принудительной работы в Германию, уничтожение, разграбление и присвоение государственной, коллективной и частной собственности граждан, культурного и научного наследия.

Важным направлением исследований стало изучение коллаборационизма [14; 15]. Советские историки анализировали причины, по которым часть населения Беларуси пошла на сотрудничество с оккупантами, и раскрывали роль коллаборационистов в уничтожении мирных жителей. Особое внимание уделялось разоблачению предателей и изменников Родины. В частности, следует отметить работы П.С. Ромашкина, А.И. Ганусеца, В.Ф. Романовского [16], а также М.М. Загорулько и А.Ф. Юденкова [17].

В 1970 – 1980-е гг. в отечественной историографии усилился идеологический контроль. В этот период акцент делался на ведущей роли коммунистической партии в организации сопротивления немецко-фашистским захватчикам, что в целом является справедливым и соответствует действительности. Однако, такой подход приводил к определенной догматизации и тенденциозности в освещении исторических событий, в том числе и деятельности айнзатцгрупп. Подчеркивалась роль партизанского движения под руководством ВКП(б) как основной формы сопротивления карателям. В качестве примера можно привести статью В.К. Киселева «Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Беларуси» [18, с. 47]. Деятельности других антифашистских сил, не связанных с коммунистической партией, уделялось меньше внимания. Вместе с тем, некоторые аспекты карательной деятельности, такие как участие в ней отдельных лиц и формирований из числа местного населения, рассматривались не всегда достаточно полно и объективно. Это было связано, в частности, со стремлением избежать разжигания межнациональной розни.

В период «перестройки» советская историография подверглась критическому переосмыслению. Появилась возможность изучать ранее недоступные источники, в том числе зарубежные. Это позволило комплексно оценивать деятельность фашистских карателей на территории СССР, в том числе деятельность айнзатцгрупп в Беларуси и внести коррективы в ранее существовавшие представления. В рассматриваемый период появляются работы, в которых анализируются не только преступления айнзатцгрупп, но и их структура, организация, методы работы, а также роль отдельных лиц в осуществлении геноцида [19–22]. Более детально изучаются причины и масштабы коллаборационизма, а также последствия нацистской оккупации для населения Беларуси и других советских республик. Особо следует отметить сборник «Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941 – 1944 гг.)» [23, с. 278]. В данной книге представлены свидетельства, неопровержимо доказывающие злодеяния, совершенные немецко-фашистскими агрессорами, в том числе айнзатцгруппами, на захваченных советских землях. В конце работы приводятся обобщенные сведения об ущербе, причиненном Советскому Союзу фашистской агрессией, в том числе и от деятельности айнзатцгрупп на территории Беларуси.

Таким образом, советская историография внесла значительный вклад в изучение деятельности нацистских айнзатцгрупп на территории Беларуси. Советские историки собрали и систематизировали огромный объем информации, выявили множество фактов преступлений и тем самым увековечили память жертв. В то же время, критический анализ советской историографии и использование новых источников позволяют сегодня более полно и объективно оценить масштабы трагедии, произошедшей на белорусской земле в годы Великой Отечественной войны.

В постсоветский период белорусские историки получили возможность всесторонне исследовать рассматриваемую тему, опираясь на широкий спектр источников, включая новые рассекреченные архивные документы, свидетельства очевидцев и результаты полевых исследований. Многие белорусские историки уделяют внимание изучению географии Холокоста в Беларуси, выявляя места массовых расстрелов и концентрации еврейского населения. В ряде работ [24–28] подробно описываются процессы создания гетто в белорусских городах и местечках, условия содержания заключенных и методы их уничтожения айнзатцгруппами. В работах белорусских ученых, посвященных рассматриваемой теме, анализируются приказы и распоряжения, отдаваемые руководством айнзатцгрупп, а также отчеты об исполнении этих приказов. Эти документы свидетельствуют о планомерном и систематическом характере уничтожения групп населения, признанных нацистами «неполноценными».

Не менее важной проблемой исследований является коллаборационизм на территории БССР. Российский историк Е.Е. Красноженова и белорусский историк С.В. Кулинок [29, с. 634], изучают различные формы сотрудничества местного населения с оккупационными властями, начиная от участия в полицейских формированиях и заканчивая выдачей евреев и партизан нацистам.

Важным направлением в отечественной историографии стало изучение региональных особенностей деятельности айнзатцгрупп в Беларуси. Исследователи сосредотачиваются на анализе конкретных операций, проводимых этими подразделениями в различных областях и районах республики. Так, Н.А. Лысак, В.С. Заблоцкая и Ю.В. Запарий исследуют идеологические основы карательной политики нацистов на примере операции «Зимнее волшебство» [30]. С.В. Кулинок изучает особенности агентурной деятельности фашистов накануне и в период проведения карательных операций на территории БССР [31]. Он впервые в отечественной историографии коснулся вопроса проведения нацистами «Акции 1005» по сокрытию следов своих преступлений. Кулинок отмечает, что ключевую роль в этой акции играли айнзатцгруппы [1, с. 139].

Особое внимание в постсоветской отечественной историографии уделяется исследованию мест массовых захоронений жертв нацистского террора [32]. Отечественные историки анализируют отчеты по эксгумациям, проводимым на местах расстрелов и в лагерях смерти. Эти работы позволяют не только установить точное число жертв, но и собрать доказательства преступлений нацистов. Важную роль играет публикация обнаруженных документов и вещественных доказательств, которая способствует сохранению памяти о трагедии и предотвращению попыток фальсификации истории.

Особенностью белорусской историографии постсоветского периода является расширение информационной базы исследований. Помимо традиционных источников, таких как документы советских партийных и государственных органов, активно используются немецкие архивные документы, трофейные документы, свидетельства очевидцев, материалы судебных процессов над нацистскими преступниками и коллаборационистами.

Важно отметить, что Генеральной прокуратурой Республики Беларусь возбуждено и расследуется уголовное дело о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Используемые в ходе расследования справочно-аналитические и документальные материалы систематизируются и публикуются [33].

В последние годы в белорусской историографии наблюдается тенденция к расширению тематики исследований, связанных с деятельностью айнзатцгрупп в БССР и других республиках. Историки обращаются к изучению психологических аспектов геноцида, анализируя мотивацию преступников и последствия травмы для выживших [32, с. 77]. В частности, эти аспекты отражены в трудах, доктора исторических наук А.М. Литвина, который уделяет особое внимание деятельности айнзатцгрупп в начальный период Великой Отечественной войны [34, с. 72]. Рассматриваются вопросы, связанные с социальной и культурной памятью о геноциде, а также ролью музеев и мемориалов в сохранении памяти о жертвах нацистского террора.

Заключение. В целом, современная белорусская историография существенно дополнила вклад советских ученых в изучение деятельности нацистских айнзатцгрупп на территории Беларуси. Были выявлены новые факты, переосмыслены старые концепции, сформирована более объективная и детализированная картина преступлений нацистов. Несмотря на значительные успехи в изучении преступной деятельности айнзатцгрупп в БССР, в белорусской историографии последних лет остаются нерешенные проблемы в области исследований по данной проблематике. Одной из них является недостаточное использование зарубежных источников, в частности, документов немецких архивов и исследований западных историков. В перспективе необходимо продолжить работу по выявлению и публикации новых архивных документов, проводить совместные исследования с зарубежными учеными, а также развивать междисциплинарные подходы к изучению трагедии геноцида в Беларуси и других советских республиках. Остаются невыясненными многие аспекты рассматриваемой трагической страницы истории, в частности, полная картина структуры и деятельности отдельных айнзатцгрупп, точное число жертв их преступлений, а также роль различных категорий коллаборационистов в осуществлении геноцида на территории Беларуси. Дальнейшие исследования в этой области будут способствовать более полному и объективному освещению истории Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулинок С.В. «Операция 1005»: уничтожение нацистами следов преступлений на территории Белоруссии в 1943 – 1944 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2021. – № 3(26). – С. 124–188.
2. Горбунов Т. Белоруссия живет. Белоруссия борется // Славяне. – 1942. – № 1. – С. 22–27.
3. Горбунов Т. Белорусы не будут рабами! // Спутник агитатора. – 1942. – № 16. – С. 14–17.
4. Горбунов Т. За кровь детей – по фашистским гадам огонь! // Блокнот агитатора Красной Армии. – 1944. – № 23. – С. 17–29.
5. Безденежных П. Зверства немецких захватчиков на белорусской земле // Агитатор и пропагандист Красной Армии. – 1944. – № 9. – С.45–48
6. Алферова И.В., Блохин В.Ф. Основание и деятельность чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (1942-1945 гг.) // Вестник БГУ. – 2020. – № 4(46). – С. 9–19.
7. Судебные процессы по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15-29 янв.). – Минск: Ред. полит. лит-ры ГИЗ БССР, 1947. – 473 с.
8. Утевский Б.С. Судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР. – М.: Юриздат, 1946. – 60 с.
9. Лещинский, Л.М. Хойзингер – военный преступник. – М.: Изд-во ИМО, 1961. – 64 с.
10. Пономарев В.Г. Суд спасает убийц. – Минск: Госиздат БССР, 1963. – 87 с.
11. Раманоўскі В.П. Саўдзельнікі ў злачынствах. – Мінск: Беларусь, 1964. – 288 с.
12. Семенова А.В. Истребление фашистскими захватчиками населения Белоруссии под предлогом борьбы с партизанами // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944). – М., 1965. – С. 379–386.
13. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944 / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – Фил. ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории АН БССР, Центр. гос. арх. Окт. революции и социалист. стр-ва БССР; Сост. З.И. Белуга и др. – Минск: Госиздат БССР, 1963. – 436 с.
14. Беларуска-нямецкія і польска-нямецкія нацыяналісты – агенты германскага фашызма, саудзельнікі злачынстваў гітлераўцаў на беларускай зямлі // Блакнот агітатара. – 1945. – № 5. – С. 1–22.
15. Андронов И. Враги Белоруссии // Новое время. – 1962. – № 14. – С. 18–20.
16. Ромашкин П.С., Ганусец А.И., Романовский В.Ф. Нацистский террор и беззакония на оккупированной территории СССР // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944). – М., 1965. – С. 300–318.
17. Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. – М.: Экономика, 1970. – 271 с.
18. Киселев В.К. Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Беларуси // Вопросы истории. – 1984. – № 3. – С. 42–56.
19. Тищенко Е.М. Немецко-фашистская политика геноцида по отношению к населению Белоруссии // Здравоохранение Белоруссии. – 1988. – № 7. – С. 35–38.
20. Мартос А. Положение Беларуси под немецкой оккупацией // Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. – Репринт. изд. – Минск, 1990. – С. 285–292.
21. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: док. и матер. / под ред. и с предисл. П.А. Жилина. – М.: Воениздат, 1987. – 302 с.
22. Романовский В.Ф., Михальченко А.Н. Оккупация: преступные цели - преступные средства // Страницы истории Компартии Белоруссии. – Минск, 1990. – С. 215–225.
23. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941 – 1944 гг.) / под общ. ред. Е.А. Болтина и Г.А. Белова. – 3-е изд. – М.: Экономика, 1985. – 328 с.
24. Розенблат Е., Еленская И. Пинские евреи. 1939–1944 гг. – Брест, 1997. – 312 с.
25. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944) / Пад рэд. У.М. Міхнюка. – Мінск, 1995. – 416 с.
26. Розенблат Е.С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения за падных областей Беларуси. 1941–1944 гг.: дис… канд. ист. наук: 07.00.02 / Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 1999. – 177 л.
27. Корсак А.І. Генацыд яўрэйскага насельніцтва на тэрыторыі Віцебскай вобласці. 1941–1943 гг.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Белар. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Віцебск, 2008. – 154 л.
28. Винница Г.Р. Нацистская политика геноцида еврейского населения в восточной и центральной частях Беларуси в 1941–1944 годах: автореф. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Белор. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2008. – 23 с.
29. Красноженова Е.Е., Кулинок С.В. Карательные операции нацистов на пограничной территории БССР и северо-запада России: обзор источников // Ученые записки НовГУ. – 2021. – № 6(39). – С. 632–636.
30. Лысак Н.А., Заблоцкая В.С., Запарий Ю.В. Идеологические основы карательной политики нацистов: операция «Зимнее волшебство» // Белорусский исторический обзор. – 2020. – № 1(3). – С. 140–157.
31. Кулинок С.В. Использование немецкой разведывательно-диверсионной агентуры накануне и в период проведения нацистских карательных операций на оккупированной территории Беларуси в 1942–1944 гг // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2021. – № 2. – С. 49–55.
32. Корсак А.И. Опыт изучения военно-мемориальной сферы Беларуси в социально-гуманитарном знании // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2024. – № 1(72). – С. 72–80. DOI: https://doi.org/10.52928/2070-1608-2024-69-1-72-80.
33. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people : информационно-аналитические материалы и документы / Ген. прокуратура Респ. Беларусь; под общ. ред. А.И. Шведа. – Минск: Беларусь, 2022. – 175 с.
34. Литвин А.М. Геноцид: истребление белорусского народа в годы нацистской оккупации (июнь 1941 – июнь 1944) // Беларуская Думка. – 2022. – № 4. – С. 68–77.

Поступила 12.12.2025

REFLECTION OF THE PUNITIVE ACTIVITIES OF THE NAZI EINSATZGRUPPEN ON THE TERRITORY OF BELARUS IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

S. TKACHEV
(Border Guard Service Institute of Belarus, Minsk)

The article is devoted to the analysis of the problems and specifics of the reflection of the punitive activities of the Nazi Einsatzgruppen on the territory of Belarus in the national historiography. In particular, Soviet and Belarusian historiography is considered. The main features and trends in the development of research approaches in the field under consideration in the period from the first post-war years to the present day are revealed. The analysis showed that in recent decades there has been a transition from ideologically biased interpretations to more balanced and in-depth assessments. Various authors, focusing on specific facets of the tragedy, enrich our understanding of the scale and specifics of the atrocities committed by the Einsatzgruppen on Belarusian soil during the Great Patriotic War.

Keywords: *Einsatzgruppen, SS, Wehrmacht, Belarus, occupation, punitive activities, historiography, Great Patriotic War, genocide.*

УДК 342.7:364.442(476)"1943/1991" DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-46-51

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В БССР (1943–1991 гг.)

канд. ист. наук, доц. И.А. МАРТИНКЕВИЧ
(Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет)

В статье анализируются формирование и развитие нормативно-правовой базы послевоенной системы социальной защиты материнства и детства в БССР с 1943 по 1991 годы. На основе документов автор приходит к выводу, что этот процесс проходил не одномоментно и характеризовался наличием определённых этапов, что свидетельствует о сложной эволюции правовых институтов и их адаптации к меняющимся социально-политическим условиям различных исторических периодов. Вместе с тем в этот период были разработаны и внедрены основные нормативные документы, закреплявшие права и гарантии матерей и детей.

Ключевые слова: *социальная защита, охрана материнства и детства, многодетные матери, матери-одиночки, сироты, беспризорность, детские дома, дети-инвалиды, интернаты, пособия, льготы.*

Введение. Великая Отечественная война стала наиболее трагичным событием в истории советского народа. Она принесла не только масштабные разрушения материальной инфраструктуры, но и огромные человеческие потери. Особенно тяжело переживали войну территории, ставшие ареной ожесточённых сражений, а также оккупированые районы, столкнувшиеся с политикой максимальной вражеской эксплуатации и уничтожения населения. В этих условиях особое значение приобретали меры, направленные на создание послевоенной системы социального обеспечения, где особое место занимала тема охраны материнства и детства.

Основная часть. Тяжёлые последствия войны обусловили огромное количество вдов и сирот, большинство из которых нуждались в государственной помощи и поддержке. Понимая всю важность проблемы, уже 12 октября 1943 г. СНК БССР и ЦК КП(б)Б были сформированы Комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, в состав которых входили педставители образования, здравоохранения, органов НКВД, комсомольской и профсоюзной организаций [1, л. 77]. Чуть позже, 14 февраля 1944 г. СНК БССР было принято постановление «Об организации для детей воинов Красной Армии и партизан Отечественной войны, а также детей сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов, специальных детских домов», в которые принимались дети в возрасте от 3 до 14 лет.

Важной частью работы по социальному обеспечению детей-сирот была организация их питания и обеспечение необходимыми вещами. В первые послевоенные годы по ряду причин работа в этом направлении шла непросто, требовала особого внимания и контроля со стороны государства. Вскоре, 2 июля 1949 г., были утверждены нормы питания (в сутки в граммах), нормы и условия ношения одежды, обуви и нижнего белья, стандарты постельного белья, пищевые стандарты в детских домах. Так, согласно продовольственным нормам воспитанники в детских домах (обычных) в БССР на одного человека в день в граммах получали: хлеб – 175 г. (в специальных – 200 г.), мясо – 80 г., молоко – 250 г., сахар – 60 г. и др.; также воспитанникам полагалось одно зимнее пальто раз в 3 года, костюм или платье хлопковое 3 шт. на 2 года; ботинки 1 пара раз в 8 месяцев, две верхние рубашки раз в 2 года; 3 шт. простыни раз в 2 года, одно одеяло хлопковое 1 раз в год, полотенце махровое 1 шт. раз в 3 месяца [2, с. 91]. Однако принятие указанных норм не означало, что продовольственно-вещевое обеспечение воспитанников детских домов было налажено, оно по-прежнему оставалось одной из наиболее острых проблем социального обеспечения в республике.

По мере восстановления экономики возможности государства расширить поддержку детей также возрастали. В сентябре 1956 г. было принято очередное постановление, содержавшее нормы продовольственно-материального обеспечения детей без родителей, а также регламентирующее их обучение и трудовую подготовку. В частности, Минпросвет БССР, а также облисполкомы и Минский горисполком, в связи с введением среднего образования, с 1956 г. обязывались создавать условия для его получения воспитанниками детских домов и подготовки их к работе в различных отраслях народного хозяйства. Чтобы повысить эффективность подготовки, в течение 1956–1957 гг., при детских домах создавались подсобные сельские хозяйства и учебно-производственные мастерские, укреплялась их материальная база, оказывалась помощь в приобретении скота и сельскохозяйственного инвентаря, обмундирования и принадлежностей.

Министерства и ведомства союзных республик получили разрешение безвозмездно передавать детским домам инструменты и оборудование, а предприятия и организации, осуществляющие шефство над детскими домами, – оказывать им помощь в ремонте зданий детских домов. Были предоставлены льготы по приёму воспитанников детских домов в отдельные учебные заведения, а также при трудоустройстве. Так, в суворовских и нахимовских училищах не менее 15% мест предназначались для приема наиболее отличившихся в учёбе воспитанников детских домов, остальные направлялись на работу. Воспитанникам разрешалось оставаться на период производственного обучения в детских домах на срок до 6 месяцев. Для детей с физическими недостатками и хроническими заболеваниями этот срок составлял не более года. В случае перевода с одного предприятия на

другое в течение первого года после выпуска, воспитанника были обязаны зачислять на питание в детском доме на срок не более месяца и оказывать ему помощь в повторном устройстве на работу [3, с. 769–772].

В связи с организацией школ-интернатов были утверждены типовые штаты детских домов, а также обновлённые нормы обеспечения их воспитанников одеждой, обувью и мягким инвентарем [4, с. 84–86]. Важным документом, направленным на дальнейшее организационное совершенствование детских учреждений, стало утверждение 30 ноября 1978 г. положения «О детском доме-интернате БССР». Согласно документу они утверждались в качестве медико-социальных учреждений, предназначенных для постоянного проживания детей-инвалидов, нуждающихся в уходе, бытовом и медицинском обслуживании. Дома-интернаты системы Министерства социального обеспечения БССР создавались, реорганизовывались и ликвидировались по решению Совета Министров БССР. В областях, районах, городах это происходило по решению местных органов власти после согласования с Министерством социального обеспечения. Ведомственные дома-интернаты теперь могли передаваться в его подчинение. Все они осуществляли свою деятельность под руководством вышестоящей организации и исполнительного комитета Совета народных депутатов. Контроль над деятельностью детских домов-интернатов согласно территориальности и вне зависимости от ведомственной подчинённости осуществляли Минсобес БССР и районные и областные советы [5, с. 3–4].

К концу 1980-х – началу 1990-х гг. в БССР продолжалась работа по совершенствованию правовых норм, регулирующих вопросы охраны материнства и детства детей-сирот и оставшихся без попечения родителей, детей-инвалидов. С этой целью 23 сентября 1987 г. было принято решение ЦК КП(б)Б и СМ БССР о мерах по коренному улучшению воспитания, обучения и материального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, направленное на развитие и укрепление общественно-государственной системы воспитания, обучения и материального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Планировалось коренным образом улучшить удовлетворение их нужд и запросов, усилить контроль за работой детских интернатных учреждений, навести в них порядок, добиться качественных перемен в работе. Для этого повышалась персональная ответственность руководителей органов просвещения и здравоохранения, профессионально-технического образования, учебных заведений, предприятий, организаций и учреждений за воспитание и обучение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обеспечение их социального будущего. Предписывалось не допускать формального, бюрократического отношения к их судьбам, проявления к ним черствости, бездушия, давать таким фактам принципиальную партийную оценку. Дети-сироты и оставшиеся без попечения, родителей, воспитывающиеся в детских домах, школах-интернатах и средних профессионально-технических училищах были освобождены от платы за обучение в спортивных, художественных, музыкальных и школах искусств. Создавались филиалы этих школ непосредственно в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [6, с. 269–270, 271].

Особое внимание государство в послевоенный период уделяло вопросам охраны материнства и детства. Восстановление численности населения было важнейшей демографической задачей. Огромная депопуляция, вызванная тяжелыми военными последствиями, ставили под угрозу дальнейшее социально-экономическое развитие республики. Поэтому вскоре после освобождения территории БССР был принят ряд решений, направленных на организацию материальных выплат с последующей финансовой поддержкой материнства. Уже 4 сентября 1944 г. Постановлением Совнаркома БССР было сформировано Управления по государственным пособиям многодетным и одиноким матерям при Наркомфине БССР, созданы отделы по государственным пособиям при исполкомах районных и городских Советов депутатов трудящихся. 6 сентября 1944 г. Совет Министров БССР утвердил Положение «О порядке назначения и выплаты государственных пособий и предоставления льгот беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям». Даже в сложных военных условиях государство стремилось оказывать поддержку этим категориям населения. В августе 1944 г. при Наркомате финансов БССР было сформировано Управление по государственным пособиям многодетным и одиноким матерям с одноименными отделами при исполкомах районных и городских Советов депутатов трудящихся [4, с. 38–39]. Они продолжали свою работу до 28 января 1956 г., когда постановлением Совета Министров «О передаче органам социального обеспечения функций по выплате государственных пособий многодетным и одиноким матерям», до этого осуществлявших свою деятельность при Министерстве финансов БССР, областных, Минском и Гомельском городских финансовых отделах, а также при исполнительных комитетах городских и районных Советов депутатов, выполнение функций этих отделов было возложена на Министерство социального обеспечения БССР и его местные органы. [8, с. 42].

После окончания войны было принято решение по увеличению материальной поддержке многодетных и одиноких матерей. На это было направлено постановление Совета Министров СССР от 1 августа 1945 г. «Об увеличении размера пособия на кормление ребенка». В этот период на Родину возвращалось большое количество выехавших или вывезенных на принудительные работы в Германию. Для оказания поддержки этим гражданам было необходимо разработать соответствующую правовую основу, в связи с чем 9 сентября 1946 г. было принято решение, определявшее порядок предоставления государственных пособий многодетным и одиноким матерям, которые возвращались в СССР в качестве репатриантов.

В первые послевоенные годы экономическое положение в стране постепенно менялось, это обусловило многократные корректировки законодательства, регулирующего оказание социальной помощи материям, вплоть до середины 1950-х годов. Чаще всего это касалось порядка назначения и предоставления льгот беременным

женщинам, многодетным и одиноким матерям, пособий по беременности и родам женщинам молодым специалистам и т.д. К середине 1950-х гг. произошла реорганизация системы подчинения по вопросам выплат пособий многодетным и одиноким матерям. Эта функция, которая ранее реализовывалась Минфином БССР, а также областными, городскими финансовыми отделами и исполкомами, с 28 января 1956 г. была передана Министерству социального обеспечения БССР и его соответствующим местным структурам [8, с. 42]. Учитывая эти факторы 29 июня 1956 г. было утверждено Положение о порядке назначения и выплате пособий беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям в новой редакции. Фактически этот документ обобщал опыт предыдущих лет по социальному обеспечению матерей и подробнейшим образом прописывал основания, по которым им устанавливалась и предоставлялась материальная помощь. Государственные пособия теперь назначались и выплачивались матерям, имевшим двух детей, при рождении третьего и каждого следующего ребенка (таблица).

Таблица. – Размеры выплат пособий матерям, имевшим двух детей,
при рождении третьего и каждого следующего ребенка (руб.)

Категория получателя	Единовременно	Ежемесячно
Матерям, имевшим двух детей, при рождении третьего ребёнка	200	–
Матерям, имевшим трёх детей, при рождении четвёртого ребёнка	650	40
Матерям, имевшим четырёх детей, при рождении пятого ребёнка	850	60
Матерям, имевшим пять детей, при рождении шестого ребёнка	1000	70
Матерям, имевшим шесть детей, при рождении восьмого ребёнка	1250	100
Матерям, имевшим семь детей, при рождении восьмого ребёнка	1250	100
Матерям, имевшим восемь детей, при рождении девятого ребёнка	1750	125
Матерям, имевшим девять детей, при рождении десятого ребёнка	1750	125
Матерям, имевшим десять детей, при рождении каждого следующего ребёнка	2500	150

Источник: [9, с. 544].

Единовременное пособие выплачивалось при рождении ребенка, а ежемесячное – со 2-го года, до достижения детьми пятилетнего возраста. Указанные выплаты выплачивались матери независимо от того, что она получает пособия на ранее рожденных ею детей. При назначении социальных выплат многодетной матери учитывались все дети матери и усыновленные ею дети, а также дети мужа от прежнего брака и усыновленные им дети, поступившие на воспитание матери в возрасте не старше 12 лет. Указанные дети учитывались даже в тех случаях, когда они числились без вести пропавшими или погибшими вследствие ранений, контузий, увечий, заболеваний, обусловленных пребыванием на фронтах Великой Отечественной войны или в партизанских отрядах. Усыновленные дети учитывались в том случае, если постановление органов опеки и попечительства об их усыновлении было вынесено до рождения ребенка, на которого матерью испрашивалось пособие. Государственное пособие начислялось с учётом указанных категорий детей лишь в том случае, если мать предоставляла постановление органов опеки или попечительства и подтверждающие документы об усыновлении. Вместе с тем, при назначении и выплате государственного пособия многодетной матери, не учитывались умершие дети, а также усыновлённые иностранными подданными и те, чья мать была лишена родительских прав.

В случае смерти многодетной матери полагающееся ей пособие назначалось и выплачивалось отцу или опекуну детей. В тех случаях, когда мать по состоянию здоровья или другим причинам не могла оформить документы на получение пособия, оно назначалось матери по заявлению отца или опекуна детей и выплачивалось им до её выздоровления или до устранения причин, не позволявших матери лично оформить указанные документы. Указанное пособие назначается и выплачивается независимо от получения на этих детей пенсии или алиментов. Не состоящим в браке матерям государственные пособия назначались и выплачивались на содержание и воспитание детей, которые родились после 8 июля 1944 г. Их размер на одного ребенка составлял 50 руб. в месяц, на двух детей – 75 руб. в месяц, на трех и более детей – 100 руб. ежемесячно.

Также были установлены нормы на получение государственного пособия для одинокой матери на детей, родившихся после расторжения брака, смерти мужа или пропажи его без вести на фронтах войны. Чтобы его получить, женщина должна была предоставить свидетельство о расторжении брака или смерти мужа, извещение или справку военкомата (воинской части) о гибели или пропаже без вести мужа на фронте или соответствующий документ о гибели или пропаже без вести мужа. Пособие для одиноких матерей могло распространяться и на женщин, которые состояли ранее в браке, на детей, родившихся от другого лица до расторжения брака или до смерти мужа, а при наличии у них трех и более детей оно выплачивалось не зависимо от получения пособия, установленного для многодетных матерей. При этом, если мать-одиночка вступала в брак, за ней сохранялось право на получение назначенного пособия, а также на назначение пособия на детей, родившихся до брака.

Положение подробно регламентировало случаи, когда выплаты для одиноких матерей государством не предоставлялись. Основанием для этого могло послужить то, что одинокая мать получала пенсию или алименты, а также если лицо, от которого мать ранее родила ребенка, признало в установленном порядке себя отцом ребенка, или если её ребенок был усыновлен. В случае передачи детей одинокой матери на воспитание опекунам, государственное пособие выплачивалось им, в зависимости от числа детей, переданных им на воспитание, причём указанное пособие полагалось опекунам не зависимо от назначения детям пенсии по случаю смерти матери [9, с. 541–545].

Комиссия по назначению государственных пособий многодетным и одиноким матерям при исполнительном комитете районного, городского Совета депутатов трудящихся в течение 10 дней рассматривала обращение и документы заявителей. В случае положительного решения отдел социального обеспечения в течение трёх дней оповещал мать о назначении пособия и времени получения личной книжки. Если в предоставлении пособия отказывали, то на адрес заявителя высылалась выписка из протокола с соответствующей информацией. Многодетная, одинокая мать имела право обжаловать решение комиссии в исполнительном комитете районного, городского Совета депутатов трудящихся, который был обязан рассмотреть её жалобу в двухнедельный срок.

Выплата государственных пособий производилась районными, городскими отделами социального обеспечения. После назначения пособия многодетные матери были обязаны каждые 6 месяцев подтверждать состав семьи, предоставляя в отделы соцобеспечения личную книжку или справки о количестве детей, которые с ней проживали. На детей, находящихся в Советской Армии, справки представлялись 1 раз в год. Такая процедура обеспечивала контроль за соблюдением условий назначения пособия и расходованием государственных средств [9, с. 550–553]. Назначенные ежемесячные пособия выплачивались не более чем за полгода до очередной выплаты пособия, а единовременное пособие выплачивалось полностью, однако по решению комиссии, в отдельных случаях, оно могло быть выплачено и за более длительный срок. Принятое положение упорядочила предоставление выплат в отношении репатриированных в СССР многодетных и одиноких матерей. Так, в отношении гражданок СССР государственные пособия назначались и выплачивались с месяца, в котором мать прибыла в СССР, а принявшим гражданство СССР – с месяца его принятия. Единовременное государственное пособие указанным многодетным матерям выплачивалось в тех же размерах, что и другим, при условии, что к моменту их прибытия в СССР или к моменту принятия ими гражданства СССР ребенку было менее года.

Отдельный раздел положения был посвящён предоставлению выплат по беременности и родам. Каждой беременной женщине, работнице или служащей, предоставлялся соответствующий отпуск продолжительностью 112 календарных дней, (56 дней до родов и столько же после), с выдачей за этот период пособия в установленном порядке. В случае осложнений родов или рождения двух и более детей, отпуск после родов составлял 70 календарных дней. За это время женщине, работающей без перерыва в данном предприятии или учреждении не менее трех месяцев, полагалось пособие из средств государственного социального страхования. В случае предоставления дородового отпуска женщинам-молодым специалистам, направленным на работу по путевкам министерств и ведомств по окончании высшего или среднего специального учебного заведения или аспирантуры, пособие по беременности и родам за счет средств государственного социального страхования выдавалось не зависимо от непрерывного стажа работы. Если такой отпуск был предоставлен до начала работы, то пособие выдавалось со дня, назначенного для явки на работу. В этих случаях пособие по беременности и родам исчислялось исходя из должностного оклада или ставки по должности, на которую женщина-молодой специалист была направлена. Также при рождении ребенка матери или отцу, работающим в качестве рабочих и служащих, из средств государственного социального страхования выдавалось единовременное пособие на приобретение комплекта белья для новорожденного в размере 120 руб. и пособие на кормление ребенка в размере 180 руб. Указанные пособия полагались при условии, что мать или отец ребенка проработали на данном предприятии (в учреждении) не менее трех месяцев и если заработок родителя, обратившегося за пособием, не превышал 500 руб. в месяц [9, с. 541–553].

С середины 1960-х гг. на фоне принятия пенсионного законодательства колхозникам усиливается внимание государства к детям из сельской местности. Важной мерой стало принятие 9 июля 1965 г. Постановления Президиум Верховного Совета «О бесплатном проезде школьников, проживающих в сельской местности». С 1 сентября 1965 г. в республике повсеместно вводился регулярный бесплатный проезд в школу и обратно к месту жительства для учащихся начальных, восьмилетних и средних общеобразовательных школ, проживающих в сельской местности [10, с. 508]. Для этого исполкомы совместно с соответствующими транспортными и другими предприятиями и организациями ежегодно до 15 августа должны были определять пункты сбора и виды транспорта для подвоза учащихся на период учебного года, используя маршрутные автобусы, транспорт сельскохозяйственных организаций, предприятий и пригородные поезда. Бесплатный проезд осуществляется по специальным проездным, выданным органами Минавтотранса и Минпутей БССР на основании списков и справок школ [11, с. 528].

В рамках расширения оказания социальной поддержки колхозников с 1 января 1966 г. Министерство социального обеспечения БССР получило разрешение производить выплату государственных пособий многодетным и одиноким матерям, проживающим в сельской местности, через предприятия Министерства связи БССР. Этот шаг позволил более оперативно и адресно предоставлять материальную поддержку, особенно в отдалённых районах республики [12, с. 525].

С целью усилению контроля за соблюдением законности в отношении вопросов охраны материнства и детства было принято решение о создании 25 июня 1976 г. комиссии из 17 человек по вопросам охраны материнства и детства Верховного Совета Белорусской ССР во главе с депутатом А.Л. Грибом [13, с. 624–625].

В начале 1980-х гг. государственные органы вновь обратились к проблеме поддержки детей из малообеспеченных семей, получавших пенсию по случаю потери кормильца. Были пересмотрены нормы предоставления одежды и обуви учащимся из таких семей в средних профтехучилищах, воспитанникам детских домов, детям-сирота и детям инвалидов Великой Отечественной войны I и II групп. [14, с. 249].

Постановление, принятое 21 июля 1989 г. ЦК КП(б)Б и Советом Министров БССР, было направлено на усиление ответственности руководящих структур на местах и представляло собой важный шаг в развитии социальной поддержки многодетных семей. В частности, документ предусматривал комплекс мер по расширению помощи включавший возмещение затрат на коммунальные услуги и приобретение школьных принадлежностей; организацию питания детей в общеобразовательных, специализированных школах и других учебных заведениях, введение дополнительных социальных льгот и преимуществ. Для родителей, попечителей детей-инвалидов и несовершеннолетних по их желанию было предоставлено право пользоваться совместными отпусками. Прорабатывался вопрос о предоставлении права женщинам на оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста двух лет и дополнительный отпуск без сохранения заработной платы до достижения им возраста трех лет.

К 1 сентября 1990 г. планировалось завершить реорганизацию системы детских интернатов и перевод всех детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в специализированные учреждения. Министерствами образования и финансов БССР совместно с Белорусским республиканским отделением Советского детского фонда имени В.И. Ленина и местными органами власти прорабатывалась возможность расширения для них материальной поддержки и льгот. В контексте реализуемых мер, семьям, где было 5 и более детей, воспитывались сироты или дети-инвалиды, через исполкомы и предприятия было предоставлено право первоочередного поступления в дошкольные учреждения, льготное приобретение детских и бытовых товаров. Планировалось создание специализированных комиссионных детских магазинов, отделов, проведение сезонных ярмарок, на которых реализовывались подержанные детские товары. Кроме того, было принято решение о продаже продовольственных товаров через магазины, отделы заказов и кулинарии на предприятиях общественного питания. Предусматривалась возможность предоставления товаров в кредит без первоначальной оплаты при стоимости до 1000 руб. Предприятия бытовых услуг обязаны были обеспечивать им приоритетное обслуживание.

В документе подчёркивалась важность поддержки детей, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС, посредством внедрения с 1989 г. специальной денежно-вещевой лотереи. Полученные от неё средства было решено направлять на укрепление здоровья детей, проживающих в зонах постоянного и периодического контроля Гомельской и Могилевской областей. Помимо предоставления выплат и льгот, в документе уделялось внимание агитационно-пропагандистской работе: подчёркивалась необходимость широкого освещения через СМИ актуальных проблем детства, новых методов и форм воспитания детей в многодетных семьях, домах семейного типа, детских домах и интернатах. [15, с. 336–337].

Последними документами советского периода, направленными на поддержку материнства и детства, стали постановления Верховного Совета БССР от 5 февраля 1991 г. «О дополнительных мерах по улучшению охраны материнства и детства в Белорусской ССР» и принятое на его основе 26 июня 1991 г. постановление «О дополнительных мерах по улучшению охраны материнства и детства в Белорусской ССР», согласно которому устанавливалось единовременное пособие матерям, ставшим на учет в женской консультации до 12-недельного срока беременности, регулярно посещавшим её и выполнявшим предписания врачей в течение всего срока беременности, в размере 50% единовременного пособия, выдаваемого при рождении ребенка. Выплата указанного пособия должно была осуществляться за счет средств Фонда социального страхования БССР [16, с. 110].

Заключение. Таким образом государственная поддержка материнства и детства в БССР являлась важнейшим элементом социальной политики, которая эволюционировала в соответствии с экономическими возможностями и актуальными социальными потребностями республики и СССР. В послевоенные годы её содержание во многом было ориентировано на решение наиболее острых проблем того времени: борьба с беспризорностью и обеспечение базовых потребностей населения. Однако уже со второй половины 1950-х гг. спектр мер социальной поддержки значительно расширился. К началу 1960-х гг. он включал такие направления, как стимулирование рождаемости, поддержку матерей, предоставление льгот и др. Указанные тенденции сохранялись до конца существования Советского Союза. Распад СССР остановил дальнейшее развитие системы социальной поддержки, что оказало значительное влияние на социальную политику в постсоветском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1251.
2. Мох Е.Н. Детские дома в системе государственных учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей в БССР: типы, функции, роль в социализации воспитанников (1944–1956 гг.) // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2024. – № 3(71). – С. 88–93. DOI: https://doi.org/10.52928/2070-1608-2024-71-3-88-93.
3. Совет Министров Белорусской ССР. Собр. постан. и расп. – 9 сент. 1956 г. – № 9. – С. 769-772.
4. Совет Министров Белорусской ССР. Собр. постан. и расп. – фев. 1957 г. – № 2. – С. 84–86.
5. Положение об учреждениях соцобеспечения БССР. – Минск: [б. г.], 1979. – 34 с.
6. Совет Министров Белорусской ССР. Собр. постан. и расп. – 25 мая 1988 г. – № 15. – С. 269–275.
7. Государственная помощь многодетным и одиноким матерям. – М.: [б. г.], 1950. – 37 с.
8. Совет Министров Белорусской ССР. Собр. постан. и расп. – март 1956 г. – № 3. – С. 42.
9. Собр. законов, указов президиума Верховного Совета БССР, постановлений и распоряжений Совета Министров БССР : июль 1956 г. – № 7. – С. 541–553.
10. Совет Министров Белорусской ССР. Собр. постан. и расп. – 13 авг. 1965 г. – № 26. – С. 508.

11. Совет Министров Белорусской ССР. Собр. постан. и расп. – 23 авг. 1965 г. – № 27(1107). – С. 528.
12. Совет Министров Белорусской ССР. Собр. постан. и расп. – 1965 г. – № 27(1107). – С. 525.
13. Совет Министров Белорусской ССР. Собр. постан. и расп. – 25 июня 1976 г. – № 18(1500). – С. 624–625.
14. Совет Министров Белорусской ССР. Собр. постан. и расп. – 5 мая 1988 г. – № 13(1927). – С. 249.
15. Совет Министров Белорусской ССР. Собр. постан. и расп. – 15 авг. 1989 г. – № 23(1973). – С. 336–337.
16. Совет Министров Белорусской ССР. Собр. постан. и расп. – 28 июня 1991 г. – № 18. – С. 110.

Поступила 06.10.2025

HISTORICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF SOCIAL PROTECTION OF MOTHERNITY AND CHILDHOOD IN THE BSSR (1943–1991)

I. MARTSYNKEVICH
(Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University)

This article analyzes the formation and development of the legal framework for the post-war system of social protection for mothers and children in the Byelorussian SSR from 1943 to 1991. Based on the documents, the author concludes that this process did not occur overnight but was characterized by distinct stages, demonstrating the complex evolution of legal institutions and their adaptation to the changing socio-political conditions of various historical periods. At the same time, during this period, key regulatory documents were developed and implemented that enshrined the rights and guarantees of mothers and children.

Keywords: *social protection, protection of motherhood and childhood, mothers of many children, single mothers, orphans, homelessness, orphanages, disabled children, boarding schools, benefits.*

УДК 274(476)(091) **DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-52-57**

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ЕВАНГЕЛЬСКО-БАПТИСТСКОГО БРАТСТВА В БЕЛАРУСИ (СЕРЕДИНА 1960-х – 1991 гг.)

канд. ист. наук, доц. Т.В. ЛИСОВСКАЯ
(Белорусский государственный университет, Минск)

В статье рассмотрены вопросы трансформации организационной структуры позднего протестантизма в Беларуси в середине 1960-х – 1991 г. с точки зрения изменения принципов внутренней организации и в рамках процесса дефрагментации движения. Автором выделены изменения в организационной структуре ВСЕХБ с середины 1960-х гг.: демократизация структуры ВСЕХБ, расширение функционала республиканских органов управления, возобновление в ограниченном объеме коллегиальной формы управления через областные и республиканские совещания пресвитеров. Общественно-политические преобразования конца 1980-х гг. и стремление к восстановлению независимых белорусских организаций привели к изменению централизованной системы организации евангельско-баптистского движения в 1989 – 1991 гг. – к выходу белорусских общин из ВСЕХБ и формированию белорусских организаций (баптистской – Союз ЕХБ в Беларуси; пятидесятнической – Союз ХВЕ Беларуси), действующих на принципах демократизма, конгрегационализма, независимости, равенства и самостоятельности поместных общин.

Ключевые слова: *поздний протестантизм, евангелизм, евангельские христиане-баптисты, пятидесятники, Беларусь.*

Введение. Евангельско-баптистское движение в Беларуси на протяжении своей истории с 1870-х гг. было представлено вероучительно едиными, но организационно независимыми течениями штундистов и баптистов (с 1870-х гг.), евангельских христиан (с 1905 г.), Церкви Христовой (с 1927 г. в Западной Беларуси). В рамках централизации и унификации позднепротестантского движения СССР к созданному в 1944 г. Всесоюзному совету евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) в 1945 г. присоединились христиане веры евангельской, в 1947 г. – евангельские христиане в духе апостольском, евангельские христиане-дарбисты, около семидесяти церквей Объединения церквей Христовых Западной Беларуси и Украины, в 1965/7 г. – меннониты. В поле зрения белорусских, российских и украинских исследователей в основном находятся вопросы формирования ВСЕХБ как централизованной организации и её отношений с государством [1–9], формирование религиозного подполья на основе незарегистрированных общин ХВЕ и под руководством Совета церквей евангельских христиан-баптистов (СЦЕХБ), взаимодействие ВСЕХБ и СЦЕХБ [4, 9–11]. В то же время вопросы трансформации принципов организационного устройства ВСЕХБ и их изменение, что привело к формированию независимых белорусских организаций, затронуты лишь косвенно в работах Н.Г. Болтрушевич [12]. Наиболее полно данный вопрос освещен в статье П. Асаненко, где расширение полномочий областных и республиканских совещаний пресвитеров отмечен в качестве основного механизма отхода от централизованной системы ВСЕХБ с 1970-х гг. [13].

Создание и трансформация организационной структуры позднепротестантского движения в целом и евангельско-баптистского движения в Беларуси в частности – один из важных вопросов в понимании формирования религиозной структуры Беларуси, изучение которого позволяет оценить процесс формирования непосредственно белорусского евангельско-баптистского. Выявление тенденций изменения принципов построения и процесса трансформации организационной структуры имеет важное значение для оценки направления развития белорусского движения евангельских христиан и баптистов. В связи с этим, целью статьи является выявление сущности и направления трансформационных процессов организационной структуры белорусского движения евангельских христиан и баптистов с середины 1960-х – в 1991 г.

Трансформация структуры евангельско-баптистского движения в середине 1960 – 1980-х гг. Создаваемая с 1944 г. организационная система позднепротестантского движения была построена на принципах, котрые отличались от утвержденных в вероучении евангельских христиан и баптистов в 1906 г., евангельских христиан в 1910 г., христиан веры евангельской в 1927 г, в уставных документах союзов в 1920-х гг. принципов демократизма, автономности, совещательного характера съездов, отсутствия централизованной иерархии, коллегиальности управления, выборности пресвитеров поместных церквей и их автономности**.** На основе Устава 1944 г. и Положения о ВСЕХБ союз создавался как централизованная организация с вертикальной структурой управления при отказе от региональных отделов в союзных республиках[1]. Система управления союза предусматривала наличие пресвитеров общин и региональных (по республикам) уполномоченных (старших пресвитеров), а также старших пресвитеров по областям, выполняющих контрольные и надзорные функции. Созданная система, при лишении общего собрания общины права принятия решений, касающихся внутренней жизнедеятельности, утверждении избранного собранием пресвитера союзной структурой, отсутствии республиканских структур, возможности проведения совещаний пресвитеров в областях и на республиканском уровне, устанавливала жесткую иерархичную управленческую вертикаль [6, с. 357–364].

[1] Положение о Союзе ВСЕХБ / Архив Российского союза ЕХБ.

Выстраивание организационной структуры позднего протестантизма в СССР с 1944 г. под контролем государственных властей с несоблюдением основополагающих организационных принципов к началу 1960-х гг. вызвало кризисные явления в позднепротестантском движении. Проявлениями кризиса стали: формирование широкого религиозного подполья, представленного нелегальными общинами евангельских христиан и баптистов, христиан веры евангельской и христиан в духе апостольском, сторонников Совета церквей; невыполнение общинами нормативных документов ВСЕХБ («Инструктивное письмо старшим пресвитерам» и «Положение о Союзе евангельских христиан-баптистов в СССР»[2]); нарушение советского законодательства о культах. Наличие в БССР на 1 января 1965 г. 63 нелегальных групп (42,9% от числа зарегистрированных общин) свидетельствовало о глубоком кризисе организационной структуры, действующей на принципах, диктуемых государством, а не вероучением[3]. В 1969 г. при наличии 152 зарегистрированных групп в религиозное подполье в БССР входило 150 незарегистрированных групп: в том числе 26 групп Совета церквей, 79 групп пятидесятников и незрегистиованные общины баптистов [14, с. 85].

Отсутствие значимых успехов в борьбе с нелегальной религиозной деятельностью административными методами, существование развитой сети религиозного подполья, активная деятельность их организационных центров привели в середине 1960-х гг. к пониманию необходимости изменения методов воздействия и изменение государственного подхода к организационной структуре позднего протестантизма. С конца 1960-х гг. государство фактически легализовало сложившуюся ситуацию наличия формализированной организационной структуры (ВСЕХБ) и неформализированной (Совета церквей) в евангельско-баптистском движении, а также деятельность незарегистрированных пятидсятнических общин. Так, с конца 1960-х гг. государственные власти пошли на уступки пятидесятникам и разрешили автономную регистрацию без вхождения во ВСЕХБ, но и без образования центральной организационной структуры.

Первым шагом в изменении централизованной системы (хотя и на первых порах формальным) стал проведенный для преодоления раскола в евангельско-баптистском движении всесоюзный съезд в 1963 г., который положил начало возобновлению работы съездов как основных органов управления движением. С 1966 г. проведение съездов стало регулярным. На них принимались как уставные документы, так и решались вопросы организации текущей деятельности: внесение поправок в Устав (1966 г., 1974 г.), изменение системы поставления старших пресвитеров (1966 г.), расширение сети заочных Библейских курсов в республиках (1985 г.), открытие богословских семинарий и др.

На фоне требований Совета церквей о большей автономности внутренней жизни общин государственные власти постепенно расширяли полномочия республиканских структур, хотя на первом этапе формально. С 1963 г. накануне Съездов ВСЕХБ начинают проводиться совещания старших пресвитеров [4, с. 239–240], предназначенные для выборов делегатов на съезд и обсуждения вопросов предстоящего Съезда. Первое совещание пресвитеров было проведено в 1963 г. накануне 38 Съезда ВСЕХБ, от БССР было избрано 14 делегатов[4]. Первоначально совещания проводились номинально для выборов, однако обсуждение вопросов предстоящего съезда давало возможность выработки определенной позиции делегатов по поставленным вопросам, расширяло коммуникации на республиканском уровне. В связи с началом массовой регистрации христиан веры евангельской в 1980-х гг. стала складываться руководящая система общин христиан веры евангельской (независимая от ВСЕХБ) посредством выборов старших пресвитеров по областям[5].

Постепенно проявляется тенденция к демократизации системы управления ВСЕХБ и расширению полномочий республиканских структур ВСЕХБ. К 1980 г. при старшем пресвитере по БССР и областям были сформированы пресвитерские советы и один-два раза в год проводились совещания, где выбирали старших пресвитеров, пресвитерский совет, обсуждали вопросы внутренней жизни и взаимоотношений внутри общин[6]. В конце 1980-х гг. совещания стали проводится несколько раз в год[7]. Областные совещания проходили под контролем государственных органов, которые стремились предупредить возможность консолидации и превращения их в действенные органы решения внутренних вопросов. В связи с этим регулировалось представительство делегатов на областных и республиканских совещаниях. Квота делегатов на областные совещания от зарегистрированных общин в 1985 г. составляла: в Брестской области – 113 человек, Витебской – 8, Гомельской – 25, Гродненской – 22, Минской – 55, Могилевской – 21. Представительство от областей составляло: от Брестской области на республиканское совещание – 30 делегатов, на съезд ВСЕХБ – 13, от Витебской области – 3 и 1 соответственно, от Гомельской – 7 и 3, от Гродненской – 7 и 2, от Минской – 30 и 10, от Могилевской – 7 и 3[8]. По согласованию с областными уполномоченными Совета по делам религий, на совещания могли быть допущены представители автономно зарегистрированных общин (общины евангельских христиан в духе апостольском д. Большие Степанишки Мостовского района) и сторонников Совета церквей (д. Бородичи Зельвянского района), в качестве гостей –

[2] Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 952. Оп. 3. Д. 21. – Л. 30–48.
[3] НАРБ. – Ф. 952. Оп. 4. Д. 45. – Л. 210–212.
[4] Братский вестник. – 1963. – № 6. – С. 29–30.
[5] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 79. – Л. 80.
[6] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 85. – Л. 3; Д. 78. – Л. 19.
[7] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 96. – Л. 6, 16; Д. 78. – Л. 11, 18, 65; Государственный архив Могилевской области. – Ф. 2340. Оп. 1. Д. 94. – Л. 67; Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 55. – Л. 282–285, 428–430.
[8] Государственный архив Брестской области. – Ф. 210. Оп. 1. Д. 319. – Л. 26.

представители незарегистрированных общин Совета церквей[9]. В состав областных советов паритетно избирались представители баптистов и пятидесятников. Так, в 1985 г. на республиканское совещание от Брестской области были избраны 15 представителей ЕХБ и 15 ХВЕ, в состав республиканского пресвитерского совета были избраны 4 представителя от христиан веры евангельской из 11 членов.

С течением времени вопросы, поднимаемые на областных совещаниях, стали глубже и касались, в том числе, вопросов урегулирования взаимоотношений с государством. Так, 16 февраля 1985 г. в Бресте на областном совещании в качестве «наказов» съезду ВСЕХБ были сделаны следующие: урегулировать с Советом по делам религиой требование властей предоставлять списки состава общин со статистическими данными и списки проповедников; упростить отчетность; окончательно решить вопрос о допущении к участию в богослужениях проповедников из других областей и регионов; добиться проведения членских собраний без особого разрешения властей; окончательно решить вопрос присутствия детей на богослужениях[10].

Таким образом, к концу 1980-х гг. пресвитерские советы областного и республиканского уровней трансформировались в органы управления на местах: в их компетенцию переходили вопросы организации жизнедеятельности общин, стратегия и реализация миссионерской и благотворительной работы на местах, работа с молодежью.

Процессы децентрализации в евангельско-баптистском движении и формирование независимых белорусских организаций. В результате изменений в государственной политике, активизации религиозной деятельности, расширения международных связей происходит постепенная трансформация организационной структуры позднепротестантских движений: проходят процессы демократизации в структуре Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов, расширения функционала республиканских органов управления, появляется возможность легального существования вне союза, что создало предпосылки для диверсифицированной организационной системы позднего протестантизма.

К 1989 г. в рамках общественно-политических процессов в СССР и стремления к расширению полномочий республиканских органов управления проявились тенденции к изменению организационной структуры ВСЕХБ. На расширенном Пленуме 23–24 мая 1989 г. Генеральный секретарь В.Е. Логвиненко отметил, что в республиках наблюдается большое движение к самостоятельности и предложил два варианта реорганизации: повышение авторитета республиканских центров, возложение на них ответственности за организацию новых церквей, подготовку служителей путем открытия заочных библейских и регентских курсов, издательство на уровне республики, устройство евангелизационных собраний, международные, межцерковные связи. Предлагалось именовать республиканские объединения Союзами церквей евангельскиххристиан-баптистов, а центр в Москве – Всесоюзным советом союза церквей, который должен остаться духовным центром движения. В компетенции Всесоюзного совета остается организационно-вспомогательная работа: издание и ввоз из-за-рубежа духовной литературы, подготовка служителей в стационарных семинариях, централизированное распределение кадров и средств на внутреннюю миссию. Второй вариант – утверждение первого варианта, но с сохранением сложившейся иерархической духовной лестницы: в церкви избирается пресвитер, в области – старший пресвитер, в республике – старший пресвитер по республике, а в союзе – председатели или старший пресвитер, его заместитель, генеральный секретарь и др.[11]

Основные принципы реорганизации ВСЕХБ были утверждены 21–24 февраля 1990 г. Новый Устав предоставлял самостоятельность общинам в решении внутрицерковных вопросов, избрании пресвитеров и диаконов, приеме и отлучении членов – община становилась независимой и автономной единицей. Попечение о поместных церквах возлагалось на республиканские, межреспубликанские, областные и межобластные пресвитерские советы. Республиканские и областные объединения и их органы управления сосредотачиваются на решении стратегических вопросов жизнедеятельности: разработке и реализации программ миссионерской работы, духовно-нравственного просвещения, определяют направления деятельности объединения, содействуют работе общин посредством организации религиозного обучения, издательской работы, внешних связей и др.[12]. Президиум ВСЕХБ сосредоточивается на решении вопросов миссионерской работы, религиозного образования, издательской, международной деятельности и коммуникации с государственными властями на общесоюзном уровне[13]. Принятый подход перераспределял зоны ответственности между центральным и республиканскими органами – все вопросы внутренней жизни евангельско-баптистского движения передавались избираемым управленческим органам (республиканским, областным и межобластным пресвитерским советам). Обновленный и переименованный Союз евангельских христиан-баптистов становился совещательным и координирующим органом[14].

Наряду с трансформациями в центральной всесоюзной организации, в БССР проходили процессы создания независимой республиканской структуры. Весной 1990 г. в Минске прошел первый (учредительный) съезд Союза евангельских христиан и баптистов, на котором был принят Устав и избран председатель (И.В. Букатый).

[9] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 84. – Л. 52–53, 60, 80, 95.
[10] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 84. – Л. 69–71, 81–82.
[11] Братский вестник. – 1989. – № 4. – С. 58–64.
[12] Братский вестник. – 1990. – № 3. – С. 49.
[13] Отчетный доклад Президиума Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов сорок четвертому всесоюзному съезду БХБ»: «Предлагаем вам краткий отчет служения нашего братства в период с 1985 по 1990 год» / Братский вестник. – 1990. – № 2. – С. 47—59, 82.
[14] Братский вестник. – 1990. – № 3. – С. 82.

В системе управления был заложен принцип ротации руководства – председатель может избираться не более чем на два срока (8 лет) [8, с. 338]. Устав Союза ЕХБ был подан на утверждение в Совет по делам религий при Совете министров БССР в 1991 г., после незначительного его согласования с Законом СССР «О свободе совести и религиозных организациях» был зарегистрирован в октябре 1991 г. На 1991 г. Союз евангельских христиан и баптистов Беларуси объединял 109 общин численностью 8285 верующих [75, с. 354][15].

С начала 1980-х гг. на фоне трансформационных процессов в ВСЕХБ в общинах ХВЕ, как входящих в ВСЕХБ, так и в автономных и нелегальных, началось обсуждение создания независимой организационной структуры – епископата. С целью взятия под контроль организационнных процессов и предотвращения инициатив создания нелегальных организационных структур в 1983 г. аппаратом уполномоченного Совета по делам религий по БССР было инициировано проведение республиканского совещания пресвитеров пятидесятнических общин. Однако стремление к формированию независимой организационной структуры изнутри пятидесятнического движения нарастало. С начала 1980-х гг. стали проводится нелегальные совещания пресвитеров общин христиан веры еванлеьской по вопросу создания руководящего центра в БССР: в Пинске в 1982 г. на квартире Г.Е. Ключица прошло совещание пресвитеров Брестской и других областей. Инициаторами процесса стали диаконы общины г. Минска В.И. Панько и А.А. Маньковский. В 1984 г. они провели два нелегальных совещания пресвитеров автономных общин пятидесятников с целью создания в республике епископата[16]. Данную идею не позволили реализовать и внутренние расхождения. В апреле 1985 г. в Киверцах Волынской области УССР было проведено совещание руководителей пятидесятнических общин СССР, на котором было составлено письмо в правительственные инстанции с предложением о переговорах с представителями правительства по вопросу урегулирования положения ХВЕ. Письмо подписали в том числе 5 руководителей белрусских общин: С.П. Цвор, П.П Новик (Брест), И.Т. Остапович (Пинск), Н.В. Севастьянчик (Ивацевичи), В.И. Панько (Минск)[17].

Для предотвращения центробежных стремлений незарегистрированных общин пятидесятников в структуре ВСЕХБ 12 октября 1985 г. пресвитерский совет евангельских христиан и баптистов организовал в Минске встречу с представителями зарегистрированных и незарегистрированных общин ХВЕ по вопросу единства в свете Августовского соглашения. Большая часть приглашенных пресвитеров зарегистрированных автономных общин христан веры евангельской проигнорировали встречу – из 23 приглашенных приехали только 6. Присутствующий на встрече председатель исполнительного органа общины в г. Молодечно М.П. Новик высказался об устаревании Августовского соглашени и необходимости его изменения[18]. Аналогичная встреча по вопросу единства была проведена 23 сентября 1987 г.[19].

Дискуссии о создании независимого Союза христиан веры евангельской в СССР продолжились в Киеве 30 июля 1988 г., где был организован комитет по созданию независимого объединения. В оргкомит от белорусских общин вошел В.И. Панько, с января 1989 г. – Ф. Марчук и С. Цвор. Стремясь заручиться поддержкой государства и действовать в правовых рамках, Оргкомитет направил ходатайство на имя председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР К. Харчева о разрешении на проведение учредительного съезда и создании Союза христан веры евангельской [15, с. 326–327]. Инициатива по образованию пятидесятнической организации союзного масштаба не была поддержана, однако к 1989 г. в условиях необходимости координации устремлений пятидесятников по созданию собственной организационной структуры Совет по делам религий согласился на создание независимых республиканских пятидесятнических организаций[20].

Формированию независимого союза христиан веры евангельской предшествовало решение вопроса их мирного выхода из состава ВСЕХБ. В мае 1989 г. на Пленуме ВСЕХБ члены Президиума и члены от христиан веры евангельской подали заявление о выходе из Союза с сохранением в дальнейшем братских отношений. Решение о выходе пятидесятников Президиум принял «с пожеланием трудиться на ниве Божией»[21]. Белорусские пятидесятнические общины также подключились к процессу выхода[22]. За 1989 г. из 85 общин ХВЕ, состоящих во ВСЕХБ, 38 вышли из Союза. На начало 1990 г. во ВСЕХБ осталось 47 белорусских общин. Часть из вышедших общин в сентябре 1989 г. подали заявление на перерегистрацию как автономных объединений ХВЕ[23]. По республике был проведен ряд межобластных совещаний-конференций общин для обсуждения вопроса единства и оформления организационной структуры. Так, 9 сентября 1989 г. в Гомеле прошло межобластное совещание-конференция общин Гомельской и Могилевской области. Кроме делегатов от общин областей, по поручению Всесоюзного координационного центра ХВЕ в нем приняли участие В.П. Шевердак, Н.Я. Дурило, В.А. Жук, Ф.К. Марчук, П.П. Новик, С.С. Хомич. Основным вопросом был вопрос объединения общин ХВЕ в единый республиканский союз, который делегаты одобрили. На совещании также был создан межобластной пресвитерский совет под председательством старшего

[15] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 111. – Л. 52, 136.
[16] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 79. – Л. 77, 80; Д. 78. – Л. 44.
[17] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 85. – Л. 127–128.
[18] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 85. – Л. 50–51, 141–143.
[19] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 91. – Л. 46.
[20] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 97. – Л. 13.
[21] Братский вестник. – 1989. – № 4. – С. 65–67.
[22] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 108. – Л. 104.
[23] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 100. – Л. 43, 50.

пресвитера по Могилевской и Гомельской областям Ф.Я. Цубера[24]. Большинство участников областных и межобластных совещаний пресвитеров высказались за объединение – 113 общин ХВЕ, в том числе 9 незарегистрированных: в Брестской области – 62, в Гродненской – 8, в Витебской – 3, в Гомельской – 6, в Могилевской – 6. В общинах, изъявивших желание об объединении, насчитывалось 10 785 верующих: в Брестской области – 6386, в Гомельской – 455, в Гродненской – 375, в Минской – 3227, в Могилевской – 176, в Витебской – 166. К октябрю 1989 г. были образованы областные (Брестская и Гродненская) и межобластные (Минско-Витебская и Гомельско-Могилевская) организации христман веры евангельской[25].

18 ноября 1989 г. в Минске состоялась конференция (совещание) общин хритиан веры евангельской, которая должна была оформить процесс создания организационной структуры. В работе конференции приняли участие представители 118 зарегистрированных и незарегистрированных общин из 144[26]. Было принято решение о проведении учредительного съезда для создания Объединенного союза христиан веры евангельской – пятидесятников (ОСХВЕП)[27]. Первый съезд Союза Беларуси прошел 8 февраля 1991 г. в Минске. Епископом был избран Ф.К. Марчук. В связи с избранием в марте 1991 г. на I Всесоюзном съезде ХВЕ СССР Н.Я. Дурило (Куркаева) первым заместителем председателя Союза и его переездом в Москву в Минске 12 апреля 1991 г. прошел II (внеочередной) съезд для переизбрания руководства, где избрали руководство Союза христиан веры евангельской в: председатель – Ф.К. Марчук, заместители председателя – С.С. Хомич, С.П. Цвор, Н.Л. Песецкий. На 1991 г. Союз Беларуси объединял 119 общин (13 496 верующих)[28].

Следует отметить, что оформление организационных структур позднепротестантского движения и их правовая легализация были разнесены по времени из-за передачи вопросов легализации в органы юстиции. Постановлением Верховного Совета СССР от 1 октября 1990 г. регистрация уставов всех вновь регистрируемых религиозных обществ должна была начаться с 1 июля 1991 г.[29], однако это произошло только в конце 1991 г. на основании Постановления Совета Министров от 4 октября 1991 г. «Об установлении временного порядка регистрации уставов (положений) религиозных организаций». Согласно Постановлению, облисполкомам и Минскому горисполкому было поручено регистрировать уставы религиозных обществ, а Совет по делам религиой при Совете министров – уставы религиозных центров и организаций, имеющих общеконфессиональное значение[30]. До конца 1991 г. были зарегистрированы в Комитете по делам религий и национальностей: в октябре 1991 г. – Союз евангельских христиан и баптистов, 3 декабря 1991 г. – Союз христиан веры евангельской Беларуси [16, с. 328, 334].

Заключение В связи с переходом советской религиозной политики от концепта уничтожения религии к «контролируемой религиозности», с 1944 г. процесс организационного оформления позднепротестантского движения был взят под контроль Совета по делам религиозных культов. В условиях безальтернативности, на протяжении 1944–1945 гг. были ликвидированы самостоятельные организационные структуры движений и создан Всесоюзный совет евангельских христиан и баптистов, объединивший баптистов, евангельских христиан, христиан веры евангельской, евангельских христиан в духе апостолов, меннонитов и евангельских христиан-дарбистов. ВСЕХБ к началу 1960-х гг. стал централизованной организацией с вертикальной системой подчинения, что позволяло властям контролировать деятельность и диктовать государственную волю. Нарушение традиционных принципов организационного устройства евангельско-баптистского движения – автономность и независимость поместных общин, коллегиальность управления как на уровне поместных общин, так и конгрегационизм на уровне центральных органов управления, федеративная система и наличие региональных органов управления, а также унификация диверсифицированного позднепротестантского движения в единый союз с доминированием евангельско-баптистского вероучительного и организационного компонента. Изменения в религиозной политике с 1965 г. затронули и организационную структуру евангельско-баптистского движения. Со второй половины 1960-х гг. сначала формально, а с 1980-х гг. действенно восстанавливается роль съездов ВСЕХБ как руководящих органов союза, происходит усиление роли и расширение полномочий областных и республиканских совещаний пресвитеров, которые с конца 1980-х гг. становятся руководящими и координирующими органами на местах, восстанавливая разветвленную систему с внутриобщинной и внеобщинной деятельностью.

Таким образом, либерализация религиозной политики и трансформация политической системы в СССР позволили евангельско-баптистскому движению БССР в 1980-х гг. начать процесс трансформации системы организационного устройства, создавая независимые белорусские республиканские организации на принципах, задекларированных в основах вероучения: федерализм, демократизм, конгрегационализм, независимость, равенство и самостоятельность поместных общин, а также выйти за рамки унифицированного объединения, восстановив диверсифицированную структуру позднего протестантизма, но сохранив традиции активного сотрудничества.

[24] Государственный архив общественных организаций Гомельской области. – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 193. – Л. 1.
[25] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 102. – Л. 56–57.
[26] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 98, 99; Д. 100. – Л. 3.
[27] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 3. Д. 331. – Л. 102.
[28] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 111. – Л. 53.
[29] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 111. – Л. 157.
[30] НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 112. – Л. 15.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белякова Н.А. Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов – продукт и заложник сталинской религиозной политики // Конфессиональная политика Советского государства в 1920-1950-е годы; материалы XI междунар. конф., В. Новгород, 11–13 окт. 2018 г. – С. 418–429.
2. Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2009. – 370 с.
3. Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. – М.: Луч, 1994. – 171 с.
4. История евангельских христиан-баптистов в СССР. – М.: Изд-во ВСЕХБ, 1989. – 623 с.
5. Заватский В. Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. – М.: ИЦ Гарант, 1995. – 559 с.
6. Лисовская Т.В. Послевоенные трансформации политики БССР в отношении евангельских движений (1944–1964 гг.) // Советский опыт. – М.-Минск: Фонд «Историческая память», 2023. – С. 355–366.
7. Грушова Т.В. Радянська держава та секта п’ятидесятників в Україні (поча- ток 1920-х – 1991 рр.): дис. ... канд. іст. наук. – Запоріжжя, 2000. – 219 л.
8. Вільховий Ю.В. Політика радянської держави щодо протестантських церков в Україні (середина 40–70-х рр. XX ст.): дис. ... канд. іст. наук. – Полтава, 2002. – 298 л.
9. Дьяченко О.В. Пятидесятничество в Беларуси. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 188 с.
10. Бєлікова Н.Ю. Релігійні конфесії України наприкінці 80 – у 90-ті рр. XX ст.: автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Донецьк, 2001. – 20 с.
11. Синичкин А.В. Диалог между СЦЕХБ и ВСЕХБ 1961–1972 гг. // Путь богопознания. – 2005. – Вып. 11. – С. 127.
12. Балтрушэвіч Н.Г. Пратэстанцкія арганізацыі БССР у 1944-1985 гг.: структура, формы дзейнасці, узаемаадносіны з дзяржавай: дыс. … канд. гіст. навук. – Мінск, 2010. – 149 л.
13. Асаненко П. Структура і кіраванне беларускімі цэрквамі ЕХБ у 1944-1991 г. // Евангельская Царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць: зб. матэрыялаў / уклад. А.І. Бокун, А.У. Унучак, Ю.А. Бачышча. – Мінск: Саюз ЕХБ у Рэспубліцы Беларусь, 2024. – С. 333–340.
14. Лисовская Т.В. Поздний протестантизм в Беларуси (конец XIX в. – 1991 г.). – Минск: Изд. центр БГУ, 2025. – 399 с.
15. Евангельскія хрысціяне у Беларусі: пяць стагоддзяў гісторыі (1517-2017) / У.І. Навіцкі [і інш] ; навук. рэд. У.І. Навіцкі; Тэалагіч. ін-т хрысціян веры евангельскай. – Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2019. – 470 с.

Поступила 10.12.2025

TRANSFORMATION OF THE ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF THE EVANGELICAL BAPTIST BROTHERHOOD IN BELARUS (MID-1960s – 1991)

T. LISOUSKAYA
(Belarusian State University, Minsk)

The article examines the transformation of the organizational structure of evangelical churches in Belarus from the mid-1960s to 1991 from the perspective of changes in the principles of internal organization and within the process of movement defragmentation. The author highlights the changes in the organizational structure of the All-Union Council of Evangelical Christians Baptists since the mid-1960s: democratization of their structure, expansion of the functionality of the republican governing bodies, and a limited restoration of the collegial form of governance through regional and republican meetings of elders. The socio-political transformations of the late 1980s and the desire to restore independent Belarusian organizations led to a change in the centralized system of organization of the Evangelical Baptist movement in 1989 – 1991 – to the withdrawal of Belarusian congregations from the AUCECB and the formation of Belarusian organizations (Baptist – Union of Evangelical Christians-Baptists in Belarus; Pentecostal – Union of Christians of Evangelical Faith of Belarus), operating on the principles of democracy, congregationalism, independence, equality, and autonomy of local congregations.

Keywords: *Late Protestantism, evangelicalism, evangelical churches, Baptists, Pentecostals, Belarus.*

УДК 669(476)(092)Мацепуро:930.2 DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-58-63

МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНОГО ФОНДА М.Е. МАЦЕПУРО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАУКИ БССР

К.А. ФЁДОРОВА
(Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск)
ORCID: https://orcid.org/0009-0002-6869-2915

В статье представлены результаты источниковедческого анализа документов и материалов личного фонда академика АН БССР М.Е. Мацепуро (1908–1971). Автором проведена оценка информационного потенциала документов личного происхождения М.Е. Мацепуро, выявлены ключевые особенности материалов, определены наиболее информативные из них. На примере названного фонда определены перспективные направления дальнейших исследований фондов личного происхождения ученых БССР, включая анализ включенности деятелей науки в развитие научных институтов в республике, подготовку научных кадров, а также взаимодействия ученых и административных структур в Беларуси в советский период. Рассмотренный корпус документов имеет высокую информационную ценность как источник по истории сельскохозяйственной науки БССР в период послевоенного восстановления науки и экономики.

Ключевые слова: *фонды личного происхождения, исторический источник, история науки, АН БССР, сельское хозяйство, ученые БССР, М.Е. Мацепуро.*

Введение. Вопросы формирования и сохранения исторической памяти белорусского народа, остро стоящие на повестке дня государства и общества, в значительной мере опираются на отображение научно-технического прогресса и поступательного развития Республики Беларусь. В этой связи отмечается рост интереса к историческим источникам коммеморального характера, отражающим деятельность отдельных представителей научно-технического сообщества XX в. В то же время, источниковедческие исследования подобного рода в белорусской историографии единичны по ряду причин, среди которых недоступность к выдаче в архивах до недавнего времени фондов личного происхождения деятелей отечественной науки, «распыленность» материалов личного происхождения в различных государствах и учреждениях и т.д.

Одним из комплексов документов, до настоящего времени не введенных в должной мере в научный оборот, является собрание исторических источников, отложившихся в научной и педагогической деятельности организатора науки Беларуси середины XX в., вице-президента АН БССР, доктора технических наук, академика Михаила Ефремовича Мацепуро (1908–1971). Личный фонд Михаила Ефремовича, хранящийся в Центральной научной библиотеке НАН Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси), на данный момент не используется в практиках по исследованию истории науки Беларуси по причине того, что доступ к названным документам стал открыт только в 2023 г. Таким образом, цель данной работы – раскрыть информационный потенциал документов личного происхождения академика АН БССР Михаила Ефремовича Мацепуро как исторического источника по истории науки.

В работе использованы традиционные специально-исторические методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, а также методы источниковедения, среди которых источниковедческий анализ и синтез, источниковедческая интерпретация.

Основная часть. В настоящий момент историография жизни и деятельности академика М.Е. Мацепуро имеет скромный объем. Работы представлены трудами В.Г. Самосюка, написавшего развернутую биографическую статью по случаю 105-летия Мацепуро [1], М.М. Севернева, раскрывающего научную, педагогическую и общественную деятельность Михаила Ефремовича [2]. В ряде исследований освещается научный вклад академика в сфере энергосбережения в сельском хозяйстве, например, в работе И.И. Пиуновского [3], а также деятельность по направлению развития средств механизации для производства картофеля, информация о которой отражена в текстах В.В. Голдыбана и К.Н. Мисникова [4]. Научные достижение ученого также отмечены в научно-популярных публикациях, например, в статье Н. Минаковой [5]. Указанные публикации обеспечивают возможность конструкции биографических данных в соответствии с официальными документами, но не отражают содержание личного фонда ученого, изучение которого позволит углубиться в историю науки БССР с точки зрения теории социального конструктивизма, а именно влияния личности человека на изменения в социальной среде.

История фонда. Личный фонд академика М.Е. Мацепуро за 1937–1972 гг. был передан в дар Фундаментальной библиотеке имени Якуба Коласа (в настоящее время ЦНБ НАН Беларуси) в 1974 г. супругой академика Маргаритой Александровной (1911–1986). Часть материалов была систематизирована по папкам с приложенными пояснительными записками, либо находилась в описях или картотеках. Научно-техническая обработка личного архива велась в два этапа. Первый этап проходил в 1974–1977 гг., в результате чего в 1978 г. была сформирована картотека фонда. Второй этап был проведен только в 2022–2023 гг. и представлял уточнение картотеки и формирование описи фонда №13, включающей 787 единиц хранения. Фактически, именно по окончании второго этапа фонд Михаила Ефремовича стал доступен для пользователей.

Служебная деятельность. Краткую биографию М.Е. Мацепуро можно изучить, воспользовавшись ресурсом «Имя в белорусской науке»[1] ЦНБ НАН Беларуси, а также указанные выше статьи. Несмотря на достаточно

[1] URL: https://csl.bas-net.by/personalii/maczepuro-mihail-efremovich/

подробное описание жизни и деятельности, вне исследовательского поля остался ряд исторических фактов, которые возможно восстановить с помощью материалов личного архива. К примеру, новыми являются сведения о том, что по окончании Ленинградского института механизации и электрификации сельского хозяйства в период с 1 августа 1932 г. по 25 апреля 1933 г. будущий академик работал в должности старшего научного сотрудника Всесоюзного научно-исследовательского института механизации и электрификации сельского хозяйства (ВИМЭ)[2].

С началом Великой Отечественной войны был эвакуирован в Казахстан[3], где заведовал лабораторией зерноуборки (с 1 сентября 1941 г. по 1 июля 1942 г.) и работал по совместительству старшим научным сотрудником Куйбышевского филиала ВИМЭ (с 1 июля 1942 г. по ноябрь 1943 г.)[4]. С 1943 г. М.Е. Мацепуро работал заместителем начальника Главного управления учебными и научно-исследовательскими учреждениями Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов СССР, а с 1945 г. – заведующий кафедрой механизации сельского хозяйства в Московском зоотехническом институте коневодства[5].

В 1947 г. по личному приглашению Президента АН БССР академика К.В. Горева М.Е. Мацепуро возвращается в г. Минск в качестве директора учреждаемого Института механизации сельского хозяйства АН БССР[6], в конце этого же года утверждается в должности академика-секретаря АН БССР по совместительству[7]. В качестве академика-секретаря Мацепуро проработал до 16 ноября 1950 г.[8] Документы личного фонда свидетельствуют, что благодаря его усилиям в трудные послевоенные годы Институт механизации превратился в один из крупнейших научных центров в стране. Под руководством Мацепуро наладилась связь между учеными и сельскохозяйственными работниками (непосредственными пользователями научных разработок), что позволило оперативно реагировать на нужды и потребности белорусского сельского хозяйства и вносить вклад в развитие реального сектора экономики БССР. Свидетельством тому служит ряд сохранившихся писем, связанных с трудовой деятельностью М.Е. Мацепуро. Так, агроном Д.М. Майоров, учитывая опыт Михаила Ефремовича и успехи во внедрении его разработок, в своем письме выражает просьбу «спроектировать винтовой отвал к плугу П-5-35, с широким захватом, который бы опрокидывал пласт с наименьшим его крошением…»[9]. В итоге, такой отвал был сконструирован и в течение нескольких лет внедрен в реальный сектор. Деятельность академика способствовала укреплению научного потенциала страны, стимулировала внедрение передовых технологий в сельском хозяйстве и обеспечила значительный вклад в развитие отечественной научной школы в области механизации и агроинженерии.

Ряд исторических источников, отложившихся в личном фонде Михаила Ефремовича, проливает свет на подготовку различных мероприятий. Подобные документы выполняют функции источников коммеморативной и исторической памяти. Они служат фундаментом для фиксации ключевых событий, решений, стратегических инициатив и культурных приоритетов, связанных с развитием организации на определённых этапах функционирования. Анализ таких источников позволяет выявить механизмы воспитания корпоративной идентичности, определить роль памяти в управлении организацией и понять динамику её развития, что играет важную роль в сохранении сведений об этапах развития организации, а также в формировании её идентичности и устойчивости в условиях перемен.

В 1957 г. состоялась крупная конференция, приуроченная к 10-летию Института, которая стала определенным маркером, отражавшим состояние белорусской сельскохозяйственной академической науки в годы послевоенного восстановления. Михаил Ефремович оценивал проделанную работу так: «Боеспособность коллектива, его организованность, дисциплинированность, знание дела должны выявиться в процессе показа машин. Такого показа Институт никогда не проводил, и осуществление его потребует исключительного умения…»[10].

В фонде академика присутствуют документы касательно 20-летнего юбилея Института механизации. Из них следует, что ведущиеся разработки предписывалось завершить в ускоренном режиме, довести их до практического внедрения в производство, усовершенствовать имеющиеся результаты к концу 1968 г.[11] Максимальный результат требовался во всех сферах работы учреждения, что, в свою очередь, отражалось в поставленных перед сотрудниками задачах: «Довести объём написанных и подготовленных к изданию теоретических, научных и научно-популярных трудов до 2000 печ. листов…»[12].

Об успешной деятельности академика на службе свидетельствуют отзывы высшего руководства страны. В частности, положительно о М.Е. Мацепуро отзывался Н.С. Хрущев. В материалах сотрудника Госплана СССР А.В. Бачурина, направленных Михаилу Ефремовичу, содержится следующая информация о визите Хрущева в пос. Калиновка: «…Никита Сергеевич сказал – хорошие схемы. Мацепуро умный, энергичный, он делает большое и важное дело. На его можно положиться…»[13].

---

[2] Центральная научная библиотека им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (далее – ЦНБ НАН Беларуси). – Ф. 13. Оп. 1. Д. 237. – Л.5.
[3] Там же. – Л. 1.
[4] Там же. – Л. 2.
[5] Там же. – Л. 6.
[6] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 399. – Л. 1.
[7] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 237. – Л. 12.
[8] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 399. – Л. 5.
[9] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 327. – Л. 42.
[10] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 335. – Л. 54.
[11] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 390. – Л. 4.
[12] Там же.
[13] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 484. – Л. 1об.

Документы личного фонда академика содержат ценную информацию о международных связях белорусских советских аграриев. В частности, сохранились подробные материалы о поездках делегаций из руководящих сельскохозяйственных работников в 1955 и 1956 гг. в Англию. В 1955 г. делегация во главе с Министром сельского хозяйства СССР А.А. Бенедиктовым пробыла в Англии месяц и ознакомилась с опытом работы сельскохозяйственных ферм, наработками ведущих научно-исследовательскими учреждений и посетила выставку сельскохозяйственной техники стран мира. Основной задачей поездки стояло изучение сельского хозяйства Англии, постановки дел на фермах, достижений в области агротехники, механизации и зоотехники[14].

В 1957 г. М. Е. Мацепуро становится вице-президентом Академии сельскохозяйственных наук БССР, где также активно работает, в том числе – по вопросам подготовки научных кадров. Об этом свидетельствует большой объём сохранившихся официальных писем с просьбой принять участие в работе советов различных факультетов[15]. При этом Михаил Ефремович продолжал работать в должности директора Института механизации.

Несмотря на авторитет и высокий профессионализм, самостоятельность М.Е. Мацепуро в рамках принятия ключевых управленческих решений в 1960-х гг. вызвала негативные реакции у ряда руководителей ЦК КПБ(б). В том числе, на данный факт повлияли напряженные отношения поддерживающего его Н.С. Хрущева с руководством партии, вследствие чего в 1965 г. М.Е. Мацепуро был вынужден покинуть должность директора Института механизации сельского хозяйства АН БССР [2, с. 9], а с февраля 1967 г. и вовсе просить освободить его от заведывания лабораторией по формальной причине «…дабы сосредоточится на подготовке сборника «Основы экспериментальной теории сельскохозяйственных машин и орудий»…»[16].

Педагогическая деятельность. Исторические источники, сохранившиеся в личном фонде Мацепуро, свидетельствуют: «благодаря усилиям М.Е. Мацепуро в Республике была решена проблема подготовки инженеров для села и научных кадров высшей квалификации» [5, с. 82]. Согласно документам, Мацепуро вел активную работу по подготовке научных кадров. Среди материалов сохранилось значительное количество отзывов о научных работах аспирантов, таких как А.Д. Ахундов[17], Н.С. Гладенко[18], В.К. Доманов[19], В.М. Мурков[20], кандидатов и докторов технических наук, например, М.П. Новикова[21] и Ф.А. Опейко[22].

Деятельность по подготовке научных кадров не ограничивалась учреждениями БССР, о чем свидетельствуют официальные документы. Например, материалы личного фонда дают сведения о научном руководстве аспирантом Центрального научно-исследовательского института механизации и электрификации сельского хозяйства нечерноморской зоны СССР (ЦНИИМЭСХ) В.Н. Трухановцом[23]. В то же время М.Е. Мацепуро выступал в роли научного руководителя аспиранта Литовской сельскохозяйственной академии Д.П. Бельчика[24], что показывает роль академика в совершенствовании межрегиональной системы подготовки научных кадров, характеризующейся сотрудничеством между научными учреждениями и регионами Советского Союза. Обучение под руководством Мацепуро проходили молодые ученые из Грузии, Азербайджана и Прибалтийских республик [2, с. 7]. Такой подход способствовал обмену знаниями и опытом, расширял научные связи между регионами, укрепляя научно-образовательную сеть страны. В машинописи 1971 г. неустановленного автора, касающейся фактов биографии академика, приводятся следующие сведения о количестве защищенных учеников М.Е. Мацепуро: «К настоящему времени им подготовлено более ста тридцати кандидатов и несколько докторов технических наук. В последнее время он занимается только подготовкой кадров и готовит большую группу ученых»[25].

При подготовке научных кадров академик уделял внимание качеству образования и продвигал идеи более серьезного подхода к вступительной компании. Так, М.Е. Мацепуро писал, что необходимо ужесточить требования к абитуриентам. Будущий аспирант должен был иметь диплом с отличием, предоставить серьёзный автореферат, а также в обязательном порядке владеть иностранным языком. Также было внесено предложение ограничить возраст поступающих до 30 лет. Требования возрастали не только к абитуриентам, но и к научным руководителям. М.Е. Мацепуро считал, что научное руководство аспирантами должно вестись исключительно докторами наук и профессорами, а допускать к данной работе «поголовно всех, как это имеет место в некоторых институтах в настоящее время», не стоит[26].

Успехи и идеи Мацепуро в подготовке кадров периодически становились объектом критики. В докладной записке начальнику управления науки Министерства сельского хозяйства БССР П.Е. Прокопову о предоставлении директором ЦНИИМЭСХ М.М. Северневым ложных сведений касательно количества защищенных аспирантов, М.Е. Мацепуро пишет следующее: «Прилагаю поименный список лиц защитивших диссертации (87 кандидатов

[14] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 718. – Л. 49.
[15] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 405. – Л. 43–50.
[16] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 461. – Л. 1.
[17] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 227. – Л. 1.
[18] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 227. – Л. 43.
[19] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 227. – Л. 75.
[20] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 228. – Л. 131.
[21] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 228. – Л. 133.
[22] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 228. – Л. 146.
[23] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 415. – Л. 30.
[24] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 415. – Л. 31.
[25] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 718. – Л. 16.
[26] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 408. – Л. 30.

и 2 доктора) и сдавших или подготовивших к защите (10 чел), видно, что уже завершено 99 работ, а к концу года их будет более ста»[27]. В приложенном списке подготовленных научных кадров, кроме перечисленных в записке, карандашом внесены новые фамилии, в результате, можно говорить о том, что в 1968 г. М.Е. Мацепуро были подготовлены 102 кандидата и 3 доктора наук, 7 человек подготовили работы к защите.

Закат его педагогической карьеры нельзя назвать справедливым. В докладной записке от 12 января 1968 г. Министру сельского хозяйства Белорусской ССР академику С.Г. Скоропанову М.Е. Мацепуро пишет о распространении дискредитирующей информации о его здоровье и несправедливых гонениях, начавшихся в 1965 г. после отстранения от должности директора ЦНИИМЭСХ: «Если взять всю сумму отношений, то все они направлены к общему знаменателю. Даже распространяемые слухи о моей болезни служат этой цели. Я здоров и работаю дома не меньше, чем на службе … Министерство вместо защиты прав ученого одобряет чинимые надо мною издевательства вот уже три года … Не имея поддержки и помощи со стороны Министерства, руководствуясь чувством человеческого достоинства, я принял решение уйти из института. Прошу освободить меня от обязанностей члена ученого совета института (номенклатура Министерства), а также исключить из состава Ученого совета, проектируемого для рассмотрения и защиты диссертаций. Кстати, в этот состав я включен не будучи поставлен в известность»[28].

Общественная деятельность. Значительное количество документов личного фонда Мацепуро посвящено его деятельности в качестве депутата Верховного Совета БССР 3 – 6 созывов. Сохранились протоколы и стенограммы заседаний[29], проекты планов работы постоянной Комиссии по сельскому хозяйству Верховного Совета БССР[30], телеграммы о выдвижении кандидатуры ученого в депутаты Верховного Совета по избирательным округам[31].

В качестве депутата Михаил Ефремович активно общался с населением. К нему обращались как с просьбами о помощи в хозяйственных вопросах, так и с вопросами личного характера. В личном фонде сохранилось немало писем с просьбами о материальной помощи, которые Михаил Ефремович удовлетворял в том числе из собственных средств. Например, в письме от 16 июня 1963 г. колхозник М.М. Щербаченя пишет (орфография сохранена): «когда 20.v.63 г. я был у Вас, Вашая жена по Вашему распоряжению оказала мне денежную помощь, а так же мне они обещали дать литературно-художественных книжак с своей библиотеки и кое что из поношеной одежды для моих детей так, как их у меня семеро…средств нет за что купить им одежду, даже нет средств для троих учеников купить им школьные учебники и школьные принадлежности»[32]. Из содержания письма также мы узнаем о том, что лично М.Е. Мацепуро оказал материальную помощь мужчине на приобретение протеза из собственной заработной платы.

Содержание преимущественного большинства писем – благодарности сельхозработников за вклад в их дело и помощь в развитии[33]. Люди обращались в надежде от «самого большого ученого нашей Родины» получить помощь для поддержки семьи в связи с болезнью кормильцев, инвалидностью или задержкой заработной платы[34]. Так, в ответ на прошение С.М. Годунцова была инициирована проверка жилищных условий семьи, по факту которой в отчете указано следующее: «…материальные условия семьи тов. Годунцова С.М. очень тяжелые. В комнате кроме двух кроватей и стола нет никакой обстановки, дети одеты плохо»[35]. В последствии просьба Годунцова была удовлетворена при участии М.Е. Мацепуро.

Вышеизложенные факты позволяют сделать вывод о психологическом портрете М.Е. Мацепуро, рассмотреть его социальную деятельность, а также проанализировать личностные качества как представителя общественных интересов, сумевшего расположить к себе население и получить его поддержку и благодарность.

Личные связи. Воспоминания и эпистолярии. Ценным материалом, сохранившимся в личном фонде академика, является рукопись воспоминаний о народном поэте Якубе Коласе[36]. Мацепуро описал первое знакомство с вице-президентом Академии наук, уделил внимание деталям совместных трудовых будней в тяжелые послевоенные годы. Значительное внимание в тексте отведено участию Якуба Коласа в послевоенном восстановлении АН БССР: от решения вопросов финансирования строительства до организационной и научной работы.

Исходя из записанного Мацепуро, К.М. Мицкевич проявлял особое участие к положению населения. Например, Михаил Ефремович отмечал следующее: «Многие семьи жили в землянках, недоедали. Константин Михайлович, как великий сын своего народа, воспринимал их нужду, как свою собственную и всегда доступными ему средствами и возможностями оказывал содействие и помощь…»[37]. О теплых межличностных отношениях между академиками свидетельствуют и сохранившиеся копии писем Якуба Коласа, адресованные М.Е. Мацепуро и его семье[38].

[27] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 415. – Л. 34.
[28] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 457. – Л. 1-2.
[29] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 413. – Л. 14–28, 29–33.
[30] Там же. – Л. 36.
[31] Там же. – Л. 82–83.
[32] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 689. – Л. 10.
[33] Там же. – Л. 5, 18.
[34] Там же. – Л. 11.
[35] Там же. – Л. 12.
[36] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 326. – Л. 1.
[37] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 326. – Л. 4.
[38] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 547. – Л. 8.

Обширный корпус эпистолярий, отложившийся в личном фонде М.Е. Мацепуро, позволяет реконструировать процессы, влияющие на принятие управленческих и иных решений, а также проанализировать взаимоотношения Михаила Ефремовича с его корреспондентами. Например, в поздравительной телеграмме к Н.С. Хрущеву он подписывается как «беспредельно преданный всегда благодарный академик Мацепуро»[39].

Сохранилось значительное количество эпистолярий, содержащих поздравления с праздниками[40] – открытки президента АН БССР Н.А. Борисевича[41], поздравительные телеграммы и открытки аспирантов из Азербайджана, многие из которых подписывали их как «воспитанники»[42], земляков академика[43] и других лиц из круга друзей и знакомых ученого. Личная переписка академика зачастую содержит сведения о служебных вопросах. Например, в письме К.М. Мицкевича М.Е. Мацепуро из больницы первый просит оказать услугу и узнать, дошло ли в АН БССР его письмо с распоряжениями[44]. Переписка с экономистом Н.В. Герасимовым включает обсуждение рабочих процессов, но все же носит неофициальный характер[45]. Представленные документы являются богатыми источниками по истории организации науки в БССР, позволяют реконструировать механизмы влияния межличностных отношений на рабочий процесс.

Корпус эпистолярий богат не только количеством корреспонденции, но и разнообразием содержания. Кроме писем различных лиц с благодарностью и пожеланиями успехов в работе и науке, значительное место занимают тексты с предостережениями, отражающие реалии советской науки начала 1950-х гг. Например, в письме профессора Н.Ю. Соколовой от 23 апреля 1951 г., отмечается: «…он [профессор Белорусской сельскохозяйственной академии А.Б. Трейвас] говорит про Вас, что Вы пролезли в Академию наук БССР, что Вы жулик, хитрый человек, что использовали трофейные машины, выдали их за свои и получили лауреата [Сталинской премии]…»[46].

Анализ материалов личной переписки академика Мацепуро отражает причинно-следственные связи в контексте принятия решений как управленческих, так и относящихся к повседневной жизни фондообразователя, а также о кулуарах белорусской советской аграрной науки в 1930 – 1960-х гг. Полученная информация, как правило, иллюстрирует события, предшествующие результатам, зафиксированным в официальных документах позднее, что делает данные материалы важным для изучения истории источником.

Заключение. Личный фонд академика М.Е. Мацепуро является ценным источником по истории науки Беларуси. Особую информационную ценность представляют документы, отражающие деятельность академика, направленную на скорейшее восстановление научной работы и наращивание экономической мощи БССР в период послевоенного восстановления.

Важной информационной составляющей фонда являются материалы, раскрывающие вклад академика в подготовку научных кадров в сфере сельского хозяйства. Анализ сохранившихся документов позволяет говорить о высоком уровне личной вовлеченности М.Е. Мацепуро в педагогический процесс, а также, через изучение эго-документов и эго-текстов, выявить причинно-следственные связи между биографическими фактами, относящимися к данному периоду жизни Михаила Ефремовича. Анализ материалов личных фондов также способствует выявлению факторов влияния на научное сообщество как внутри страны, так и за её пределами, что позволяет более полно оценить развитие белорусской советской науки в социально-политическом контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самосюк В.Г. Михаил Ефремович Мацепуро: (к 105-летию со дня рождения) // Весці НАН Беларусі. Серыя аграрных навук. – 2014. – № 1. – С. 114–117.
2. Севернев М.М. Научная, педагогическая и общественная деятельность академика М.Е. Мацепуро // Сельскохозяйственная механика. Век XXI: академические чтения, посвященные 100-летию академика М.Е. Мацепуро и 80-летию со дня образования НАН Беларуси / РУП «НПЦ НАН Беларуси по механизации сельского хозяйства». – Минск, 2008. – С. 3–10.
3. Пиуновский И.И. Научное наследие академика М.Е. Мацепуро по энергосбережению в сельском хозяйстве (к 110-летию со дня рождения) // Механизация и электрификация сельского хозяйства. – 2019. – № 52. – С. 29–33.
4. Голдыбан В.В. Вклад академика М. Е. Мацепуро в развитие средств механизации для производства картофеля // Научно-технический прогресс в сельскохозяйственном производстве: материалы междунар. Науч.-техн. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения академика М.Е. Мацепуро (Минск, 17-18 окт. 2018 г.) / редкол.: П.П. Казакевич (гл. ред.), Л.Ж. Кострома. – Минск: Белар. навука, – 2018. – С. 15–20.
5. Минакова Н. Столпы белорусской науки // Наука и инновации. – 2024. – № 3. – С. 81–83.

Поступила 13.12.2025

[39] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 454. – Л. 1.
[40] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 547. – Л. 3–6.
[41] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 491.
[42] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 663.
[43] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 664.
[44] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 547. – Л. 1.
[45] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 451.
[46] ЦНБ НАН Беларуси. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 690. – Л. 20.

MATERIALS OF PERSONAL FUND OF ACADEMICIAN M. E. MATSEPURO AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF SCIENCE OF THE BSSR

K. FIODOROVA
(Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article presents the results of a source analysis of documents and materials from the personal fund of Academician of the Academy of Sciences of the BSSR M. E. Matsepuro (1908–1971). The author evaluates the information potential of documents of personal origin of M. E. Matsepuro, identifies key features, and identifies the most informative of them. Using the example of this foundation, promising areas for further research of funds of personal origin of scientists of the BSSR have been identified, including an analysis of the involvement of scientists in the development of scientific institutions in the republic, the training of scientific personnel, as well as the interaction of scientists and administrative structures in Belarus during the Soviet period. The reviewed corpus of documents has a high informational value as a source on the history of agricultural science of the BSSR during the post-war restoration of science and economics.

Keywords: *funds of personal origin, historical source, history of science, Academy of Sciences of the BSSR, agriculture, scientists of the BSSR, M.E. Matsepuro.*

УДК 94(476)"18/19"+63(091)+504.06 **DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-64-70**

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РАЦИОНАЛЬНОМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ В АГРАРНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ БЕЛАРУСИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

канд. ист. наук, доц. С.О. ШИДЛОВСКИЙ
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье исследуется процесс формирования представлений о рациональном природопользовании в отечественной аграрной публицистике XIX – начала XX в. На основе анализа экономических и статистических обзоров исследуемой эпохи выявлены основные источники знаний помещиков о рациональном хозяйствовании: научная теория (прежде всего концепция Альбрехта Тэера), зарубежный опыт. Показано, как в публицистике проводился анализ состояния природных ресурсов региона, формировался дискурс о проблемах с плодородием почв, неурожаями, заболачиванием территорий. Называются предлагаемые современниками меры рационализации: многопольные севообороты, мелиорация, агротехнические новшества. Показаны экономические и социокультурные препятствия широкому внедрению рациональных практик. Исследование демонстрирует, что формирование концепции рационального природопользования стало важной частью дискурса аграрной модернизации на белорусских землях, отразив противоречие между теоретическими представлениями и реальными практиками в помещичьих хозяйствах.

Ключевые слова: *рациональное природопользование, аграрная публицистика, помещичье хозяйство, Альбрехт Тэер, рациональное хозяйство, модернизация сельского хозяйства, экологическая история.*

Введение. История теоретизации отношений общества и природы приобретает особое значение в контексте современных глобальных экологических вызовов. Исторический анализ представлений о рациональном использовании природных ресурсов позволяет лучше понять генезис современных экологических проблем. Несмотря на появление ряда новых исследований модернизационных процессов на белорусских землях (работы А.Г. Кохановского, В.Л. Носевича, С.М. Токтя) [1; 2; 3], а также работы о традиционных экологических представлений белорусов К. Шумского [4], собственно экологические аспекты хозяйственной деятельности помещиков, формирование дискурса о рациональном природопользовании в отечественной аграрной публицистике рассматриваемой эпохи остаются малоизученными. Недостаточно проанализированы источники знаний землевладельцев об идеях рационального природопользования и механизмы их распространения, а также содержание дискуссий об охране природных ресурсов. В статье предпринята попытка восполнить данный пробел: поставлены задачи исследовать, каким образом в аграрной публицистике на белорусских землях в XIX – начале XX в. происходила концептуализация рационального природопользования; какие распространялись представления о природных ресурсах края и климате, о проблемах в сельском хозяйстве и их истоках.

Объектом исследования в статье выступает отечественная публицистика, посвященная вопросам развития сельского хозяйства на белорусских землях в XIX – начале XX в. Экономическая публицистика является ценным источником для изучения как процесса концептуализации рационального хозяйствования, так и общего дискурса модернизации сельского хозяйства на белорусских землях. Предмет исследования – представления о рациональном природопользовании в аграрной публицистике Беларуси XIX – начала XX в. Хронологические рамки исследования охватывают период с начала XIX в., когда в общественном сознании происходит популяризация принципов развития сельского хозяйства на научной основе, до начала XX в. (Октябрьская революция), ознаменовавшегося наибольшим распространением дискуссий о рационализации хозяйственной деятельности. Территориальные рамки исследования включают белорусские губернии Российской империи – Витебскую, Минскую, Могилевскую, Гродненскую, а также частично Виленскую губернию, составлявшие единый социально-экономический регион с преобладанием аграрного сектора экономики. Цель исследования – выявить основные направления осмысления проблем использования природных ресурсов и предлагаемые пути их решения в экономической публицистике на белорусских землях в XIX – начале XX в. Формирование концепции рационального природопользования на белорусских землях следует рассматривать в контексте более широких процессов аграрной модернизации Российской империи, вехами которой были отмена крепостного права, мировой аграрный кризис 1880-х гг., столыпинская реформа. В этих условиях отечественная публицистика выполняла важную функцию артикуляции проблем и трансляции новых идей.

Одним из маркеров модернизации аграрного сектора изучаемого периода выступает формирование и распространение концепции рационального хозяйствования. Концепция рационального хозяйствования (нем. *rationellen Landwirthschaft*) стала известна отечественным читателям благодаря польскоязычным адаптациям работ Альбрехта Тэера [5, с. 116–117]. В русской сельскохозяйственной литературе данный термин известен с 1830 г., когда появился русский перевод книги А. Тэера «Основания рационального сельского хозяйства» [6]. Согласно утверждению С.С. Бакарягина, у великорусских помещиков «понятие "рациональное хозяйство" ассоциировалось с наличием специальной сельскохозяйственной техники, многопольем с посевом трав, разведением чистокровных животных, использованием искусственных удобрений» [7]. Частью практики рационального хозяйствования является *рациональное природопользование*. В настоящем исследовании под рациональным природопользованием понимается комплексная система мер, направленных на эффективное использование природных ресурсов и сохранение окружающей среды.

Одной из первых отечественных попыток описания модели хозяйствования, основанной на рациональных принципах, была работа Анны Тюндевицкой «Gospodyni litewska czyli nauka utrzymywania porządnie domu…» (первое изд. – Вильно, 1848) [8]. Идеал рационального помещичьего хозяйства находил свое воплощение и на страницах художественных произведений, таких, как роман Э. Масальского «Пан Подстолич, или Что мы теперь и чем быть можем» (ч. 1−5, Вильно; Петербург, 1831−1833) [9]. Согласно убеждениям Э. Масальского, экономический успех помещичьего хозяйства основывался на мерах по повышению плодородия почв, бережном использовании трудовых ресурсов и развитии промыслов [10, с. 91]. Однако элементы рационального хозяйствования, и, в частности, рационального природопользования, обычно применялись на практике без их концептуализации и предварительного теоретического осмысления. Иными словами, сама практика зачастую существовала, не будучи идентифицированной в терминах рационального или природосберегающего хозяйствования.

Основная часть. Предпосылкой перехода к организации системы рационального природопользования является осознание причинно-следственных связей, определяющих результаты хозяйствования на земле. Подобное понимание приходило либо на основе изучения научной теории, либо на основе усвоения практического опыта многих поколений земледельцев. Знания, необходимые земледельцу, как крестьянину, так и владельцу поместья, имели комплексный характер, о чем свидетельствует, например, автор книги «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах» Я. Барщевского: «Каб гаспадарыць у маёнтку – мала старання, трэба быць чалавекам дасведчаным, добра ведаць якасць зямлі, дзе што пасеяць; ведаць час, калі сеяць гарох, пшаніцу, ячмень ці авёс, а што найцяжэй – прадбачыць перамену надвор'я, калі прыйдзе час сенакосу» [11, с. 142]. Сельскохозяйственные компетенции землевладельцев основывались зачастую на фундаменте «народных знаний». Признание обоснованности некоторых крестьянских методов хозяйствования можно найти, например, на страницах «Хозяйки литовской» А. Тюндевицкой [12, с. 3–4]. По воспоминаниям Ф. Карпинского, когда он стал арендатором, то начал заниматься сельским хозяйством «по книге», но основным навыкам научился у крестьян [13, с. 65].

Однако, в отличие от крестьян, помещики имели доступ к научной теории и лучшим местным и зарубежным моделям хозяйствования. Согласно сведениям К. Контрыма, полесские помещики с целью изучения зарубежного опыта посещали немецкие и итальянские земли, Францию и Англию [14, с. 10]. Как отмечала М. Горчинская, на землях бывшей Речи Посполитой в 30-х гг. XVIII в. – 20-х гг. XIX в. сельскохозяйственные знания распространялись по самым разнообразным каналам – общественным и межличностным, устным и письменным. В данном контексте исследовательница упоминает воскресные и праздничные проповеди, рукописные книги (silva rerum), частную переписку, печатную периодику (журналы, газеты, альманахи, календари) [15, с. 7–8]. В крае выходили как монографические исследования в области сельскохозяйственных наук, так и популярная экономическая литература, велись систематические наблюдения за природой и погодой, собиралась сельскохозяйственная статистика. Данный массив информации был весь к услугам землевладельцев в их хозяйственной деятельности [16].

Помимо научных знаний существовали и другие факторы, формировавшие различия в крестьянском и помещичьем типах экономической рациональности, влиявшие на выбор помещиками средств и форм хозяйствования. Прежде всего, сказывалась бóльшая ориентация дворянского поместья, в отличие от крестьянского хозяйства, на рынок. Помещики обладали значительными ресурсными возможностями для преобразования окружающей природной среды. Последнее реализовывалось, например, в практике ландшафтного формирования, создания парков, устройства прудов и проведения мелиоративных работ. Сочетание народных традиций и научных подходов, основанных на принципах рационального природопользования, приносило как положительные, так и отрицательные результаты, формируя самобытный стиль хозяйствования в помещичьей усадьбе на белорусских землях.

Оценка качества сельскохозяйственных угодий и определение природно-климатических особенностей Беларуси. К идее рационального использования природных ресурсов землевладельцы приходили, как правило, сталкиваясь с растущими экономическими издержками при деградации природной среды и невозможностью купирования их экстенсивными способами. Переход к практике рационального природопользования требовал предварительного изучения местных природных и социальных особенностей, выявления негативных факторов как объективного, так и субъективного характера, приводящих к деградации ресурсов, и определения путей решения выявленных проблем. Примеры подобного анализа можно зафиксировать в работах местных авторов на протяжении всего изучаемого периода. Сформировался жанр «статистическо-географических обзоров», которые посвящались отдельным уездам и целым губерниям. Данный род аналитики выполнялся по заданиям Генерального штаба, статистических комитетов, научных обществ либо, например, банка, как было в случае работы К. Контрыма [14]. Предпринимались специальные «агрономические путешествия» с целью изучения объективных условий хозяйствования и выявления передового опыта [17].

В подобных исследованиях зачастую отсутствовал единый методологический подход и общепринятая терминология, что можно проиллюстрировать на примере описания свойств почв и попыток их классификации в литературе рассматриваемого периода. Так, И. Лехницкий в исследовании «Statystyka gubernii Litewsko-Grodzieńskiej» (1817) выделил следующие типы земель по признаку их сельскохозяйственного использования: культурные земли, сенокосы и пастбища, леса, облог, неудобица. Культурные земли, в свою очередь, он разделял по признаку их плодородия на «пшеничные» (глинистые и илистые «краснозёмы» или «чернозёмы»), «ржаные» (песчаные, требующие удобрения) и «гречишные» (бедные песчаные с большой примесью камня) [18, с. 44]. Е. Тышкевич по целевому назначению и хозяйственно-юридическому статусу различал усадебные наделы, пастбища и сады; пашни лучшего качества и обычные; луговые сенокосные земли и болотные; казенные леса, частные

и общего пользования [19, с. 1]. На Борисовщине традиционно выделяли следующие типы: «серую землю» в долинах рек и низинах, «глины» и каменистые песчаные почвы. Торф рассматривался как средство повышения урожайности на песчаных бедных гумусом почвах [19, с. 170].

Неудобица (участок земли, непригодный для сельскохозяйственного возделывания) в белорусских природных условиях – это преимущественно заболоченные территории. К неудобицам также относили песчаные пустоши [18, с. 48]. Наибольшее количество болотистых неудобиц находилось на Полесье – в уездах Кобринском, Слонимском и Брестском. В данном регионе более пригодным для сельскохозяйственного использования, согласно выводам К. Контрыма, был северный берег Припяти [14, с. 15]. Значительное количество заболоченных пустошей находилось также в низинах вдоль Немана в Гродненском уезде, на болотистых берегах Лидеи – в Лидском [18, с. 48].

Значительная часть авторов приходили к пессимистическим оценкам природного плодородия местных почв. Как утверждал П. Бобровский, «западные губернии имеют неплодородную почву и неблагоприятный климат» [20, с. 39]. Действительно, по данным современной сельскохозяйственной науки, наиболее распространенные в Беларуси дерново-подзолистые почвы в естественном состоянии характеризуются низкой обеспеченностью элементами питания растений, что требует проведения систематических агротехнических работ по сохранению и повышению плодородия местных сельскохозяйственных угодий [21]. Ряд регионов, согласно мнению наблюдателей, были особенно проблемными. В.М. Севергин писал, что наихудшие в отношении плодородия почвы он встречал на правом берегу Западной Двины. Далее в направлении Могилёва качество почв улучшалось, а наилучшие почвы на востоке Беларуси В.М. Севергин обнаруживает в окрестностях Мстислава [22, с. 101]. Согласно наблюдениям К. Тышкевича, бедными являлись почвы вдоль побережья Вилии, лишенного качественных лугов. Отсутствовали здесь и передовые хозяйства [23, с. 143].

Засорение белорусских почв каменистыми включениями, которое в современной литературе рассматривается как проблемный фактор (приводит к повреждению лемехов плугов) [24], в оценках помещиков в XIX в. не имело однозначно негативной оценки. Например, как свидетельствовал Е. Тышкевич, среди землевладельцев Борисовского уезда бытовало убеждение, что наличие камней на поле способствует повышению урожайности: камни, как мульча, обеспечивают всходам тень в жаркие дни, аккумулируют тепло и отдают его растениям в холодные дни, помогая также сохранять влагу [19, с. 168].

Наряду с наличием значительного массива болотистых и песчаных почв, которые не могли быть в полной мере задействованы в сельскохозяйственных практиках без проведения мелиоративных работ, отмечался и климатический фактор, осложнявший развитие сельского хозяйства в регионе. П. Бобровский в качестве примера непредсказуемости местного климата приводил заморозки, которые иногда случаются до восхода солнца весной и осенью [20, с. 39]. Аналогичного мнения придерживался К.Т. Аникиевич, согласно сведениям которого заморозки были нередки поздней весной и даже поздним летом, поэтому в регионе спешили с проведением раннего сева [25, с. 43–44]. Отмечались региональные природно-климатические различия. Например, по данным И. Лехницкого, вегетация в Гродненской губернии начиналась на две-три недели раньше, чем на Виленщине [18, с. 57].

При наличии объективных причин имели место и субъективные факторы, когда, например, информация о характеристиках местных почв и особенностях климата фальсифицировалась, служа поводом для списания затрат. Сбором сведений о качестве местных земель занималась Комиссия народного продовольствия, однако, по словам П. Бобровского, эти отчеты иногда основывались на показаниях инвентарных комитетов, которые имели тенденцию корректировать данный показатель. П. Бобровский также был склонен не доверять сведениям комиссий о средней урожайности, площади пашни и господствующих системах земледелия [20, с. 60−62].

Диагностирование проблем и видение путей их преодоления. Наличие циклов урожайности отмечалось в местной экономической публицистике со ссылками как на научное, так и опытное знание. Е. Тышкевич, например, ссылался на работы австрийского ботаника Франца Унгера (1800–1870), согласно которым считалось, что существует семилетний цикл урожаев (соответственно и цен на хлеб): один год − исключительно хороший урожай, второй год − очень хороший, третий год − средний, четвертый и пятый − лучше среднего, шестой и седьмой − хуже среднего [19, с. 227]. Согласно наблюдений И. Лехницкого, один неурожайный на рожь год приходился на пять урожайных, один неурожайный на пшеницу – на два урожайных, один неурожайный на овёс – на четыре урожайных, один неурожайный на ячмень – на три урожайных, один неурожайный на горох – на четыре урожайных [18, с. 53–54]. Без внедрения многопольного севооборота и систематического внесения больших объемов удобрений цикл урожайности определялся, прежде всего, естественным качеством почвы. Согласно свидетельствам И. Лехницкого, на Гродненщине на лядах земля хорошо плодоносила без внесения удобрений три года [18, с. 44]. На Пинском Полесье пшеница давала хороший урожай только на богато удобренных полях [26, с. 66]. Современные исследования также исходят из наличия циклических закономерностей урожайности зерновых [27].

Определяя объективные природно-климатические факторы, имеющие негативное влияние, публицисты, однако, признавали, что одной из причин неурожаев являлось низкое качество обработки земли. Например, И. Лехницкий обратил внимание на значительный разброс показателей урожайности в разных хозяйствах Гродненской губернии, расположенных на землях одинакового качества. Причину низкой урожайности исследователь усматривал не столько в качестве почвы, сколько в нехватке рабочих рук и удобрений [18, с. 53–54]. Поэтому, как правило, урожайность на землях помещиков была в среднем выше, чем в крестьянских хозяйствах [25, с. 119]. Согласно сведениям П. Бобровского, в крестьянском хозяйстве реальная урожайность ржи составляла в среднем сам-5, тогда как у помещиков – сам-6–7 [20, с. 63–64]. При правильном подходе к возделыванию сельскохозяйственных полей

можно было получать еще большие урожаи. Например, в Горках, где выращивали сандомирскую пшеницу на хорошо удобренных почвах, которые обрабатывались плугом, урожайность была сам-15 [28, с. 423].

В то же время, по официальным данным, средняя урожайность озимой ржи в Минской и Гродненской губерниях составила сам-3 (1854–1860), в Виленской – сам-2 (1850–1858). Средняя урожайность яровой ржи в Минской губернии была сам-3 (1854–1860), в Гродненской – сам-2 (1854–1860), в Виленской – сам-2 (1850–1858). Средняя урожайность картофеля в Минской и Гродненской губерниях была сам-4 (1854–1860), в Виленской – сам-2 (1850–1858) [20, с. 53]. Согласно собственным подсчетам И. Лехницкого, в среднем по Гродненской губернии урожайность зерна составляла сам-4 [18, с. 53–54]. По словам К. Тышкевича, в Борисовском уезде урожайность зерновых составляла сам-5–6 [23, с. 267]. В Могилевской губернии средняя урожайность озимой ржи составляла сам-3–4, наивысшая – сам-8. Средняя урожайность яровой ржи была сам-3, наивысшая – сам-5 [28, с. 422–423]. Показатели по озимым культурам колебались от сам-2 до сам-5, по яровой ржи – сам-2. П. Бобровский считал официальные цифры заниженными примерно в два раза [20, с. 59].

Существовало понимание неточности традиционно применяемых методов учета урожая и определения урожайности. И. Лехницкий жаловался на отсутствие достаточной информации о средней урожайности сельскохозяйственных культур в Гродненской губернии. По его мнению, местные землевладельцы не имели точной методики такого расчета или, что более вероятно, не были заинтересованы в сборе этой информации [18, с. 53–54]. Урожай ржи традиционно подсчитывался в копах с десятины (копа насчитывала 60 снопов), что давало только приблизительную оценку [20, с. 51]. Существовали также региональные меры сыпучих продуктов, последние чаще всего измерялись в осьминах (одна осьмина ровнялась 2 четверикам и 2 гарнцам). Бытование традиционной системы мер, имевшей многочисленные региональные различия, делало проблемным ведение точного учета, усложняло межрегиональный трансфер успешного опыта, например, препятствовало внедрению прогрессивного метода расчета оптимального количества расхода семян. В результате мог возникнуть значительный перерасход семян даже вдвое от необходимого [20, с. 62; 29, с. 18]. Подобные приблизительные подходы были несовместимы с рациональными методами организации хозяйственной деятельности.

Насущная необходимость определения относительных показателей урожайности участков возникала у землевладельцев при продаже или сдаче имений в аренду. В этом случае обычно предоставлялась информация об урожайности озимой и яровой ржи, пшеницы и сена в лучшие годы. Официальная статистика также определяла среднюю урожайность приблизительно, но с тенденцией к занижению реальных показателей. Заниженные показатели отправлялись в официальные органы, так как помещики и предводители дворянства были заинтересованы в получении денежных субсидий на более выгодных условиях, а также в налоговых льготах и уплате недоимок. В результате помощь, которую помещики получали по причине недорода, необоснованно завышалась [20, с. 60–62]. По убеждению П. Бобровского, фальсификация статистических данных в Виленской и Гродненской губерниях была особенно масштабной [20, с. 59]. Исследователь также считал ошибочным мнение о недостаточности хлеба в Минской и Витебской губерниях [20, с. 64]. Суждение П. Бобровского основывалось на том факте, что, несмотря на официальные данные о хронической нехватке ржи в западных губерниях для пропитания населения, ежегодно из данного региона вывозились значительные объемы зерна для продажи за рубежом [20, с. 60, 64]. Однако, в данном случае следует признать небезупречность логики П. Бобровского, так как дефицит зерна *для пропитания населения* не исключал все же возможность его вывоза за рубеж.

Объективной причиной уязвимости местного сельского хозяйства к неурожаям публицисты считали преобладание в крае трехпольной системы, основанной на возделывании яровой и озимой ржи; недостаточность мероприятий по мелиорации земель; дефицит удобрений; отсутствие научных агрономических исследований качества почв; недостаточную обработку земель. Вследствие этого неурожаи обычно вели к голоду, продовольственные склады и капиталы на такие случаи не всегда могли предотвратить негативные последствия неурожаев, так как склады, особенно в помещичьих имениях, пополнялись нерегулярно, ссуды из складов выдавались без должных на то оснований. Сами крестьяне не принимали достаточных мер для предотвращения голода в случае неурожаев [30, с. 9–11].

В отечественной публицистике происходило также обсуждение последствий деградации лесных ресурсов. По мнению П. Бобровского, бесконтрольные рубки леса в крае могли негативно влиять на микроклимат и приводить в определенных местах к увеличению частотности неурожайных лет, а также к уменьшению уровня воды в водоемах. В некоторых местностях Виленской и Гродненской губерний существовал дефицит леса, и местное население использовало в качестве топлива торф и солому, а в некоторых имениях постройки для крестьян делались из вереска и соломы, смешанных с глиной [30, с. 13−16]. Согласно сведениям В.М. Севергина и И. Лехницкого, из-за недостатка леса в Гродненском уезде дрова стоили дорого (сажень − 6 рублей серебром), тогда как в Витебске сажень стоила 3 рубля 50 копеек. Поэтому для топки печей и выпечки хлеба использовали преимущественно солому. В некоторых местностях Лидского, Волковысского и Брестского уездов для этих же целей употребляли кустарник и сорняки [18, с. 47; 22, с. 136; 32, с. 116]. На Полесье для отопления крестьянских домов нередко использовался камыш [26, с. 104−105]. Даже в помещичьих домах печи протапливались иногда торфом из-за дефицита дешевых дров [32, с. 51]. В первой половине XIX в. в помещичьих домах стали появляться «экономные печи», в которых можно было готовить блюда, ставя одну посуду над другой [33, с. 65]. Кухонные «английские печи» («ангельки»), конструкции с железным верхом, которые меньше требовали топлива, начали распространяться во второй половине XIX в. [34, с. 9, 183].

Констатировалось также количественное снижение численности дичи, в частности, отмечалось исчезновение ряда ценных видов (зубр, соболь, бобр) [25, с. 54; 35, с. 175]. Попытки внедрить принципы рационального лесопользования происходили в основном в казенных лесах, однако и здесь выявлялись случаи злоупотреблений и бесхозяйственности [30, с. 13−16; 19, с. 212−216].

Заключение. Формирование представлений о рациональном природопользовании на белорусских землях происходило с использованием нескольких источников знания. Народная традиция содержала эмпирические знания о свойствах почв, циклах урожайности, погодных явлениях. Данные знания, фиксировавшиеся, как правило, в народных приметах, составляли базовый уровень понимания природных закономерностей также и в среде помещиков. Однако в публицистике XIX – начала XX в. отношение к народным знаниям было амбивалентным: признавалась их ценность как опыта многих поколений, но подчеркивалась их недостаточность для ведения эффективного хозяйства. Научная теория, прежде всего концепция рационального хозяйствования Альбрехта Тэера и его последователей, стала ключевым идейным ресурсом для формирования представления помещиков об эффективном хозяйстве. Подразумевалось, что подобное хозяйство основывается на научных принципах, практикует многопольный севооборот и травосеяние с учетом локальных природных особенностей. Зарубежный опыт – прежде всего практики передовых хозяйств Германии, Англии, отчасти Польши – активно транслировался через публицистику как образец для подражания. Вместе с тем, значительная часть публицистов осознавали различия в условиях хозяйствования (климат, качество почв, уровень развития инфраструктуры, доступность капитала и квалифицированной рабочей силы), и необходимость критического отношения к возможности прямого переноса западных практик.

Каналы распространения знаний о рациональном природопользовании включали экономическую периодику, деятельность сельскохозяйственных обществ, опытных станций и образцовых хозяйств. Особую роль играли статистические обзоры губерний и уездов, которые формировали определенный способ оценки природных ресурсов и потенциала их рационального использования, а также описания имеющихся проблем.

Оценка состояния природных ресурсов белорусских земель в XIX – начале XX в. носила преимущественно критический характер. Публицисты констатировали низкое качество значительной части почв, их подверженность заболачиванию, нехватку удобрений, деградацию в некоторых регионах лесных ресурсов. Классификация земель строилась на сочетании народных представлений и формирующихся научных подходов. Детально описывались региональные различия, что послужило основанием для вывода о необходимости адаптации агротехнических приемов к местным условиям.

В публицистике акцентировалась проблемность существующей на белорусских землях ситуации в сельском хозяйстве. Объяснение истоков аграрных проблем было достаточно сбалансированное: назывались неблагоприятные природно-климатические условия (короткий вегетационный период, нестабильность погоды), традиционные экстенсивные методы ведения хозяйства (трехполье без достаточного удобрения, отсутствие севооборотов с травосеянием), социально-экономические факторы (недостаток капитала для инвестиций в улучшение хозяйства, отсутствие квалифицированных специалистов, пережитки крепостнических отношений). Публицисты анализировали циклы неурожаев, указывали на истощение почв в результате хищнического использования, деградацию лесных ресурсов вследствие бесконтрольной вырубки, заболачивание территорий из-за отсутствия дренажных систем. «Человеческий фактор» указывался как одна из основных причин хозяйственного неблагополучия. Современники осознавали несовершенство методов учета урожая, разночтения в оценках плодородия земель, сознательное искажение данных помещиками в целях получения налоговых льгот и государственных субсидий в неурожайные годы. Эти недостатки осложняли выработку эффективных мер по рационализации природопользования.

Предлагался широкий спектр практических решений: внедрение многопольных севооборотов с травосеянием, систематическое использование удобрений, мелиорацию заболоченных земель, рациональное лесопользование, применение улучшенных пород скота и сортов культурных растений, использование сельскохозяйственных машин. Данные меры обосновывались не только с точки зрения повышения текущей продуктивности хозяйств, но и с позиции долгосрочного сохранения производительной способности природной среды.

Вместе с тем существовал разрыв между теоретическими представлениями о необходимости рационализации и реальными практиками большинства помещичьих хозяйств. Препятствиями широкому внедрению рациональных практик выступали: экономические факторы (отсутствие достаточного капитала для инвестиций, высокая стоимость сельскохозяйственных машин и отсутствие навыков их эксплуатации, долгий срок окупаемости мелиоративных работ), институциональные ограничения (несовершенство кредитной системы, слабость агрономической службы), социокультурные барьеры (консерватизм части помещиков, недостаток квалификации, недоверие к научным новшествам). Публицисты констатировали, что передовые практики внедряются лишь в ограниченном числе крупных имений.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что в аграрной публицистике на белорусских землях в XIX – начале XX в. происходил процесс концептуализации рационального природопользования. Утверждался приоритет научного знания над традиционным опытом. Рациональность понималась как соответствие практики научным принципам, калькулируемость результатов. Публицисты подчеркивали необходимость учета местных природно-климатических условий. Природа воспринималась через призму хозяйственной полезности. Формировалось представление об ответственности землевладельца за сохранение производительной способности земли. Это еще не была полноценная экологическая этика, но в публицистике присутствовали мотивы критики хищнического отношения к природным ресурсам. Было также выявлено противоречие между знанием о рациональных практиках и их ограниченным внедрением в среде помещиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каханоўскі А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). – Мінск: БДУ, 2013. – 335 с.
2. Носевич В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. – Минск: Тэхналогія, 2004. – 350 с.
3. Токць С.М. Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. – Мінск: ДІКСТ БДУ, 2016. – 328 с.
4. Шумскі К.А. Традыцыйныя экалагічныя веды беларусаў у XIX ст. – пачатку XXI ст. – Мінск: БДАТУ, 2011. – 192 с.
5. Шыдлоўскі С.А. Памеснае дваранства Беларусі: канец XVIII – пачатак XX ст.: этналагічнае даследаванне. – Мінск: Белар. навука, 2022. – 221 с.
6. Тэер А.Д. Основания рационального сельского хозяйства / пер. С.А. Маслова. – Ч. 1–5. – М.: А. Ширяев, 1830–1835.
7. Бакарягин С.С. А. А. Фет и А. Н. Энгельгардт: два взгляда на рациональное хозяйство // История и археология: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2018 г.). – Краснодар: Новация, 2018. – С. 13–15. – URL: https://moluch.ru/conf/hist/archive/290/13596/.
8. Gospodyni litewska czyli nauka utrzymywania porządnie domu i zaopatrzenie go we wszystkie przyprawy: zapasy kuchenne, apteczkowe i gospodarskie, tudzież hodowania i utrzymywania bydła, ptastwa i innych żywiołów, według sposobów wyprobowańszych i najdoświadczeńszych, a razem najtańszych i najprostszych. – 4 wyd. – Wilno: Drukiem J. Zawadzkiego, 1848. – 449 s.
9. Масальский Ф. Пан Подстолич, или Что мы теперь и чем быть можем: Роман административный. – 2-е изд. – Ч. 1–5 – СПб.: тип. К. Крайя, 1834.
10. Massalski E.T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy: romans administracijny: W 5 częściach. Część 4. – SPb: W Drukarni K. Kraja, 1833. – 286 s.
11. Баршчэўскі Я. Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях // Выбраныя творы / укл., пер. з пол. М. Хаўстовіча. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1998. – С. 81−282.
12. Шыдлоўскі С.А. Сістэма рацыянальнага гаспадарання ў рабоце Ганны Цюндзявіцкай «Літоўская гаспадыня» / С.А. Шыдлоўскі // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2013. – № 9. – С. 2–6.
13. Karpiński F. Pamiętniki. – Poznań: W. Simon, 1884. – 178 s.
14. Kontrym K. Podróż Kontryma, urzędnika banku polskiego odbyta w roku 1829 po Polesiu / Wydana przez Edwarda Raczyńskiego. – Poznań: U Walentego Stefańskiego, 1839. – 72 s.
15. Gorczynska M. Popularyzacja wiedzy w polskich kalendarzach okresu Oswiecenia, 1737–1821. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. – 321 s.
16. Шидловский С.О. Информационное обеспечение инновационных процессов в белорусском помещичьем хозяйстве (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Новые коммуникативные технологии и современное белорусское общество: электрон. сб. ст. III Междунар. науч. конф, Новополоцк, 27–28 апр. 2023 г., / Полоц. гос. ун-т; под общ. ред. С.О. Шидловского. – Новополоцк: Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – С. 72–76.
17. Целлинский Б.А. Агрономические путешествия по России // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1846. – Ч. 20. – № 7. – С. 48–70.
18. Lachnicki I.E. Statystyka gubernii litewsko grodzieńskiej. – Wilno: Nakład i druk J. Zawadzki, 1817. – X, [2], 88 s.
19. Tyszkiewicz E. Opisanie powiatu borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim, z dodaniem wiadomości: o obyczajach, spiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach itd. – Wilno: Druk. A. Marcinowskiego, 1847. – 489, IV s.
20. Бобровский П.О. Физические и нравственные элементы северо-западных губерний России // Вестник Западной России. – Вильно. – 1865. – Г. IV. – Кн. III. – Ч. 3. – С. 37–64.
21. Лапа В.В. Плодородие почв Республики Беларусь, проблемы и перспективы // Почвоведение и агрохимия. – 2010 – № 1. – С. 7.
22. Севергин В.М. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, технологіческие и другие примечания, учинённые во время проезда через оные в 1803 году... – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1804. – 168 с.
23. Tyszkiewicz K. Wilija i jej brzegi: pod względem hydrograficznym, historycznym, archeologicznym i etnograficznym. – Drezno: drukiem i nakładem Józefa I. Kraszewskiego, 1871. – XVI, 362 s.
24. Винокуров В.Н. Исследование засоренности почв каменистыми включениями и влияния их на поломки плужных лемехов // Лесной вестник. – № 3(86). – 2012. – С. 49–52.
25. Аникиевич К.Т. Сенненский уезд Могилёвской губернии: опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношениях, с картой уезда, схемой двух озёр и рисунками в тексте. – Могилёв: Губ. тип., 1907. – 149 с.
26. Kraszewski J.I. Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy. – Paryż: Nakładem J. K. Wilczynskiego, 1860. – 144 s.
27. Копытовских А.В., Коржич В.П. Исследование циклов урожайности зерновых культур // Модельные программы реструктуризации и реформирования экономики: материалы 3-й междунар. науч. конф., Минск, 23–25 июня 2005 г.: в 2 ч. – Минск: БГАТУ, 2005. – Ч. 1. – С. 177–183.
28. Опыт описания Могилёвской Губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях: в 3 кн. – Кн. 1 / Под ред. А.С. Дембовецкого. – Могилёв: Тип. губ. прав-я, 1882. – [6], 782, [2] с.
29. Massalski E.T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy: romans administracijny: W 5 częściach. Część 2. – Wilno: W Drukarni A. Marcinkowskiego, 1831. – 268 s.
30. Бобровский, П. О. Физические и нравственные элементы северо-западных губерний России // Вестник Западной России. – Вильно. – 1865. – Г. IV. – Кн. IV. – Ч. 3. – С. 1–17.
31. Севергин В.М. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учинённые во время проезда через оные в 1802 году... – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1803. – 225 с.

32. Булгак Я. Край дзіцячых гадоў / пер. з пол. мовы Т.Г. Вяршыцкай. – Мінск: Беларусь, 2004. – 415 с.
33. Gołębiowski Ł. Domy i dwory. – Warszawa: Druk. N. Gkücksberga, 1830. – [4], 296 s.
34. Gloger Z. Budownictwo drzewne i wyroby z drzewa w dawnej Polsce: w 2 t. – Warszawa: Druk Wl. Lazarskiego, 1907–1909. – T. 1. – 1907. – 383 s.
35. Gołębiowski Ł. Gry i zabawy różnych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincyach. – Warszawa: Druk N. Glücksberga, 1831. – 332 s.

Поступила 30.10.2025

FORMATION OF IDEAS ABOUT RATIONAL USE OF NATURAL RESOURCES IN AGRICULTURAL JOURNALISM OF BELARUS OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

S. SHYDLOUSKI
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article examines the process of forming ideas about rational nature management in the Belarusian agrarian journalism of the XIX century – present XX century. Based on the analysis of economic and statistical surveys of the era under study, the main sources of landowners' knowledge about rational management have been identified: scientific theory (primarily the concept of Albrecht Thaer), foreign experience. It is shown how the state of the region's natural resources was analyzed in journalism, and a discourse was formed about problems with soil fertility, crop failures, and waterlogging of territories. Rationalization measures proposed by contemporaries are considered: multi-field crop rotations, land reclamation, and agrotechnical innovations. The economic and socio-cultural obstacles to the widespread introduction of rational practices are shown. The study demonstrates that the formation of the concept of rational use of natural resources has become an important part of the discourse of agrarian modernization on Belarusian lands, reflecting the contradiction between theoretical concepts and real practices in landlords.

Keywords: *rational nature management, agricultural journalism, landowner estates, Albrecht Thaer, rational agriculture, agricultural modernization, environmental history.*

УДК 39.01(=161.3)+39.01(=172)](091) **DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-71-78**

АРХАІЗАЦЫЯ ВОБРАЗА БЕЛАРУСАЎ У ЭТНАГРАФІЧНАЙ ЛІТАРАТУРЫ XIX – ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ[1]

канд. гіст. навук, дац. Ю.І. ВНУКОВІЧ
(Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск)
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2037-8150

У артыкуле разглядаецца стварэнне і канструяванне вобраза старажытнасці беларусаў у этнаграфічнай літаратуры XIX – пачатку XX ст. Асаблівая ўвага надаецца фарміраванню стэрэатыпа аб наяўнасці "перажыткаў язычніцтва" ў народнай культуры беларусаў, на падставе чаго рабіліся высновы не толькі аб іх выключнай архаічнасці і першабытнасці, але і захаванні дахрысціянскіх "старажытнаславянскіх рыс". Навуковую вагу гэтаму наратыву надавала папулярная энвайраментальная тэорыя, калі прыродна-кліматычныя ўмовы ўсяляк накладваліся на фізічныя і духоўныя характарыстыкі беларусаў (асабліва палешукоў). Адносна нізкая мабільнасць насельніцтва Беларусі ў гэты гістарычны перыяд таксама разглядалася як сведчанне іх прыроджанага кансерватызму і патрыярхальнасці. У сваю чаргу цывілізацыйная адсталасць беларусаў і іх знаходжанне на "дзіцячай" стадыі развіцця тлумачыліся не столькі пражываннем у неспрыяльных прыродна-кліматычных умовах, колькі працяглай культурнай ізаляцыяй і гістарычнай адарванасцю ад рускіх, а таксама прыгнётам з боку палякаў і яўрэяў.

Ключавыя словы: *беларусы, этнічны вобраз, стэрэатыпізацыя, архаізацыя, імагалогія, этнаграфія, Расійская імперыя.*

> *"А что касается в частности Белоруссии, то мы, кажется, не далеко ушли от того времени, когда греки, эти носители цивилизации, были убеждены, что всякий белорусс обязательно должен один раз в год пробегать известное время по лесам в виде волка. Мы и теперь готовы представлять себе белорусса каким-то полудикарем, полузверем, живущим в лесу, и только наука, только правильное, систематическое изучение типа, характера и быта этого народа, а также самой страны, в которой он живет, может пролить истинный свет на эту темную страницу нашего народоведения и позволит со временем сделать какие-нибудь общие выводы и заключения."*
>
> ***М.А. Янчук*** [1, ч. II, с. 2].

Уводзіны. Характэрнай рысай айчыннай этнаграфіі і фалькларыстыкі з'яўляецца прыярытэтны зварот даследчыкаў да архаічных з'яў культуры, іншымі словамі – іх пераважная сфакусаванасць на праблемах мінулага, а не сучаснага і, тым больш, будучага. Беларускія даследчыкі, як правіла, аперыруюць даўніной, абмінаючы або зусім мала закранаючы праблематыку мадэрных змен, а ў кантэксце сённяшняга дня перадусім разглядаюць стан і ступень захаванасці тых або іншых элементаў вясковай культуры з пункту гледжання іх адпаведнасці "традыцыі", актуалізуючы такім чынам праблему аўтэнтычнасці як галоўную даследчую праблему. Такі стан рэчаў найперш абумоўлены той навуковай спадчынай і тэарэтычнай парадыгмай, якая склалася ў савецкія часы ў межах эвалюцыянізму і гістарычнага матэрыялізму. Таксама немалаважную ролю працягвае адыгрываць устойлівы стэрэатып, сфарміраваны яшчэ ў этнаграфічным дыскурсе Расійскай імперыі, што беларусы, маўляў, ледзь не самы архаічны славянскі народ. Інструменталізаваны і ператвораны ў адзін з папулярных нацыянальных міфаў, ён міжволі змушае чарговыя пакаленні даследчыкаў штораз вышукваць у полі жывыя пацверджанні надзвычайнай старажытнасці і закансерваванасці беларускай этнічнай культуры[2].

Менавіта ў "доўгім XIX стагоддзі" пад уплывам ідэй рамантызму ў расійскім нарадазнаўстве склалася традыцыя разглядаць сялянства ў якасці асноўнага аб'екта даследавання, прыпісваючы яму захаванне старажытных (незакранутых вонкавымі ўплывамі) элементаў культуры і такім чынам архаізуючы яго, вылучаючы з сучаснасці і атаясамліваючы з гістарычным мінулым усяго народа. Так зразуметы "просты" народ выступаў своеасаблівым "жывым музеем", што захоўваў традыцыі і падмуркі гісторыі "да цывілізацыі", і "першабытнасць" якога патрабавала неадкладнага навуковага апісання [2, с. 456–457, 461].

Мэта артыкула – прасачыць, якім чынам у этнаграфічнай літаратуры XIX – пачатку XX ст. канструяваўся вобраз архаічнасці беларусаў. Крыніцамі для такога даследавання з'яўляюцца этнаграфічныя апісанні XIX – пачатку XX ст. (у першую чаргу, працы П.М. Шпілеўскага, А. Кіркора, Ю. Крашэўскага, С.В. Максімава, Дз.Г. Булгакоўскага, М.А. Янчука, М.В. Доўнар-Запольскага, А.Я. Багдановіча і інш.), у якіх сцвярджалася культурная самабытнасць беларусаў, што непазбежна была звязана з прыпісваннем ім стэрэатыпных рыс і ўласцівасцей[3].

---

[1] Публікацыя падрыхтавана ў рамках выканання праекта БРФФД "Беларусы і Беларусь у візуальных рэпрэзентацыях другой паловы XIX – пачатку XX ст.: фарміраванне традыцыі" (дагавор № № Г25-030 от 02.05.2025 г.).

[2] Не абвяргаючы факта суіснавання архаікі і сучаснага ў мясцовых рэаліях, зазначым, што рабіць гэта з кожным годам усё цяжэй.

[3] М.В. Лескінен вылучае дзве разнавіднасці такога кшталту стэрэатыпаў. Па-першае, гэта стэрэатыпы ўласна этнаграфічнай навукі (класіфікацыі, іерархіі ўласцівасцей, уяўленні пра стадыяльнасць развіцця народаў і інш.), калі нарматыўнасць акта

Тэма стэрэатыпізаванага вобраза беларусаў, як звонку прыпісанага і ідэалагічна матываванага канструкта, што склаўся ў этнаграфічнай літаратуры XIX – пачатку XX ст., дагэтуль не знайшла свайго належнага адлюстравання ў гістарыяграфіі. Можна згадаць Э. Мазько, які спрабаваў разгледзець стэрэатып “сярмяжнага беларуса, неразвітага і адсталага” ў якасці прыкрага прыкладу каланіяльнай спадчыны [4], а таксама Н.Л. Бахановіч, якая на падставе апазіцыі *свой – чужы* асобную ўвагу надала вобразу беларуса, што склаўся ў шматмоўнай мастацкай літаратуры XIX ст. [5, с. 115–128]. Эвалюцыю вобраза палешука ў польскім нарадазнаўчым дыскурсе XIX ст. разгледзела Г. Энгелькінг [6; 7]. Для кампаратывісцкага вывучэння стэрэатыпізацыі шэрагу этнічнасцей у народаапісаннях, публіцыстыцы і іканаграфіі Расійскай імперыі вялікае значэнне маюць працы М.В. Лескінен [2; 3; 8]. Аднак сістэматычнага аналізу этнаграфічных тэкстаў з мэтай высвятлення механізмаў архаізацыі вобраза беларусаў, наколькі вядома, спецыяльна не праводзілася.

Асноўная частка. Старажытнасць народа яшчэ з эпохі Адраджэння лічылася важным доказам яго аўтахтоннасці, культурна-лінгвістычнай пераемнасці і “гістарычных” правоў на тэрыторыю [3, с. 112]. Знакаміты італьянскі філосаф Джамбатыста Віка заўважаў, што народы заўжды імкнуцца прыпісаць сабе гісторыю больш старажытную, чым яна была ў сапраўднасці, і перанесці яе пачатак як мага глыбей у мінулае [9, с. 41–44]. Так нібыта ім надаецца больш велічы і сталасці. Апрача таго, распачаць аповед уласнай гісторыі ад моманту з’яўлення першых людзей азначае ўключыць сябе ў шырокі кантэкст чалавецтва, дзе праз параўнанне і супастаўленне з’яўляецца магчымасць ацэньваць і іерархізаваць асобныя народы.

Працы французскіх энцыклапедыстаў (Ш. Мантэск’ё, Ж.-Ж. Русо, К. Гельвецыя, Вальтэра), нямецкіх і англійскіх філосафаў (найперш І. Канта, Д. Юма, Ё.Г. Гердэра) заклалі падмурак новых уяўленняў аб вытоках этнічнай разнастайнасці, прынцыпах апісання, метадах даследавання плямёнаў і народаў. Успрыманне Асветніцтвам гісторыі ўвасобілася ў ідэі прагрэсу, вызначанага розумам і законам, што дазваляла выбудаваць выразную эвалюцыю і, як следства, іерархію дзяржаў і грамадстваў. Падзел народаў на цывілізаваных і нецывілізаваных (дзікіх) у некаторым сэнсе замяніў ранейшае супрацьпастаўленне хрысціян і нехрысціян, уключыўшы дадатковыя крытэрыі ідэнтыфікацыі, такія як наяўнасць грамадскай арганізацыі (вышэйшай формай якой аб’яўлялася дзяржава) і права. Гэтая агульная класіфікацыя стала ўніверсальнай, паколькі магла быць ужыта як у дачыненні да еўрапейскіх народаў, што ў той або іншай ступені ўваходзілі ў арбіту хрысціянскага свету, так і ў дачыненні да тых, прыналежнасць якіх да чалавечага роду выклікала сумневы. Такім чынам, уся разнастайнасць чалавечых супольнасцей магла быць размеркавана па стадыях. Увасабленнем гэтай стадыяльнасці стала атаясамленне жыцця чалавека з гісторыяй грамадства, метафарай – этапы жыццёвага цыклу [3, с. 38].

У XVIII – першай палове XIX ст. распачаўся працэс “вынаходніцтва нацый” і іх гісторый, у які актыўна ўключаліся ўяўленні пра “народныя традыцыі” і “гістарычныя карані”. У кантэксце Цэнтральна-Усходняй Еўропы ён меў сваю спецыфіку для “гістарычных” (якія мелі некалі сваю дзяржаву, але згубілі яе) і “негістарычных” (якія ніколі не мелі ўласнай дзяржавы) народаў. Згодна з Э. Гелнэрам, актывісты-абуджальнікі першых адпаведна патрабавалі “адраджэння” палітычнай адзінкі, якая некалі знікла ў выніку палітычных ці рэлігійных канфліктаў. Другія – стварэння новай адзінкі, неабходнасць якой абгрунтоўвалася толькі культурнай своеасаблівасцю дадзенай тэрыторыі, але не гістарычным прэцэдэнтам. Пры гэтым, як адзначае тэарэтык нацыяналізму, адрозненне паміж гэтымі выпадкамі не настолькі прынцыповае, як гэта прынята часам лічыць. І для тых, і для тых у Цэнтральна-Усходняй Еўропе была характэрна “этнаграфічная” фаза развіцця, калі нацыянальныя культуры ствараліся не ў апазіцыі да мясцовай народнай культуры (як на захадзе Еўропы), а на яе падставе. Як піша Э. Гелнэр: “Вядомае адрозненне гістарычных і негістарычных нацый не мае пры гэтым асаблівай ролі, бо не так ужо і важна, ці была дадзеная дыялектная група ў мінулым звязана з палітычнай адзінкай і з культурай сваёй арыстакратыі ці такой сувязі не існавала. Гэта можа паўплываць толькі на характар ствараемай нацыянальнай міфалогіі. Так, чэхі ці літоўцы могуць аддавацца ўспамінам пра сваё слаўнае сярэднявечнае мінулае, а эстонцы, беларусы або славакі не маюць такой магчымасці. У іх распараджэнні – толькі сялянскі фальклор ды апавяданні пра высакародных разбойнікаў, але няма жыццеапісанняў манархаў і пераможных заваёўных эпапей. Зрэшты, гэта не мае вялікага значэння” [10, с. 191–192].

Трэба адзначыць, што “этнаграфічная” фаза нацыянальнага развіцця беларусаў знаходзілася пад моцным уплывам расійскага імперскага этнаграфічнага наратыву, калі асноўныя стэрэатыпы ўсходнеславянскіх народаў упісваліся ў навукова абгрунтаваную ідэалагічную канцэпцыю адрознівання іерархічных статусаў “малодшых” галін “рускага народа” (гэта значыць “маларусаў” і “беларусаў”) і іх “культурнага”, “цывілізаванага” “старэйшага брата” (гэта значыць “велікарусаў”), які быў адукаваны і знаходзіўся на іншай ступені гістарычнага развіцця[4]. Адпаведна гэтай канцэпцыі, “малодшы” застаўся ў мінулым, быў паглыблены выключна ў сялянскі і правінцыйны побыт, захоўваючы такім чынам вернасць старадаўняму ладу і нормам жыцця. У гэтым, на думку М.В. Лескінен, выяўляліся і перавагі “малодшых братоў”: яны захоўвалі ўласцівасці дзіцячай несапсаванай натуры,

апісання скажае ўспрыманне яго аб’екта і вызначае формы гэтага скажэння. Па-другое, гэта сацыяльныя стэрэатыпы і ўяўленні саміх назіральнікаў, якія экстрапалююць уласнае бачанне і “свайго”, і “чужога” на ўсю этнічную супольнасць [3, с. 326]. Пры гэтым ні першыя, ні другія не ёсць кангруэнтныя народным уяўленням пра “чужое”.

[4] Менавіта ў гэты час, як адзначае А.Я. Леўкіеўская, канчаткова сфарміраваўся пункт гледжання на ўкраінца з боку рускага як погляд зверху ўніз (гэта значыць, як “старшага”, “цывілізаванага”, “культурнага” на “малодшага”, “нецывілізаванага”, “некультурнага”) [11, с. 158].

прастадушнасць і цнатлівасць. Іх "чысціня" суадносілася з прыроднай патрыярхальнай натуральнасцю і архаічна-ідэалізаванымі сацыяльнымі дачыненнямі [8, с. 17–18]. Адпаведна землі "малодшых братоў" разглядаліся як менш "цывілізаваныя" або ўвогуле дзікія, заселеныя хоць і блізкароднаснымі, але прымітыўнымі сялянамі, а ўвесь "Заходні край" – як перыферыя, што мела цьмяную мінуўшчыну і паспяховае будучае якой цалкам залежала ад культуртрэгерскай дзейнасці імперскага цэнтра [4, с. 401].

Ад самага пачатку беларусы ў этнаграфічнай літаратуры XIX – пачатку XX ст. апісваліся як народ, што захаваў у сваёй народнай культуры вялікую колькасць **"перажыткаў язычніцтва"**. Асаблівы ўклад у такое іх уяўленне зрабілі прыхільнікі міфалагічнай школы[5], якая сфарміравалася пад уплывам ідэй рамантызму і кірунак якой у этнаграфіі і фалькларыстыцы ў першай палове і 60 – 70-я гг. XIX ст. быў пануючым. Яе прадстаўнікі (П.М. Шпілеўскі, А. Кіркор, П.А. Бяссонаў, П.В. Шэйн і інш.) адыгралі важную ролю ў актывізацыі збірання і вывучэння фальклору, этнаграфічных матэрыялаў, росце цікавасці да народнай культуры.

Адным з першых папулярызатараў і даследчыкаў беларускай народнай культуры, які ў сваёй творчасці стварыў багата стэрэатыпаў пра яе, быў П.М. Шпілеўскі. Ужо ў першай публікацыі "Белорусские народные предания" (1846) у духу міфалагічнай школы ён выказаў ідэю пра выключную архаічнасць беларускага фальклору, які бярэ свае пачаткі наўпрост "ад часоў язычніцтва": *"В простом народе Белорусских Губерний можно находить много обычаев, игрищ, обрядов, поговорок, которые ведут свое начало от времен язычества. Нельзя не удивляться, как могли сохраниться самые песни (многие) без всякого изменения: трудно найти в них какую-нибудь перемену не только в мыслях, но даже в словах"* [13, с. 5–6]. Патрыятычна настроены ўраджэнец Беларусі актыўна прасоўваў думку, што вераванні ў старажытнарускіх язычніцкіх багоў з "асаблівай дакладнасцю" захаваліся "па рэках Прыпяці, Сожы і, часткова, па Заходняй Дзвіне, гэта значыць у губернях Мінскай, Магілёўскай, часткова – у Кіеўскай, Віцебскай і часткова – у Чарнігаўскай" [13, с. 5–6], бо нібыта *"нынешняя Белоруссия некогда была главным сердцем славяно-русских языческих верований"* [14, с. 72]. Гэтых багоў, маўляў, уяўлялі ў наглядных вобразах; у іх пераапраналіся ў час свят і абрадаў, да іх звярталіся ў песнях, іх імёны згадвалі ў прыказках і прымаўках. Многія палажэнні і выказванні аўтара, якія з навуковых пазіцый былі крытычна разабраны і развянчаны толькі ў пачатку XXI ст. [15, с. 246–250; 16, с. 311–312], шматразова пераказваліся і дапаўняліся ў наступных сачыненнях па славянскай міфалогіі.

На думку А.Я. Леўкіеўскай, галоўнай задачай П.М. Шпілеўскага, які, як і многія іншыя тагачасныя аўтары, арыентаваўся ў сваіх даследаваннях на антычную мадэль свету, было зацвердзіць "паўнавартаснасць" уласнага народа шляхам стварэння і вынаходніцтва "паўнавартаснага" беларускага міфалагічнага пантэона, які нічым бы не саступаў старажытнагрэчаскаму эталону[6] [16, с. 313]. Гэта азначае, што пабудаваныя ім гістарычныя сувязі, даследчыцкія гіпотэзы арыентаваліся не столькі на спасціжэнне ісціны, колькі на міфалагізаваныя версіі мінулага, у якіх глыбіня старажытнасці народа з'яўляецца сувымернай самабытнасці яго народнай культуры [18, с. 102].

Не будзе перабольшваннем сцвярджаць, што менавіта П.М. Шпілеўскі, творы якога актыўна чыталіся і цытаваліся як прафесійнымі даследчыкамі, так і папулярызатарамі беларускай народнай культуры і міфалогіі, паўплываў на стварэнне ўстойлівага стэрэатыпа, што *"ни одна полоса громадной России не может похвалиться таким обилием народных чар, заговариваний, суеверий и предрассудков, каким славилась Белоруссия"* [19, с. 59–60]. Напрыклад, шырока паведамленнямі П.М. Шпілеўскага карыстаўся А. Кіркор, які ў нарысе пра перажыткі язычніцтва ў Беларусі працягнуў развіваць яе вобраз як краіны *"богаче всех других славянских земель мифологическими преданиями и песнями, которые поются тысячи лет, хотя некоторые уже с христианским оттенком, но коих главное содержание и, большею частью, даже самые выражения несомненно относятся ко временам язычества"* [20, с. 251].

Яшчэ адзін аўтар этнаграфічных нарысаў пра беларусаў, што ў тым ліку ўвайшлі ў багата ілюстраванае навукова-папулярнае выданне "Живописная Россия", С.В. Максімаў[7] з імперскіх пазіцый катэгарычна адмаўляў

---

[5] Асноўныя палажэнні міфалагічнай школы распрацавалі браты Я. і В. Грым, А. Кун (Германія), М. Мюлер (Англія). Яны разглядалі вераванні, паданні, песні, казкі, легенды і інш. як рэшткі старажытнага, т. зв. міфалагічнага светапогляду, які нібыта быў заснаваны на ўвасабленні нябесных з'яў – сонца, месяца, хмар, грому і інш. Гэтыя ўвасабленні, на іх погляд, былі багамі, якім пакланяліся. Меркавалі, што з цягам часу такая рэлігійна-міфалагічная сістэма пачала разбурацца і ранейшыя багі ператварыліся ў казачных персанажаў (жывёл, людзей і інш.). На думку тагачасных вучоных, рэшткі першабытнага міфалагічнага светапогляду захаваліся ў народных звычаях і абрадах, сутнасць якіх часта тлумачылі памылкова. Пад уплывам міфалагічнай школы ў расійскім нарадазнаўстве другой паловы XIX ст. адбыўся рэзкі часовы зрух, калі, па словах А.Л. Тапаркова, "фальклорныя тэксты, што запісваліся ў Расіі таго часу, праецыраваліся ў дагістарычную старажытнасць, паэтычная вобразнасць фальклору атаясамлівалася са зместам архаічнай міфалогіі, а мысленне рускіх сялян збліжалася з мысленнем першабытнага чалавека" [12, с. 39].

[6] Дадамо, што яшчэ адным эталонным увасабленнем народнай міфалогіі для мясцовых (асабліва польскамоўных) даследчыкаў успрымалася старажытная міфалогія суседніх літоўцаў, распрацаваная і рэканструяваная на падставе разнастайных (у тым ліку даволі сумніўных) гістарычных крыніц у працах Т. Нарбута. Наяўнасць пісьмова зафіксаванай міфалогіі ў літоўцаў, апісанай і легітымізаванай прызнаным аўтарытэтам, стварала ўражанне, што суседнія беларусы, як адзначаў А. Кіркор, *"гораздо беднее литовцев преданиями историческими и даже мифологическими"* [17, с. 160].

[7] Максімаў Сяргей Васільевіч (1831–1901) – рускі пісьменнік і этнограф, адзін з удзельнікаў (што адказваў за вывучэнне беларусаў) статыстычна-этнаграфічнай экспедыцыі ў заходнія губерні Расійскай імперыі, арганізаванай Рускім геаграфічным таварыствам у 1867 – 1871 гг., аўтар шматлікіх этнаграфічных нарысаў пра беларусаў.

беларусам у цывілізаванасці, апісваючы іх выключна ў духу энвайраментальнай тэорыі як "першабытных" насельнікаў "дзікай" ускраіны, што засталіся жыць у "язычніцкай эпосе": *"Белоруссы в крайней уединенности своей являются тем в высшей степени интересным и поучительным племенем, в котором почти все первобытно: пища, жилище, одежда и миросозерцание. По одним бытовым признакам для них как бы еще не наступил железный век и они живут в каменном периоде, по другим – они несомненно принадлежат языческой эпохе"* [21, с. 212]. Пры гэтым беларусы, нягледзячы на свой статус хоць і "няўдачлівага, але спрадвечнага і выключнага" земляробчага народа[8], выносіліся ім на перыферыю хрысціянства, дзе вялі сваю барацьбу за ўплыў праваслаўная і каталіцкая канфесіі, што і дало магчымасць, на думку этнографа, лепш захаваць старажытныя вераванні, на падставе якіх фактычна можна было рэканструяваць "старажытную язычніцкую славянскую веру":

> *В белоруссе находим яркие и цельные черты до-христианского культа разлитыми в таком изобилии, что по народным поверьям, суевериям и предрассудкам, можно рассчитывать приблизительно восстановить древнюю языческую славянскую веру. Обилие цельных образов древних божеств с их определенными и раздельными чертами, с собственными племенами и очевидными пунктами и временами их деятельности; избыток в значительном большинстве обрядовых приемов, основанных на опыте, изучении и наблюдениях над вещественною природою, – все это выделяет белорусса из ряда вон. Что полузабыто или совсем утрачено в Великой России, – в Белоруссии сохраняется в цельном и нетронутом виде.*
>
> *Эта цельность племени, под шумок борьбы двух христианских исповеданий, разрешившихся обезличенною унией, всего богаче отразилась в сохранении им самого главного достояния народа – его древней веры* [23, с. 310; гл. таксама 24, с. 454].

Стэрэатып беларусаў як народа, у культуры якога захоўваюцца шматлікія "рэшткі язычніцтва", працягвалі развіваць і трансляваць іншыя даследчыкі (у тым ліку тыя, аўтарытэт якіх у тагачаснай навуцы быў небеспадстаўна высокі)[9]. Цікава, напрыклад, адзначыць, што ў сярэдзіне 1860-х гг. П.В. Бабpоўскі, палемізуючы з Р.Ф. Эркертам наконт этнічных прыкмет беларусаў, прапанаваў разглядаць у якасці адной з такіх народную міфалогію (sic!), якая разам з мовай суправаджала беларусаў "ад калыскі да магілы":

> *У белоруссов, независимо от веры во Христа и притом безразлично по греческому или латинскому обряду, остаются еще глубокие верования в некоторые естественные явления, как в нечто необыкновенное, предубеждения, вера в колдовство и чародейство; – в этом независимо от Евангелия заключается их книга судеб, их мораль, загадка и разгадка их существования.*
>
> *Исполняя все христианские обряды как бы бессознательно, белорус, я говорю о большинстве – о крестьянах, будь он православный или католик, имеет свои убеждения, свою нравственную философию и передает все это вместе с языком своим детям и внукам. Это суеверие, упругое, неподатливое для просветительских начала церкви, перенося белоруса в особый мир чар и злых духов, сопутствует ему от колыбели до могилы и всегда неразлучно с его языком; в этом то и надобно искать племеннаго разграничения здешних славян* [26, с. 16–17].

У пачатку ХХ ст. пальма першынства па захаванні "слядоў язычніцкіх культаў і вераванняў" сярод іншых народаў Расійскай імперыі, па словах М. Доўнар-Запольскага, усё яшчэ належала беларусам (*"Повсеместно в России еще сохраняются в большей или меньшей степени следы языческих культов и верований. Но белоруссу в этом отношении бесспорно принадлежит первенство"* [27, с. 158]). Нядзіўна, што беларусы з цягам часу таксама сталі разглядацца ў нарадазнаўчай літаратуры ХІХ – пачатку ХХ ст. як прасякнуты *"простотою"* народ, што найлепей захаваў не толькі "рэшткі язычніцтва", але і ўвогуле "побыт старажытных славян":

> *Так в современном быте белоруссов отличающемся совершенною простотою, можно видеть быт древних славян. Века прошли с тех пор как белоруссы образовали отдельный народ, а между тем и в ведении домашняго хозяйства, и в постройке изб, и в языке все у них обстоит так, как обстояло во времена древние, до христианские. Тою же простотою и стародавностию проникнуты их нравы и обычаи* [28, с. 35].

Такой думкі прытрымліваўся ўжо П.М. Шпілеўскі, калі пісаў, што беларусы дагэтуль жывуць *"жизнью древнерусскою, простою, необразованною; говорят тем же языком славяно-русским, на котором некогда говорили первобытные русские-славяне, жившие отдельными племенами, составлявшими одну и единую Русь!.."* [14, с. 71–72]. Гэты наратыў пра закансерваваных па-за часам беларусаў, якія зберагаюць "чысціню" старажытнаславянскага тыпу, без асаблівых змен паўтараўся ў іх этнаграфічных апісаннях аж да пачатку ХХ ст. Так, апісваючы паўночна-заходнюю частку Слуцкага павета Мінскай губерні, С.А. Малевіч у 1907 г. пісаў, што *"<...> белорусская деревня описываемого района в наши дни очень немного, в сущности, переросла эпоху деревянного (sic!) века, сохранившись до сих пор почти при таких условиях в таком виде, как и во времена Владимира Святого"* [29, с. 1].

Пры гэтым найбольш архаічнай галіной беларусаў маляваліся палешукі. Рамантычная канцэпцыя народнасці трактавала палешука як носьбіта "старажытнай", "чыстай", "роднай" славянскай культуры [6, с. 158]. Як пісаў выдатны знаўца Палесся І. Эрэміч, дапытлівага даследчыка славян проста не магла не ўразіць сапраўдная *"цвіль старажытнасці"*[10] побыту палешукоў:

---

[8] Напрыклад, С.В. Максімаў, у нейкай ступені супярэчачы сам сабе, сцвярджаў, што *"в первобытные леса свои славяне белорусского племени и имени несомненно пришли не дикарями, а земледельцами, с готовым знанием, уменьем, сноровкою, – словом, с тем, что мы привыкли называть по-иностранному индустрией"* [22, с. 138].

[9] Рэдкае выключэнне – І.І. Насовіч, які з пазіцый праваслаўнага верніка даволі крытычна ацэньваў наяўнасць *"у белорусских простолюдинов признаков остатка древняго славянскаго язычества"* [25, с. 51].

[10] Такое азначэнне (як і тэрміны "перажыткі", "рэшткі") добра адлюстроўвае тое, што катэгорыя "старажытнасці" / "даўніны" ў працах этнографаў ужывалася найперш у дачыненні да старых форм і з'яў сялянскай культуры, што, як лічылася, амаль у нязменным выглядзе захаваліся з глыбокага мінулага.

Прежде всего внимание наблюдателя поражает та, так сказать, плесень древности, которою окаймлен весь бытовой склад полешуков-белорусов. Века пролетели над ними, почти не задев их своим разрушительным крылом. И в ведении домашнего хозяйства, и в постройке изб, и в языке, и даже в нравах и обычаях – все обстоит так, как обстояло во времена дохристианские, – прибавилось несколько верований христианства, не совсем вытеснившего остатки язычества, – несколько слов и акцента в говоре, заимствованных из севера России, или от Литвы и Польши, несколько прилипших к греко-русскому православию от унии наростов, – вот и все, что пристало к старине полешука-белоруса; все прочее, словно в окаменелом виде, сбережено доселе неприкосновенно, в течении тысячелетия. <...> Словом: кто хочет изучать тип древнеславянский, во всем его доисторическом характере, тот пусть отправится для этой цели в села и деревни полеские, затерянные, можно сказать, для человечества между лесами и болотами [30, с. 130][11].

Як адзначае Г. Энгелькінг, палеская культура паўстае ва ўяўленні нарадазнаўцаў XIX ст. як скамянелая архаіка; больш за тое, камунікацыйная недаступнасць і геаграфічная ізаляванасць трактуецца як апраўданне "старажытнасці" гэтага краю, якая яму прыпісваецца [6, с. 158].

Вялікі палескі край <...> быў калі не арганічным, дык прынамсі геаграфічным цэнтрам Славяншчыны. У глухіх пушчах і багнах менш давалася ў знакі панаванне чужынцаў; рэдка і нядоўга яны там гасцявалі. Славянскасць, з усіх бакоў акружаная пагрозамі, знайшла прытулак у месцах, дзе дасюль яшчэ хаваецца старажытны зубр [32, s. 4].

На Палессі <...> народ захаваў першасны тып славянскага племені і ў фізічнай знешнасці, і ў адвечных сваіх звычаях, традыцыях і нацыянальных песнях. Тут меней чым дзе бачныя сляды ўплыву чужой пляменнасці, якая ў іншых месцах сказіла першаўзор славяніна. <...> Захаваліся ў іх разнастайныя чары і звычаі, што выконваюцца ў хатніх і іншых умовах сялянскага жыцця [32, s. 62, 66–67].

Асаблівы ўплыў на фарміраванне ўяўлення пра палешукоў (і беларусаў у цэлым)[12] як "першабытных" насельнікаў "дзікага" краю зрабіла энвайраментальная тэорыя, якая звязвала культурныя, фізічныя і псіхічныя рысы народаў з прасторай іх пражывання. Уласцівая эпосе парадыгма геаграфічна-прыроднага дэтэрмінізму, вядомая з старажытнасці[13], у XIX ст. замацавалася ў навуцы з падачы нямецкага географа Карла Рытэра. Паводле яго, там, дзе маем справу з ізаляванай, "дзікай", непадуладнай спробам чалавека цывілізаваць яе, прыродай, там функцыянуе падобная, "неасвечаная", "прымітыўная" культура, там захоўваецца найболей архаікі ў нескажоным стане [6, с. 155]. Таму нядзіўна, што фізічныя і духоўныя якасці беларусаў у працах па этнаграфіі, якая ў XIX ст. з'ўлялася арганічнай часткай геаграфіі, а не гісторыі, усяляк прыпадабняюцца кліматычным і прыродным асаблівасцям прасторы іх пражывання. Так, адзін з найбольш яскравых прадстаўнікоў ідэй геаграфічнага дэтэрмінізму ў расійскай этнаграфіі XIX ст. С.В. Максімаў у кнізе "Дремучие леса, или Рассказ о диких народах, населяющих русские леса" з паказальным эпіграфам *"Якая прырода – такія і людзі"* наўпрост праектаваў "нездаровыя, балоцістыя лясы Заходняй Расіі" на вонкавы выгляд і здароўе мясцовага насельніцтва[14] [35, с. 74]. Гэтаксама ў польскім нарадазнаўстве таго часу, як паказала Г. Энгелькінг, пазбаўлены чалавечай годнасці паляшук разглядаецца ў апазіцыі да энергічнага "самавітага" і "кемлівага" польскага, літоўскага і валынскага вяскоўца, жыве разам з быдлам, дзікі, як і яго край, поўны непралазных багнаў, глухіх пушчаў і неўрадлівай зямлі, "залічаны ў інвентар", бо дзікасць прыроды вызначае пэўную "жывёльнасць" чалавека; у апазіцыях *прырода – культура, дзікунства – цывілізацыя, нечалавек – чалавек* паляшук знаходзіцца на іх левым, негатыўным полюсе [6, с. 156].

Яшчэ адным сведчаннем архаічнай першабытнасці і патрыярхальнай чысціні беларусаў разглядалася іх выключная прывязанасць да радзімы, якая, між іншым, дала падставу С.В. Максімаву вызначыць беларусаў як выключна **"дамаседлівае племя"** [23, с. 299]. На яго думку, існавала простая заканамернасць, калі ў Беларусі *"старинная народная жизнь сохранилась цельнее и языческие верования мало поколебались и отлично сберeглись благодаря изумительному домоседству жителей и уединяющему географическому положению"* [37, с. 262]. Калі ж С.В. Максімаў лічыў, што беларус, які *"упорно уселся на месте и не двигался"*, стаў дамаседам, бо павінен быў моцна трымацца за зямлю, *"как за последнюю свою надежду и защиту"* [23, с. 299], то А.Я. Багдановіч сцвярджаў, што дамаседства ў беларусаў развілася ў выніку застою: *"Белорус так долго предавался застою, что в нем развилось домоседство, неподвижность (даже отхожих промыслов не развил, хотя потребность в них, конечно, чувствовалась), а отсутствие ознакомления с чужим мешало улучшению своего"* [36, с. 1].

Метафарычна цывілізацыйная адсталасць беларусаў у расійскім этнаграфічным наратыве XIX – пачатку XX ст. у катэгорыях узросту маркіравалася паняццем *"младенческого народа"* (з прыпісваннем яму адпаведных

[11] Гл. таксама падобнае выказванне Дз.Г. Булгакоўскга пра *пінчукоў* [31, с. V–VI].

[12] Акцэнт на неспрыяльных прыродных умовах культурнай айкумены беларусы, што абумовілі асаблівасці іх "вонкавага" (матэрыяльнага) і "ўнутранага" (духоўнага) жыцця, характэрны бадай для ўсіх этнаграфічных апісанняў XIX – пачатку XX ст.

[13] У сярэднявечнай Еўропе з дапамогай энвайраментальнай і гумаральнай тэорый звычайна растлумачваліся культурныя, фізічныя і псіхічныя асаблівасці насельніцтва краін па восі *поўнач – поўдзень* (жыхароў, адпаведна, суровага і спрыяльнага для чалавека клімата). Як паказала К. Віда, ідэі эсэнцыялізацыі народаў у залежнасці ад навакольнага асяроддзя давалі зручныя палітыка-рытарычныя аргументы на карысць іх праваой і тэрытарыяльнай каланізацыі і падначаленасці [33, с. 96–147].

[14] Не менш паказальны ў гэтым плане адваротны прыём параўнання "прыроднага" і "культурнага", якім скарыстаўся Ю. Крашэўскі пры апісанні палескай прыроды: "Уявіце сабе лес трыснягу, сплеценага і звязанага, як валасы ў пінскім каўтуне, і гэты лес бязмежны, як мора, перасечаны толькі дзе-нідзе рэчышчам ракі, якая вузенька, нібы з вялікага дазволу, працякае праз гушчары чароту" [34, s. 143].

уласцівасцей і якасцей, напрыклад, *“младенческого воображения”*), што вынікала з агульнай пазіцыі імперскага цэнтра разглядаць падначаленыя народы, як ужо было адзначана, зверху ўніз – як “старшага” / “цывілізаванага” / “культурнага” на “малодшага” / “нецывілізаванага” / “некультурнага”. У межах гэтай каланіяльнай класіфікацыі апісваў беларусаў ужо П.М. Шпілеўскі, калі сцвярджаў, што яны ў сваім развіцці *“отстали во всем от своих великорусских братьев”* [14, с. 71]. Гэты тэзіс без належнага крытычнага асэнсавання транслявалі амаль усе рускамоўныя этнографы і публіцысты, якія апісвалі беларусаў, аж да XX ст. Напрыклад, навязаны звонку негатыўны вобраз беларусаў як “неразвітага” народа падхапіў А.Я. Багдановіч, які пісаў, што *“жизнь белоруса, и его творческая деятельность резко отмечены печатью неразвитости, отсталости, забитости”*, пра што нібыта сведчылі і народныя абрадавыя песні (у якіх няма *“того могучего лиризма, свидетельствующего о силе и свежести чувства, который так выгодно отличает великорусскую песню”* ды й увогуле – *“почти все они бледны, отрывочны, невыдержанны, отзываются какой-то пришибленностью творчества, духовной бедностью”*, а *“мелодии их, по-видимому, еще беднее содержания”*), і беларускія казкі (*“опять таки, хотя и многочисленны, но, как и песни, бедны по содержанию”*), і абрады, якія суправаджаюць жыццё беларуса “ад калыскі да смерці” (*“эти окаменелости прошлой действительности, – или крайне дики с точки зрения цивилизованного человека, или грубо фетишистичны, <...> они свидетельствуют о сравнительно невысоком уровне умственного развития”*), і нават беларуская мова, якая *“гораздо беднее словами для обозначения отвлеченных понятий, чем великорусский народный язык, и даже уступает в этом отношении малорусскому”* і г.д. [36, с. 1–12].

У гэтым выпадку стадыяльнае адставанне беларусаў абгрунтоўвалася ўжо не столькі іх пражываннем у неспрыяльных прыродна-кліматычных умовах, колькі працяглай культурнай ізаляцыяй і гістарычнай адарванасцю ад рускіх, а таксама іх няшчаднай эксплуатацыяй іншаканфесійнымі “элементамі” (гэта значыць палякамі і яўрэямі) [8, с. 18]. Уладай апошніх у краі растлумачвалася скрайняя беднасць і агульная занядбанасць побыту беларусаў, сімвалічнай адзнакай чаго ў этнаграфічных працах стала *курная хата*[15]. Беларусы маляваліся “цёмнай” сялянскай масай, якая, трапіўшы пад польска-каталіцкі ўплыў, фактычна цалкам спыніла сваё самастойнае развіццё. Пры гэтым пасіўнасць і нерашучасць беларуса, вынесенага па-за межы “сапраўднай”, гэта значыць імперскай гісторыі, супрацьпастаўляліся актыўнасці і жыццяздольнасці рускага:

> *Не призванный силою исторических обстоятельств, подобно великоруссу, к более живой и активной деятельности, от природы неглупый и смышленый, но нерешительный и довольно апатичный, белорус очень мало ушел вперед в сравнении со своим великорусским собратом. Проводя всю свою тяжелую безпросветную жизнь на своей полоске, в закоптелой хате, вдали от действительной, более широкой и сознательной жизни, он и в наше время всецело проникнут косными взглядами своих дедов, полон различных грубых суеверий, нелепых предрассудков и младенческой веры в роковую неизбежность* [29, с. 3].

Паводле С.В. Максімава, хоць беларус і меў некалісьці свае гарады, але ўсе яны *“стоят в том же недоразвитом состоянии, как и самыя деревни, и что всего знаменательнее и печальнее: с ними утрачена всякая связь деревни”*. Тым не менш, яны ўказваюць на тое, што *“страна с ее коренным населением некогда двигалась вперед по пути цивилизации, но была остановлена. Если не пошла она обратным путем, во всяком случае осталась со множеством первобытных недоразвитых форм”* [23, с. 309].

У канцы XIX – пачатку XX ст. некаторыя этнографы сталі звяртаць крытычную ўвагу на ганебную “пячатку тэндэнцыйнасці”, якая “ляжыць на амаль усіх працах, што тычацца вывучэння Беларусі” [1, с. 3–4]. Такі стан рэчаў яны па-пазітывісцку тлумачылі палітычнай спадчынай 1860-х гг., калі *“русские публицисты изо всех сил старались представить белоруссов самым несчастным, самым угнетенным народом в мире для того, чтобы показать, как тяжело отразилось в крае господство польских помещиков и евреев”* [27, с. 157–158]. Аднак працягваючы па інэрцыі апісваць беларусаў як “малодшага брата”, пераасэнсаваць стэрэатып іх прыроднай архаічнасці і першабытнасці так і не змаглі.

Заключэнне. Такім чынам, сцвярджэнне аб архаічнасці беларусаў у этнаграфічнай літаратуры XIX – пачатку XX ст. было заснавана найперш на выяўленні “старажытных” элементаў у іх сялянскай культуры, што класіфікаваліся як “перажыткі язычніцтва”. Пры гэтым прыналежнасць беларусаў, вынесеных на перыферыю хрысціянства, да “язычніцкай эпохі” ў расійскім нарадазнаўстве канцэптуалізавалася не толькі ў ідэі іх выключнай старажытнасці і першабытнасці, але і найлепшай захаванасці ў іх культуры дахрысціянскіх “старажытнаславянскіх рыс”. Энвайраментальная тэорыя, пад моцным уплывам якой знаходзілася этнаграфічная навука на працягу ўсяго XIX ст., надавала яшчэ большую вагу гэтаму наратыву, калі прыродна-кліматычныя ўмовы і геаграфічная ізаляванасць рэгіёна ўсяляк накладваліся на фізічныя і духоўныя якасці беларусаў (і асабліва палешукоў). Параўнальна нізкая мабільнасць жыхароў Беларусі ў гэты час таксама разглядалася ў якасці доказу іх выключнай кансерватыўнасці і патрыярхальнасці. Пры гэтым агульнае цывілізацыйнае адставанне беларусаў і знаходжанне іх на “дзіцячай” стадыі развіцця тлумачылася не столькі пражываннем у неспрыяльных прыродна-кліматычных умовах, колькі працяглай культурнай ізаляцыяй і гістарычнай адарванасцю ад рускіх, а таксама прыгнётам з боку палякаў і яўрэяў.

Сканструяваны прадстаўнікамі расійскай этнаграфіі вобраз старажытнасці беларусаў, які рэзка вылучаў іх на фоне “цывілізаваных” суседзяў, з аднаго боку, садзейнічаў іх далейшай эсэнцыялізацыі, як “самага забітага” народа ў Расійскай імперыі; з другога, непрадбачанага боку – дазваляў інтэрналізаваць і інструменталізаваць гэты наратыў у беларускім нацыянальным міфатворчым дыскурсе як сведчанне ўласнай архаічнасці і спрадвечнасці.

---

[15] Квінтэсэнцыяй такога ўспрымання курной хаты з’яўляецца апісанне жылля беларусаў, зробленае С.В. Максімавым, дзе ён разглядае яе ў якасці *“третьей степени первобытных форм после землянки и наземнаго шалаша”* [23, с. 308–309].

ЛІТАРАТУРА

1. Янчук Н. По Минской губернии (заметки из поездки в 1886 году). – М.: Тип. А. Левенсон и Ко, 1889. – 130 с.
2. Лескинен М.В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. – М.: Индрик, 2016. – 680 с.
3. Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. – М.: Индрик, 2010. – 368 с.
4. Мазько Э.А. Стэрэатыпы беларуса і Беларусі ва ўяўленні рускіх і «западно-руссов» у пачатку XX стагоддзя // Культура, наука, образование в современном мире: материалы V Междунар. науч. конф.; редкол.: Л.Л. Мельникова [и др.]. – Гродно, 2011. – С. 400–405.
5. Бахановіч Н.Л. Абліччы іншага ў шматмоўнай літаратуры Беларусі XIX стагоддзя / навук. рэд. І.М. Запрудскі. – Мінск: Белар. навука, 2022. – 305 с.
6. Энгелькінг Г. «Паляшук» у нарадазнаўчым дыскурсе. Эскіз да партрэта паводле Ludu Кольберга // Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні. – Мінск, 2017. – Вып. 4. – С. 150–163.
7. Энгелькінг Г. Паляшук дэгуманізаваны. Польскае стаўленне да Палесся ў святле міфа // Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні. – Мінск, 2018. – Вып. 5. – С. 176–190.
8. Лескинен М.В. Этнокультурные стереотипы малорусов и белорусов в визуальных текстах российской культуры второй половины XIX века: проблемы интерпретации // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2022. – № 2. – С. 15–34. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu19.2022.202.
9. Вико Дж. Основания Новой науки: пер. с итал. – М.–К.: «REFL-book»–«ИСА», 1994. – 656 с.
10. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и классы // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 146–200.
11. Левкиевская Е.Е. Этнокультурныя и языковой стереотип украинца в русском сознании // Украина и украинцы: Образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии / Под. ред. Е.Ю. Борисенок, С.С. Лукашовой. – М., 2008. – С. 154–176.
12. Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. – М.: «Индрик», 1997. – 456 с.
13. Древлянский. Белорусские народные предания // Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. – 1846. – Кн. 1. – С. 3–25.
14. Шпилевский П.М. Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических поверьях // Пантеон. – 1853. – Т. VIII, кн. 4. – С. 71–96.
15. Топорков А.Л. О «Белорусских народных преданиях» и их авторе // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. – М.: Ладомир, 2002. – С. 245–254.
16. Левкиевская Е.Е. Механизмы создания мифологических фантомов в «Белорусских народных преданиях» П. Древлянского // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. – М.: Ладомир, 2002. – С. 311–351.
17. Киркор А. Этнографический взгляд на Виленскую губернию // Этнограф. сб. – СПб., 1858. – Вып. 3. – С. 115–276.
18. Кошман П.Р. Традыцыя літаратурнай міфатворчасці як аснова канструявання вобраза Беларусі ў навукова-папулярных нарысах П. Шпілеўскага // Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна. – 2014. – № 2. – С. 101–105.
19. Шпилевский П.М. Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических поверьях // Пантеон. – 1854. – Т. XV, кн. 6. – С. 47–68.
20. Киркор А. Следы язычества в празднествах, обрядах и песнях // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под общ. ред. П.П. Семенова. – СПб., М., 1882. – Т. 3: Ч. 1. Литовское полесье; Ч. 2. Белорусское полесье. – С. 249–276.
21. Максимов С. Обитель и житель (Из очерков Белоруссии) // Древняя и новая Россия. – 1876. – Т. 2. – № 7. – С. 201–212.
22. Максимов С. Обитель и житель (Из очерков Белоруссии) // Древняя и новая Россия. – 1876. – Т. 2. – № 6. – С. 127–143.
23. Максимов С. Обитель и житель (Из очерков Белоруссии) // Древняя и новая Россия. – 1876. – Т. 2. – № 8. – С. 297–310.
24. Максимов С. Белорусская Смоленщина с соседями // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под общ. ред. П.П. Семенова. – СПб., М., 1882. – Т. 3: Ч. 1. Литовское полесье; Ч. 2. Белорусское полесье. – С. 430–472.
25. Носович И.И. Белорусские песни. – СПб.: Тип. Майкова, 1874. – 236 с.
26. Бобровский П. Можно-ли одно вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян Западной России: (По поводу этнографического атласа западно-русских губерний и соседних областей Р.Ф. Эркерта). – СПб.: В Военной Тип., 1864. – 51 с.
27. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей: т. 1–19 / под ред. В.П. Семенова; Под рук. П.П. Семенова и В.И. Ламанского. – СПб., 1899–1914. – Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия: [Смоленская, Могилевская, Витебская и Минская губернии] / сост. В.П. Семенов, М.В. Довнар-Запольский, Д.З. Шендрик, А.К. Кабанов, А.И. Сапунов. – 1905. – 619 с.
28. Очерки Белоруссии. Историческое прошлое Белоруссии; настоящий быт белоруссов; нравы и обычаи белоруссов. – СПб.: Изд-е реда. народного журн. «Мирской вестник», 1876. – 40 с.
29. Малевич С. Белорусские народные песни // Сб. отд. русского языка и словесности Императорской Академии Наук. – 1907. – Т. LXXXII, № 5. – С. 1–194.
30. Эремич И. Очерки Белорусскаго Полесья // Вестник Западной России. – Вильна, 1867. – Т. 3, кн. VIII. – С. 107–133.
31. Булгаковский Д.Г. Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь. – СПб.: В Тип. В. Безобразова и Комп., 1890. – 200 с.
32. Kolberg O. Białoruś – Polesie. – Wrocław; Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1968 («Dzieła wszystkie»; t. 52). – 572 s.
33. Вида К. Этнические стереотипы в средневековой Европе, 950–1250 гг.; [пер. с англ. А. Инопиной]. – СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2024. – 396 с.
34. Kraszewski J. Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy. – Wilno: Nakład i druk Glücksberga, 1840. – T. I. – 231 s.
35. Максимов С. Дремучие леса, или Рассказ о диких народах, населяющих русские леса. – СПб.: т-во «Обществ. польза», 1866. – 75 с.

36. Богданович А.Е. Пережитки древнего миросозерцания у белоруссов. Этнографический очерк. – Гродна: Губерн. Тип., 1895. – 186 с.
37. Максимов С.В. Очерки о белорусской земле. – М.: Индрик, 2018. – 576 с.

Паступіў 01.12.2025

АРХАИЗАЦИЯ ОБРАЗА БЕЛОРУСОВ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

канд. ист. наук, доц. Ю.И. ВНУКОВИЧ
(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск)

В статье рассматривается создание и конструирование образа древности белорусов в этнографической литературе XIX – начала XX века. Особое внимание уделяется формированию стереотипа о наличии «пережитков язычества» в народной культуре белорусов, на основании чего делались заключения не только об их исключительной архаичности и первобытности, но и сохранении ими дохристианских «древнеславянских черт». Научный вес этому нарративу придавала популярная энвайроментальная теория, когда природно-климатические условия всячески накладывались на физические и духовные характеристики белорусов (и в особенности полешуков). Относительно низкая мобильность населения Беларуси в этот исторический период также рассматривалась как свидетельство их прирожденного консерватизма и патриархальности. В свою очередь цивилизационная отсталость белорусов и их нахождение на «младенческой» стадии развития объяснялись не столько проживанием в неблагоприятных природно-климатических условиях, сколько длительной культурной изоляцией и исторической оторванностью от русских, а также угнетением со стороны поляков и евреев.

Ключевые слова: *белорусы, этнический образ, стереотипизация, архаизация, имагология, этнография, Российская империя.*

ARCHAIZATION OF THE IMAGE OF BELARUSIANS IN THE ETHNOGRAPHIC LITERATURE OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Yu. VNUKOVICH
(Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article examines the creation and construction of the image of Belarusian antiquity in the ethnographic literature of the 19th and early 20th centuries. Particular attention is paid to the formation of the stereotype regarding "remnants of paganism" in Belarusian folk culture, which served as a basis for conclusions not only about their exceptional archaism and primitivism but also about the preservation of pre-Christian "Old Slavic features." This narrative was reinforced by the popular environmental theory, according to which natural and climatic conditions were superimposed on the physical and spiritual characteristics of Belarusians (especially the Polesians). The relatively low mobility of the Belarusian population during this historical period was also viewed as evidence of their innate conservatism and patriarchy. In turn, the civilizational backwardness of Belarusians and their perceived "infantile" stage of development were attributed not only to unfavorable environmental conditions but also to prolonged cultural isolation, historical detachment from Russians, and oppression by Poles and Jews.

Keywords: *Belarusians, ethnic image, stereotyping, archaization, imagology, ethnography, Russian Empire.*

УДК 398(=161.3) DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-79-87

ЗЮЗЯ: ГІСТОРЫЯ СТВАРЭННЯ, РАЗВІЦЦЯ І ПЕРАВЫНАХОДНІЦТВА МІФАЛАГІЧНАГА ПЕРСАНАЖА

К.Л. КОЗІЧАВА
(Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск)
ORCID: https://orcid.org/0009-0009-5000-2550

У артыкуле разглядаецца стварэнне і развіццё вобраза Зюзі – міфалагічнага персанажа, сканструяванага П. Шпілеўскім, – у межах "кабінетнай" міфалогіі XIX – пачатку XX ст., яго перапрацоўка і "легалізацыя" ў беларускай навуцы канца XX – пачатку XXI ст; аналізуецца працэс перавынаходніцтва гэтага міфалагічнага персанажа ў першай чвэрці XXI ст.: з'яўленне шматлікіх і разнастайных візуальных адлюстраванняў Зюзі, а таксама выкарыстанне вобразаў Зюзі ў сферах турызму і культурнага брэндзінгу асобных рэгіёнаў Беларусі.

Ключавыя словы: *Зюзя, міфалогія, міфалагічны вобраз, перавынаходніцтва традыцыі, культурны брэндзінг.*

Уводзіны. Зюзя на сённяшні момант з'яўляецца адным з найбольш вядомых беларускіх міфалагічных персанажаў у медыяпрасторы, выступаючы ў якасці аўтэнтычнай версіі Дзеда Мароза, аднак гісторыя і сучаснасць яго вобраза застаюцца па-за належнай увагай беларускіх фалькларыстаў і этнографаў. Тым часам вобраз Зюзі ўяўляе сабой выдатны прыклад вынаходніцтва і перавынаходніцтва традыцыі: ён быў створаны нашмат раней за Дзеда Мароза і выконваў зусім іншыя функцыі, пакуль не быў прыстасаваны да забаўляння публікі.

Айчынныя даследчыкі міфалогіі звычайна абмяжоўваліся ўскоснымі згадкамі пра Зюзю (А. Гулак [1]), агульнай характарыстыкай яго вобраза (У. Васілевіч [2], Э. Зайкоўскі, С. Санько [3]), спробамі вызначыць этымалогію яго імя (Э. Зайкоўскі, С. Санько [3]). Асобна можна вылучыць аўтараў, якія прыводзілі выпадак Зюзі Паазерскага ў якасці аднаго з прыкладаў беларускіх культурных брэндаў (Т. Валодзіна [4], І. Алюніна [5]). Расійскія і ўкраінскія навукоўцы таксама задавольваліся пераважна згадкамі Зюзі (А. Грушко, Ю. Мядзведзеў [6]), В. Вайтовіч [7], Л. Вінаградава [8]), і толькі расійская даследчыца А. Леўкіеўская [9] упершыню крытычна і дэталёва разгледзела гэтага персанажа беларускай міфалогіі і выкрыла яго штучнасць, а расійскія ж навукоўцы А. Беразовіч і А. Сурыкава [10] перагледзелі этымалогію яго наймення.

Аднак, нягледзячы на вялікі аб'ём разрозненай інфармацыі пра гэтага персанажа, ніхто дагэтуль не рабіў спробаў прасачыць змены ў вобразе Зюзі на ўсім працягу яго існавання. Такім чынам, мэта гэтага артыкула – ахарактарызаваць развіццё вобраза Зюзі ад яго фармальнага стварэння да сучаснасці. Аб'ектам даследавання з'яўляецца Зюзя як вынайдзены міфалагічны персанаж, прадметам – асаблівасці развіцця яго вобраза.

Вынаходніцтва Зюзі. Складнікі яго вобраза. Упершыню вобраз Зюзі з'явіўся ў артыкуле[1] П. Шпілеўскага (псеўданім – П. Драўлянскі) у 1846 г. разам з вобразамі іншых міфалагічных персанажаў, якія аўтар нібыта зафіксаваў падчас сваіх падарожжаў па Беларусі. Непрыхаванай мэтай працы П. Шпілеўскага было паказаць адукаванаму грамадству Расійскай імперыі, што менавіта ў Беларусі старажытная вера славян захавалася найлепш [11, с. 256]. Каб даказаць сваю гіпотэзу, П. Шпілеўскі, робячы выгляд, што ён толькі крыху ўпарадкаваў існуючыя "предания Белорусцев", упрыгожаныя "поэтическими рассказами", сканструяваў у сваёй працы паўнавартасны пантэон, часткай якога ў якасці боства зімовага сезону і стаў Зюзя.

Аўтар зрабіў наступнае яго апісанне: "*Зюзя* – бог зимы. *Зюзя* происходит от глагола *зюзець*, мерзнуть, колеть от мороза; отсюда, *Зюзя* значит собственно – *мерзнущий* и *морозящий*. Вот каким представляют Зюзю Белорусцы: он, говорят, старичок с *седыми*[2] волосами на голове и такою же предлинною бородою; низенького роста, толстый; весь в белой теплой одежде; ноги у него босы; голова ничем не покрыта; в руке носит железную булаву. Зюзя, говорят Белорусцы, большую часть зимы проводит в лесе в разных местах. Иногда он заходит в деревню по разным причинам: или для того, чтобы предуведомить поселян о жестокой, суровой зиме на будущий год, или для того, чтоб оказать какую-нибудь помощь кому-либо; например, освободить от холода несчастное бедное семейство или (как выражаются Белорусцы) просто для того, чтобы *кутьи паесьци* (кутьи покушать). Вот что значит это выражение. В Белоруссии есть поверье, будто самый сильный, жестокий мороз бывает накануне Нового Года; но от Зюзи зависит, причинить или не причинить вред этим морозом. Чтоб как-нибудь умилостивить Зюзю, Белорусцы накануне Нового Года, приготовляя, по принятому обыкновению[3], *кутью*, откладывают часть ее в особую тарелку (или, лучше, – миску) и оставляют ее на ночь на особом столе: кутья остается цела, но общее поверье говорит, что ее съедает Зюзя. Довольно любопытно Белорусцы объясняют, для чего Зюзя носит булаву в руке. Говорят, будто Зюзя, рассердившись на людей, обыкновенно ударяет своею

[1] Далей праца П. Шпілеўскага, якая выйшла ў трох артыкулах пад рознымі назвамі, будзе падавацца як "Беларускія народныя паданні".
[2] "Белорусцы говорят – просто с *белыми* волосами, как снег" (заўвага П. Шпілеўскага).
[3] "*Кутья* в это время ставится на столе, устланном сеном" (заўвага П. Шпілеўскага).

булавою в какой-нибудь пень, и этим сильным ударом производит такой переворот, такую ломку по всей земле, что земля, а иногда и дома, трескаются… [11, с. 274–275].

Штучнасць некаторых персанажаў “Беларускіх народных паданняў”, у тым ліку Зюзі, на дадзены момант лічыцца даказанай. Расійская даследчыца А. Леўкіеўская прааналізавала ўсіх персанажаў з азначанай працы П. Шпілеўскага і размеркавала па групах у залежнасці ад ступені іх фантомнасці. Зюзя быў аднесены да тых персанажаў, што ўяўляюць “мифологические фантомы, названиями для которых служат имена нарицательные, действительно имеющиеся в белорусском языке и его говорах, но не несущие в себе никакого мифологического смысла”, якіх збіральнік надзяліў “образами, скомпилированными из реальных и вымышленных мотивов и функций” [9, с. 318–319]. Да рэальнаых матываў у вобразе Зюзі можна аднесці запрашэнне на куццю і сталы ўзрост, уласцівыя аўтэнтычнай персаніфікацыі мароза. У беларусаў, як і ў іншых еўрапейскіх народаў, існаваў абрад запрашэння на куццю міфалагічных персанажаў, продкаў і прыродных стыхій. На большай частцы тэрыторыі Беларусі клікалі менавіта мароз [12, с. 466], пры гэтым у некаторых варыянтах абрада пераапрануты чалавек ад імя мароза адклікаўся на запрашэнне [12, с. 471]. У народных казках мароз мог ці мець асобныя прыкметы персаніфікацыі – хадзіць, лятаць, размаўляць, штосьці дараваць [13, с. 427], мець косці [14, с. 69], – ці наўпрост выглядаць, як стары чалавек [15, с. 591]. Да выдуманага ў вобразе Зюзі можна аднесці падрабязнае апісанне яго знешняга выгляду і дзейнасці, што з’явілася, дзякуючы тагачасным уяўленням пра тое, якім міфалагічны персанаж павінен быць – суб’ектам, надзеленым усімі атрыбутамі суб’ектнасці: знешнасцю, вопраткай, асаблівасцямі характару, адпаведнымі паводзінамі [9, с. 314].

З імем новаўтворанага персанажа сітуацыя больш складаная. Лексема *зюзя* (“мароз, холад”) сапраўды існуе і нават утрымлівае некаторыя тэндэнцыі да персаніфікацыі, але выкарыстоўваецца толькі пры размове дарослых з дзецьмі [9, с. 341]. Разабрацца ў паходжанні гэтага слова спрабавалі Э. Зайкоўскі і С. Санько, якія звязвалі лексему *зюзя* з дзеясловамі *зюзець*, *азызнуць* (“мерзнуць”) і лічылі яе блізкай да лексемы *жыжа* (“агонь”). У аснове семантыкі абедзвюх лексем, на думку аўтараў, ляжыць сема “быць пякучым” [3, с. 198]. Пазней расійскія даследчыкі А. Беразовіч і А. Сурыкава прыйшлі да высновы, што лексема *зюзя* ўтварылася ад гукапераймальнага *з-з-з*, якое імітуе дрыжыкі ад холаду [10, с. 254].

Гледзячы на далейшы шлях развіцця вобраза Зюзі, можна сцвярджаць, што ён атрымаўся адным з найбольш удалых стварэнняў П. Шпілеўскага: Зюзя пазбег крытыкі, якая абрынулася на самога аўтара і некаторых іншых яго персанажаў і пачаў вандраваць па працах “кабінетных” даследчыкаў, набываючы і губляючы асобныя рысы. Яго вобраз непарыўна развіваўся аж да пачатку XX ст., калі ён быў фактычна забыты з прычыны агульнай страты грамадскай цікавасці да міфалогіі, але пазней – у канцы XX ст. – з’явіўся зноў: спачатку ў літаратуры, а пасля і ў іншых сферах дзейнасці.

Развіццё вобраза Зюзі ў перыяд з 1846 года да пачатку XX ст. Праца П. Шпілеўскага стала даволі ўплывовай шмат у чым дзякуючы А. Афанасьеву, які яе заўважыў. Ён шырока цытаваў “Беларускія народныя паданні” пры напісанні "Поэтических воззрений славян на природу” (1865–1869 гг.), дзе ілюстраваў свае тэарэтычныя разважанні шматлікімі прыкладамі з міфалогій розных народаў. Сярод іншага, А. Афанасьеў разважаў пра тое, што славяне бачылі ў працэсе перамены сезонаў года барацьбу персаніфікаваных света і цемры, цяпла і холада. Зюзю ён выкарыстаў у якасці “наглядного олицетворения” зімы ў беларусаў. Яго апісанне А. Афанасьеў запазычыў з “Беларускіх народных паданняў” з некаторымі недакладнасцямі: Зюзя ў яго перастаў быць тоўстым і страціў звычку папярэджваць сялян пра суровыя зімы і ратаваць бедныя сем’і ад маразоў [16, с. 681]. Невядома, ці наўмысна аўтар пазбавіў Зюзю дабрадзейнасці, але больш злосны Зюзя лепш пасаваў да яго разважанняў наконт адвечнай барацьбы прыродных сіл. Хоць непасрэдна Зюзя ў А. Афанасьева ні з кім не змагаўся, кантэкст, у якім ён быў згаданы, прадвырашыў далейшы крок у развіцці і разуменні яго вобраза.

Тэарэтычныя выкладкі А. Афанасьева і пантэон П. Шпілеўскага былі творча перапрацаваныя і па-мастацку аб’яднаныя ў адзіны міф А. Кіркорам у маштабным навукова-папулярным выданні “Живописная Россия” (1882 г.). Мэтай аўтара, як раней П. Шпілеўскага, было пераканаць чытачоў у выключнай старажытнасці беларускай міфалогіі, прадэманстраваўшы насычанасць каляндарнага цыклу беларусаў святамі і абрадамі з глыбінным сэнсам [17, с. 251]. Пры апісанні Калядаў і тлумачэнні сэнсу гэтага свята А. Кіркор зрабіў акцэнт на матыве барацьбы ўвасобленых святла і цемры. Святлом (як і ў А. Афанасьева) выступіў Пярун, а цемрай, зімой і смерцю аўтар зрабіў Зюзю. А. Кіркор наўпрост назваў Зюзю Сіцівратам, або Карачуном, падземным царом і валадаром марозаў [17, с. 252], фігурай, якая замясціла для беларусаў Чарнабога [17, с. 252, с. 273], то бок галоўным злым боствам. Зюзя, які ў П. Шпілеўскага і А. Афанасьева быў персанажам адасобленым, у А. Кіркора займеў брата-ворага Перуна [17, с. 251] і жонку Марану (смерць) [18, с. 354]. У дзень зімовага сонцавароту Зюзя, згодна з тлумачэннямі аўтара, ператвараўся ў мядзведзя, ачаляў зграю ваўкоў (ваўкі = завеі) і ганяўся за цяжарнай жонкай Перуна Грамаўніцай (Калядой), каб не даць ёй нарадзіць сонейка-Дажбога [17, с. 252].

Побач з сюжэтам барацьбы Зюзі і Перуна А. Кіркор размясціў апісанне Зюзі, пераказанае ўласнымі словамі і ўзятае, хутчэй за ўсё, з А. Афанасьева, бо ў А. Кіркора Зюзя таксама не тоўсты і не ратуе сем’і ад маразоў. Да таго ж Зюзя ў А. Кіркора “страціў” свой маленькі рост. Аднак аўтар убудаваў у апісанне гэтага персанажа новы спосаб частавання: “Чтобы его задобрить… ему оставляютъ кутьи, а еще чаще хозяинъ первую ложку кутьи бросаетъ за окно, приговаривая: “морозъ, ходзи куцью ѣсци”. Особенно наканунѣ Новаго года ему откладываютъ кутьи въ особую миску и оставляютъ ее на ночь на столѣ, увѣряя, что Зюзя придетъ «куцьи поѣсць»” [17, с. 253]. Далей пры апісанні першай куцці А. Кіркор дадаў яшчэ адзін спосаб кармлення Зюзі: “… какъ уже упомянуто,

бросаетъ ложку кутьи въ уголъ (кутъ) Зюзѣ, или оставляетъ для него въ мисѣ" [17, с. 254]. З абодвух згаданых урыўкаў вынікае, што Зюзю запрашаюць і на першую куццю, і на Новы год, і ёсць тры спосабы яго пачаставаць. Паколькі ў папярэднікаў А. Кіркора гаворка йшла толькі пра Новы год і пакіданне Зюзе куцці ў місе, існуе верагоднасць, што адзначаная варыятыўнасць з'яўляецца адлюстраваннем аўтэнтычных абрадаў запрашэння мароза.

Пазней Зюзя згадваўся яшчэ ў А. Шыманоўскага ў працы "Минская губерния и её народное творчество в связи с описанием народных праздников и обрядов" (1898 г.). Гэтая праца не была апублікавана і доўгі час яе ведалі толькі па кароткім пераказе ў Дз. Зяленіна (1915 г.) [19, с. 687–694]. А. Шыманоўскі быў апошнім, хто развіваў вобраз Зюзі перад яго часовым адыходам у небыццё. Ён пісаў, абапіраючыся на тэкст А. Кіркора, што бачна нават па асобных сказах, але пры гэтым унёс у вобраз Зюзі значныя змены. Зюзя ў А. Шыманоўскага, як і ў А. Кіркора, бог зімы, падземны цар, валадар марозаў[4] і вораг Перуна ў сюжэце адвечнай барацьбы зла і дабра, святла і цемры, цяпла і холада. Але ў А. Шыманоўскага няма згадкі пра сваяцкія сувязі Зюзі з Перуном і Маранай, да таго ж ягоны Зюзя можа ператварацца не толькі ў мядзведзя: "… оборачивается, переряживается въ цѣлую стаю волковъ (мятели), въ козу – существо оплодотворяющее, въ медвѣдя, который в день солноворота (на Каляду) переворачивается съ одного бока на другой, въ дятла и проч…"[5]. Імаверна, апошні пасаж з'яўляецца вынікам перапрацоўкі ўласных назіранняў аўтара (пра Каляды ён пісаў, што "… другіе дѣлаютъ приготовленія для ряженія козой, дятломъ, медвѣдемъ и пр."[6]) і разважанняў А. Кіркора пра адлюстраванне вобразаў старажытнага міфа ў масках калядоўшчыкаў (мядзведзь – Зюзя, каза – Грамаўніца) і Зюзю на чале ваўчынай зграі. А. Шыманоўскі вырашыў адмовіцца ад варыятыўнасці А. Кіркора адносна часу запрашэння бога зімы на куццю і спосабаў яго частавання і ўзяў для сваёй працы толькі апісанне першай куцці з кіданнем Зюзе куцці ў кут ці пакіданнем у місе[7]. Апісанне самога Зюзі, куды А. Кіркор убудаваў кіданне куцці за акно і дзе ўсе папярэднікі А. Шыманоўскага згадвалі частаванне Зюзі на Новы год, аўтар выкарыстоўваць не стаў і, такім чынам, наўмысна ці не, пазбавіў гэтага персанажа чалавечай знешнасці.

Адрэзак часу ад 1846 г. да пачатку XX ст. можна ахарактаразаваць як перыяд развіцця вобраза Зюзі выключна на старонках нешматлікай навукова-папулярнай літаратуры. Асноўным напрамкам яго развіцця была паступовая страта Зюзям чалавечых рыс. Па-першае, у плане знешнасці: А. Афанасьеў пазбавіў Зюзю тлустасці, А. Кіркор пазбавіў яго маленькага росту і надзяліў здольнасцю ператварацца ў мядзведзя, А. Шыманоўскі цалкам адмовіў Зюзе ў чалавечай знешнасці, але надаў яму больш варыянтных жывёльных форм для ператварэнняў. Па-другое, у плане маральных характарыстык: у А. Афанасьева Зюзя проста перастаў ратаваць сем'і ад маразоў, а ўжо ў А. Кіркора ён стаў галоўным міфалагічным злом, і А. Шыманоўскі зацвердзіў яго ў гэтай іпастасі. Сталай рысай заставалася толькі дамоваздольнасць Зюзі, хоць час, калі трэба было залагоджваць яго ежай, змясціўся з Новага года на першую куццю, а спосабаў частавання стала больш. Калі падсумаваць, Зюзя з даволі чалавечнага бога зімы, якім яго стварыў П. Шпілеўскі, ператварыўся ў злую сілу, якая можа прымаць розны выгляд.

Вобраз Зюзі ў беларускай навуцы канца XX – пачатку XXI ст. Падчас адраджэння цікавасці да беларускай міфалогіі ў канцы XX – пачатку XXI ст. Зюзя зноў з'явіўся на старонках навуковай і навукова-папулярнай літаратуры дзякуючы даследчыкам-фалькларыстам, якія сістэматызавалі і выдавалі назапашаныя крыніцы па беларускай міфалогіі, звяртаючыся, у тым ліку, і да класічных этнаграфічных прац XIX ст.

У фундаментальнай энцыклапедыі "Этнаграфія Беларусі" (1989 г.) адзначалася: "**ЗЮЗЯ**, персанаж беларускай міфалогіі, увасабленне холаду. Зюзю ўяўлялі ў выглядзе лысага барадатага дзеда, які ў расхрыстаным кажусе, босым хадзіў па снезе. Паводле павер'яў Зюзя ўзнімаў завіруху, мяцеліцу, выклікаў сцюжу. Калі быў моцны мароз, лічылі, што Зюзя біў доўбняй па дрэвах і бярвенні, якія быццам бы па гэтай прычыне трашчалі. Прымхлівыя людзі верылі, што калі пералічыць імёны ўсіх лысых дзядоў у вёсцы, мароз памякчэе. У размовах з дзецьмі дарослыя часам называюць холад «зюзя»" [20, с. 216].

Зюзя ніколі раней не лічыўся лысым і расхрыстаным; павер'е пра пералік лысых для суцішэння маразоў слушнае з пункту гледжання аўтэнтычнасці [21, с. 268], але менавіта з Зюзям ніколі не звязвалася. У той жа час тут не згаданы абрад запрашэння на куццю, які нязменна пераходзіў з аднаго апісання Зюзі ў іншае. Невядомыя ні аўтар артыкула, ні крыніцы, на падставе якіх ён быў напісаны.

У 1994 г. выйшла літаратурна-мастацкая праца фалькларыста У. Васілевіча "Міфы бацькаўшчыны". Гэтае выданне было першай у незалежнай Беларусі спробай стварыць збор персанажаў беларускай міфалогіі. У ім У. Васілевіч не склаў свайго тэксту, а абмежаваўся вытрымкамі з "цяжкадаступных сённяшняму чытачу зборнікаў, артыкулаў, нарысаў, архіўных запісаў" [2, с. 4] даследчыкаў, якія раней пісалі пра беларускіх міфалагічных персанажаў. Фактычна, ён стварыў уласны беларускі пантэон, абапіраючыся на аўтарытэт папярэднікаў. Зюзя тут прадстаўлены выключна вытрымкай з "Беларускіх народных паданняў", перакладзенай на беларускую мову і нязначна скарочанай.

У 2004 г. выйшаў энцыклапедычны слоўнік "Беларуская міфалогія", дзе быў прысвечаны Зюзе артыкул аўтарства Э. Зайкоўскага і С. Санько. Ён змяшчаў зборны вобраз гэтага міфалагічнага персанажа: поўнае апісанне знешнасці Зюзі, згадку пра пакіданне ці кіданне яму за акно каляднай куцці, сюжэт пра яго змаганне з Перуном,

---

[4] Архіў Рускага геаграфічнага таварыства (АРГТ). – Ф. 20. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 169.
[5] АРГТ. – Ф. 20. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 169-170.
[6] АРГТ. – Ф. 20. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 147
[7] АРГТ. – Ф. 20. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 148-149.

павер’е пра пералік лысых для суцішэння маразоў. Аўтары ўключылі і тое, чаго не было раней: атаясамленне Зюзі са Святым Мікалаем і, праз яго вобраз, з Вялесам; чырвоны нос Зюзі, да якога, быццам, падобныя насы п’яніц; тлумачэнне семантыкі яго імя (пры гэтым згадкі пра лексему “зюзя” як слова з “дзіцячай” мовы не было). Дабрадзейнасць у “слоўнікавага” Зюзі адсутнічала, бо пасаж пра ратаванне сем’яў ад маразоў тут быў апушчаны, але і з падземным царом Карачуном яго размежавалі – гэтыя персанажы выглядаюць як узаемазамяняльныя ў сюжэце барацьбы з Перуном [3, с. 198].

У такім выглядзе артыкул пра Зюзю перажыў яшчэ два перавыданні слоўніка ў 2006 і 2011 гг. Нягледзячы на тое, што праца А. Леўкіеўскай з крытычным разборам персанажаў “Беларускіх народных паданняў” выйшла яшчэ ў 2002 г., яна была ўлічана толькі ў трэцім выданні слоўніка. У прадмове да выдання 2011 г. былі зроблены некаторыя тлумачэнні [22, с. 9], але ўсе спрэчныя персанажы захавалі свае месцы на слоўнікавых старонках, у шэрагу выпадкаў з агаворкамі. Далей спецыяльных навуковых публікацый, прысвечаных Зюзе, у беларускай фалькларыстыцы больш не было.

У выданнях канца XX – пачатку XXI ст. заўважна не столькі развіццё вобраза Зюзі, колькі яго “дапрацоўка”; выкарыстанне рознымі даследчыкамі несупадаючых колаў крыніц; агульнае ігнараванне сумнеўнай аўтэнтычнасці гэтага міфалагічнага персанажа. Галоўным вынікам разгледжанага перыяда стала фармальная “легалізацыя” Зюзі ў якасці беларускага міфалагічнага персанажа намаганнямі розных аўтараў. У гэтым сэнсе даследчыкі канца XX – пачатку XXI ст. былі ўдзячнымі нашчадкамі аўтараў XIX ст., якія развівалі вобраз Зюзі, працуючы на стыку тагачаснай навукі і міфатворчасці. Аднак пасля “легалізацыі” Зюзі вучоныя страцілі да яго цікавасць і далейшая рэканструкцыя яго вобраза ў навуковай і навукова-папулярнай літаратуры прыпынілася.

Перавынаходніцтва вобраза Зюзі ў першай чвэрці XXI ст. На пачатку XXI стагоддзя з ростам запыту на міфалогію і развіццём медыя для Зюзі наступіў паваротны момант: ён стаў вядомы шырокаму колу прадстаўнікоў розных сфер дзейнасці, кожны з якіх атрымаў магчымасць узяць з вобраза тое, што патрэбна менавіта яму, і скарыстаць гэта ў сваіх мэтах. Так Зюзя перастаў быць выключна літаратурным персанажам, займеў шмат новых кропак для далейшага развіцця і разнастайныя візуальныя адлюстраванні (малюнак 1). Яны не заўсёды суадносяцца з апісаннямі Зюзі ў літаратурных крыніцах ці нават утрымліваюць антрапаморфную фігуру, але нязменна, хоць і не абавязкова відавочна, звязаныя з зімовым сезонам: нішто на лагатыпе брэнда світараў (гл. малюнак 1) не нагадвае пра зіму, але самі світары – цёплае адзенне, якое носяць зімой.

лагатып кірмаша “Зюзя”[8]

лагатып брэнда світараў[9]

кніжная ілюстрацыя, В. Славук [23, с. 17]

Малюнак 1. – Візуальныя адлюстраванні Зюзі

[8] URL: https://www.instagram.com/zuzya.by/
[9] URL: https://www.instagram.com/zuza.wear/

Наасобку стаяць тэатралізаваныя ўвасабленні Зюзі, якія пачалі ўзнікаць падчас калядных і навагодніх святаў[10]. Першае з іх, Зюзя Паазерскі, пачало сваю дзейнасць узімку 2004–2005 гг.[11] недалёка ад вёскі Пруднікі Пастаўскага раёна. У 2007 г. ён пераехаў пад вёску Азяркі таго ж раёна. Турыстычная праграма з удзелам Зюзі адразу набыла папулярнасць[12], якая ў наступныя гады толькі ўзрастала[13].

Следам за Зюзям Паазерскім у розных мясцінах Беларусі сталі з'яўляцца іншыя тэатралізаваныя ўвасабленні Зюзі. Прыкладная храналогія і геаграфія іх з'яўлення паводле знойдзеных у Інтэрнэт-крыніцах згадак наступная:

студзень 2007 г. – Зюзя ў Беларускім дзяржаўным музеі народнай архітэктуры і побыту[14];

снежань 2016 г. – Зюзя ў АТК "Каробчыцы"[15] (спыніў дзейнасць);

канец 2018 г. – Бераст-Зюзя ў Бераставіцкім раёне[16];

снежань 2022 г. – Зюзя Палескі ў Нацыянальным парку "Прыпяцкі"[17];

снежань 2024 г. – Зюзя ў парку "Сула"[18]; Зюзя ў ГЗЦ "Galleria" у Мінску[19]; Зюзя ў коннай сядзібе "Буцэвічы" пад Мінскам[20].

Большасць з гэтых увасабленняў Зюзі былі распрацаваны ў межах турыстычна-забаўляльных і святочна-тэатралізаваных праграм для таго, каб заняць месца Дзеда Мароза, то бок, стаць галоўнымі станоўчымі фігурамі святкавання[21]. Нават не ўдаючыся ў асобныя дэталі анімацыйных праграм, якія змяняюцца год ад году, можна зрабіць выснову, што тэатралізаваныя ўвасабленні Зюзі маюць няшмат агульнага з яго "кніжнымі" вобразамі: у разгледжанай вышэй навуковай і навукова-папулярнай літаратуры Зюзя часцей апісваўся як у той ці іншай ступені адмоўны персанаж, асноўная мадэль камунікацыі з якім – залагоджванне яго куццёй.

Тут варта ўзгадаць, што арыгінальны Зюзя, створаны П. Шпілеўскім, не быў адназначна адмоўным персанажам: ён мог змарозіць, а мог выйсці да людзей, каб папярэдзіць іх пра халады ці ўратаваць ад маразоў. У працах паслядоўнікаў П. Шпілеўскага гэтая добразычлівасць не атрымала развіцця, наадварот, ад аўтара да аўтара Зюзя выглядаў усё больш пагрозлівым, але яго сучасныя тэатралізаваныя ўвасабленні, адказваючы на зацікаўленасць грамадства ў беларускім адпаведніку "добрага" Дзеда Мароза, з'яўляюцца вынікам развіцця тых пазітыўных рысаў, што былі закладзены у вобраз Зюзі ад самага пачатку.

Аднак вырашальнай для фарміравання пазітыўных вобразаў Зюзі падаецца сама традыцыя святкавання Новага года, якая вымагае наяўнасці менавіта добрага чараўніка ў якасці галоўнай фігуры: поўная замена станоўчай фігуры на адмоўную ў межах традыцыйнага святкавання Новага года была б немагчымай без змены самой сутнасці свята. Адзіны злодзей сярод згаданых вышэй увасабленняў Зюзі, Зюзя з Каробчыцаў, не замяняў Дзеда Мароза; Дзед Мароз у дадзенай анімацыйнай праграме выступаў у сваёй традыцыйнай ролі.

Уплыў Дзеда Мароза праглядаецца і ў знешнім выглядзе некаторых увасабленняў Зюзі, аднак адзінства тут няма: знешнасць Зюзяў шырока вар'іруе ад зробленых на падставе літаратурных апісанняў гэтага персанажа да пераймання пазнавальнага выгляду Дзеда Мароза (малюнкі 2–5).

Менавіта тэатралізаваныя ўвасабленні Зюзі паклалі пачатак выкарыстанню гэтага персанажа ў яшчэ адной, новай для яго, сферы: Зюзя Паазерскі, Бераст-Зюзя і Зюзя Палескі зрабілі крокі ў бок станаўлення тэрытарыяльнымі брэндамі, што адлюстроўваецца ў іх імёнах. Так, стваральнікі Зюзі Палескага з Нацыянальнага парка "Прыпяцкі" заявілі, што ў Зюзю верылі пераважна на Палессі[22]. У Бераставіцкім раёне пасля спынення дзейнасці Зюзі з Каробчыцаў вырашылі "сам персонаж сделать традиционным для своего региона. ... Дедов Морозов и так хватает, а вот Берест-Зюзя – один такой на всю Гродненскую область"[23]. Найбольш паспяховым падаецца праект Зюзі Паазерскага: Я. Шушкевіч, яго стваральнік, запэўніваў, што Зюзя як міфалагічны персанаж невядомы больш нідзе, акрамя некалькіх раёнаў Паўночнай Беларусі[24], а СМІ неаднаразова называлі яго брэндам Пастаўшчыны[25].

---

[10] Выпадкі дзейнасці ўвасабленняў Зюзі па-за навагоднімі і каляднымі святамі, гл. URL: https://www.holiday.by/blog/502; URL: https://people.onliner.by/2015/01/17/turizm-5.

[11] URL: https://vitvesti.by/person/iak-zhykharu-pasta-skaga-raena-zhylosia-u-rol-ziuz-paazerskaga.html; URL: https://kraj.by/news/sobitiya/zyuzya-poozerskiy-prosipaetsya.

[12] URL: https://www.tio.by/info/newspaper/7815/

[13] URL: https://kraj.by/news/sobitiya/zyuzya-poozerskiy-prosipaetsya; URL: https://www.tio.by/info/newspaper/7815/

[14] URL: https://www.sb.by/articles/romashki-pod-solomennoy-kryshey.html

[15] URL: https://belta.by/regions/view/bog-zimy-zjuzja-poselitsja-v-agroturisticheskom-komplekse-pod-grodno-16-dekabrja-220457-2016/

[16] URL: https://zviazda.by/ru/news/20191227/1577431167-v-berestovickom-rayone-vtoroy-god-rabotaet-rezidenciya-belorusskogo

[17] URL: https://www.npp.by/news/2022/v-gostyakh-u-polesskogo-zyuzi/

[18] URL: https://www.instagram.com/p/DDEY0djO2s4/

[19] URL: https://www.instagram.com/p/DDuUwWvM7ag/

[20] URL: https://www.instagram.com/p/DDmO7emu5uF/

[21] Існавалі выключэнні: Зюзя з парка "Сула" быў толькі адным з шэрагу калядных персанажаў, а галоўнай фігурай быў Святы Мікалай ці Дзед Мароз. Зюзя з Каробчыцаў увогуле выступаў галоўным злодзеем, якога дзеці павінны былі перамагчы перад тым, як атрымаць падарункі ад Дзеда Мароза, гл. URL: https://vgr.by/2017/01/08/pobedili-zyuzyu-spasli-kolyadu-i-poluchili-podarki-detskie-zhelaniya-sbyvalis-v-majontke-korobchitsy/

[22] URL: https://www.npp.by/news/2022/v-gostyakh-u-polesskogo-zyuzi/

[23] URL: https://zviazda.by/ru/news/20191227/1577431167-v-berestovickom-rayone-vtoroy-god-rabotaet-rezidenciya-belorusskogo

[24] URL: https://www.tio.by/info/newspaper/7815/

[25] URL: https://people.onliner.by/2015/01/17/turizm-5; URL: https://www.postawy.by/2022/04/spustya-10-let-proslavlennyj-postavskij-personazh-zjuzya-poozerskij-snova-primet-gostej-v-ozerkah/

Малюнак 2. – Зюзя Паазерскі[26]

Малюнак 3. – Зюзя Палескі і яго Унучка[27]

[26] URL: https://www.sb.by/articles/rabotat-volshebnikom.html
[27] URL: https://berezino.by/ru/novosti/kultura/item/33977-polesskij-zyuzya-otkroet-novogodnij-sezon-v-safari-parke-natsparka-pripyatskij-14-dekabrya

Малюнак 4. – Зюзя з Каробчыцаў, фотаздымак С. Людкевіча[28]

Малюнак 5. – Бераст-Зюзя і Спадарыня Завея, фотаздымак С. Ганчаровай[29]

Прывязка Зюзі да пэўнага рэгіёна Беларусі – цалкам сучасная з'ява: ніхто з вышэйзгаданых аўтараў-апісальнікаў Зюзі не прымяркоўваў гэтага персанажа да асобнай мясцовасці, нават А. Шыманоўскі, які прысвяціў сваю працу Мінскай губерні, не сцвярджаў, што Зюзю ведалі толькі тут. Выпадак Зюзі ў гэтым сэнсе не ўнікальны: ён у поўнай меры адпавядае сусветнай тэндэнцыі звяртання да фальклярызму і народнай спадчыны пры распрацоўцы стратэгіі развіцця тэрыторый. Але цікавай падаецца адсутнасць выразнай канкурэнцыі паміж рознымі рэгіёнамі краіны за выключнае права прысвоіць Зюзю сабе. Можна дапусціць, што на такую сітуацыю

[28] URL: https://vgr.by/2017/01/08/pobedili-zyuzyu-spasli-kolyadu-i-poluchili-podarki-detskie-zhelaniya-sbyvalis-v-majontke-korobchitsy/
[29] URL: https://www.beresta.by/wp-content/uploads/2019/12/IMG_2071.jpg

паўплывалі разам адсутнасць адпаведных падстаў у крыніцах і каляндарная прывязка Зюзі да калядных і навагодніх святаў, якія шырока адзначаюцца па ўсёй Беларусі.

Разгледжаныя ў гэтым раздзеле вобразы Зюзі, не зважаючы на цеснасць іх сувязі з літаратурнымі крыніцамі, функцыянуюць у абставінах і выконваюць ролі, якія не былі прадугледжаны для Зюзі стваральнікам і яго паслядоўнікамі, і з гэтай прычыны з’яўляюцца выразнымі прыкладамі перавынаходніцтва традыцыі. Больш за тое, менавіта ў сучаснасці, дзякуючы павелічэнню папулярнасці Зюзі сярод значнай колькасці людзей, ён пачынае станавіцца сапраўды вядомым персанажам для беларусаў. Не будзе перабольшваннем сцвярджаць, што пры пэўных абставінах Зюзя мае ўсе шанцы стаць адным з найбольш пазнавальных агульнанацыянальных міфалагічных брэндаў.

Заключэнне. Зюзя быў створаны як бог зімы ў штучным пантэоне П. Шпілеўскага, прызваным зацвердзіць беларускія землі ў якасці цэнтра тэрыторыі старажытных славян. Яго вобраз, сканструяваны на аснове аўтэнтычнай персаніфікацыі мароза з дадаткам выдуманых дэталяў знешнасці і асаблівасцей паводзін, быў ад пачатку даволі чалавечным – ва ўсіх сэнсах, – але, развіваючыся ў межах беларускай “кабінетнай” міфалогіі, паступова губляў і асаблівасці знешнасці, і станоўчыя рысы характару, пакуль не ператварыўся ў злую сілу, якая можа прымаць розныя формы. У пачатку XX ст. развіццё вобраза Зюзі прыпынілася з-за сацыяльна-палітычных змен у грамадстве, якія пацягнулі агульную страту цікавасці да міфалогіі.

У канцы XX – пачатку XXI ст., падчас абуджэння інтарэса да міфалогіі, вобраз Зюзі быў вернуты з небыцця і легалізаваны навукоўцамі ў якасці беларускага міфалагічнага персанажа, а прадстаўнікі іншых сфер грамадства атрымалі магчымасць пазнаёміцца з ім і скарыстаць у перапрацаваным пад свае патрэбы выглядзе. Адбылося перавынаходніцтва Зюзі: у яго з’явілася шмат візуальных адлюстраванняў, а таксама тэатралізаваных ўвасабленняў, якія дзейнічаюць ў межах калядных і навагодніх анімацыйных праграм, замяшчаючы Дзеда Мароза. Яны з’яўляюцца пераважна пазітыўнымі персанажамі згодна з традыцыямі свята, у якое былі ўбудаваныя. Некаторыя з тэатралізаваных увасабленняў Зюзі зрабілі крок да станаўлення культурнымі брэндамі асобных рэгіёнаў Беларусі, але больш верагоднай падаецца перспектыва прыняцця Зюзі ў якасці агульнанацыянальнага брэнда.

ЛІТАРАТУРА

1. Гулак А.А. Міфалагічны кірунак у беларускай фалькларыстыцы другой палавіны XIX ст.: дыс. … канд. філал. навук: 10.01.09 / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі. – Мінск, 2011. – 124 арк.
2. Зюзя // Міфы Бацькаўшчыны / Беларус. Энцыкл.; уклад. У.А. Васілевіч. – Мінск: БелЭн, 1994. – С. 38.
3. Зайкоўскі Э., Санько С. Зюзя // Беларуская міфалогія: энцыкл. сл. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. – Мінск: Беларусь, 2004. – С. 198.
4. Валодзіна Т.В. Канструяванне традыцыі. У пошуках цмока // Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні: зб. навук. пр. – Мінск: Белар. навука, 2021. – Вып. 8. – С. 61–93.
5. Олюнина И.В. Этнокультурное наследие Беларуси как платформа туристического брендинга // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Всеобщая история. – 2024. – Т. 16. № 4. – С. 528–541. DOI: https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-528-541.
6. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь славянской мифологии. – Н. Новгород: “Русский купец”, “Братья славяне”, 1995. – 368 с.
7. Войтович В.М. Мороз // Українська міфологія / В.М. Войтович. – Київ: Либідь, 2002. – С. 321–322.
8. Виноградова Л.Н. Мороз // Славянские древности: Этнолингв. сл. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: «Международные отношения», 2004. – Т. 3. – С. 302–303.
9. Левкиевская Е.Е. Механизмы создания мифологических фантомов в «Белорусских народных преданиях» П. Древлянского // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подг. А.Л. Топорков, Т.Г. Иванова, Л.П. Лаптева, Е.Е. Левкиевская. – М.: Ладомир, 2002. – С. 311–351.
10. Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Deus ex nomine: еще раз о языковом мифе и наивной религии // Шаги/Steps. Т. 10. № 3. – 2024. – С. 230–265. DOI: https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-2-230-265.
11. Древлянский П. Белорусские народные предания // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подг. А.Л. Топорков, Т.Г. Иванова, Л.П. Лаптева, Е.Е. Левкиевская. – М.: Ладомир, 2002. – С. 255–310.
12. Толстая С.М., Виноградова Л.Н. Приглашение мифологических персонажей на рождественский ужин // Полесский народный календарь. – М.: Индрик, 2005. – С. 443–500.
13. Як Мароз бабу змарозіў // Казкі пра жывёл і чарадзейныя казкі / Склад. К.П. Кабашнікаў; рэд. В.К. Бандарчык. – Мінск: Навука і тэхніка, 1971. – С. 427.
14. Як мужык Мароза зваяваў // Беларускія народныя казкі / Склад. Г.А. Барташэвіч, К.П. Кабашнікаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – С. 69.
15. Як мароз чалавеку нagradзіў за пшаніцу // Чарадзейныя казкі. – Ч. 1. / Рэд. В.К. Бандарчык. – Мінск: Навука і тэхніка, 1973. – С. 591–593.
16. Аѳанасьевъ А. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій въ связи съ миѳическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. Т. 3 / Тип. Грачева и комп. Изд. Солдатенкова К. – М.: 1869 г. – 840 с.
17. Киркор А.К. Слѣды язычества в празднествахъ, обрядахъ и пѣсняхъ // Живописная Россія: Отечество наше в его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи / Под общ. ред. П.П. Семенова. – СПб., М., 1882. – Т. 3. Ч. 1. Литовское Полѣсье; Ч. 2 Бѣлорусское Полѣсье. – С. 249–276.
18. Киркор А.К. Долина Припети // Живописная Россія: Отечество наше в его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи / Под общ. ред. П.П. Семенова. – СПб., М., 1882. – Т. 3. Ч. 1. Литовское Полѣсье; Ч. 2 Бѣлорусское Полѣсье. – С. 339–356.

19. Зеленинъ Д.К. Минская губернія // Описаніе рукописей Ученаго архива Императорскаго Русскаго географическаго общества. Вып. 2. – Петроградъ, 1915. – С. 678–699.
20. Зюзя // Этнаграфія Беларусі: энцыкл. / Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1989. – С. 216.
21. Сержпутоўскі А.К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / Прадм. У. К. Касько. – Мінск: Універсітэцкае, 1998. – 301 с.
22. Міфалогія беларусаў: Энцыкл. сл. / Склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск: Беларусь, 2011. – 607 с.
23. Чароўны свет: з беларускіх міфаў, паданняў і казак / рэд. Г.П. Пашкоў. – Мінск: Белар. энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – 215 с.

Паступіў 18.04.2025

ЗЮЗЯ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, РАЗВИТИЯ И ПЕРЕИЗОБРЕТЕНИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЖА

К.Л. КОЗИЧЕВА
(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск)

В статье рассматривается создание и развитие образа Зюзи – мифологического персонажа, сконструированного П. Шпилевским, – в рамках “кабинетной” мифологии XIX – начала XX в., его переработка и “легализация” в белорусской науке конца XX – начала XXI в.; анализируется процесс переизобретения этого мифологического персонажа в первой четверти XXI в.: появление многочисленных и разнообразных визуальных отображений Зюзи, а также использование образа Зюзи в сфере туризма и культурного брендинга отдельных территорий Беларуси.

Ключавыя словы: *Зюзя, мифология, мифологический образ, переизобретение традиции, культурный брендинг.*

ZYUZYA: THE HISTORY OF THE CREATION, DEVELOPMENT AND REINVENTION OF A MYTHOLOGICAL CHARACTER

K. KOZICHAVA
(Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article examines the creation and evolution of the image of Zyuzya, a Belarusian mythological character constructed in the mid-19th century, within the framework of cabinet mythology of the 19th to early 20th centuries, as well as its reworking and "legalization" in Belarusian science at the end of the 20th to the beginning of the 21st centuries. It analyzes the reinvention of this mythological character in the early 21st century: the emergence of numerous and diverse visual representations of Zyuzya, as well as the use of Zyuzya's imagery in the fields of tourism and cultural branding of several regions in Belarus.

Keywords: *Zyuzya, mythology, mythological image, the reinvention of tradition, cultural branding.*

УДК 398.3 **DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-88-93**

РЭЦЭПЦЫЯ АБРАДАЎ СЯМЕЙНАГА ЦЫКЛА Ў СЯЛЯНСКІХ НАРАТЫВАХ ПРА НЯМЕЦКУЮ НАЦЫСЦКУЮ АКУПАЦЫЮ (НА МАТЭРЫЯЛЕ БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ)

д-р філал. навук І.А. ШВЕД
(Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна)
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9225-2031

У артыкуле разглядаюцца рэцэпцыя і рэпрэзентацыя эпізодаў, звязаных з абраднасцю жыццёвага / сямейнага цыкла, у кантэксце рэтраспектыўнай наратывізацыі “дзецьмі вайны” вопыту выжывання сялян Брэсцкай вобласці ў сітуацыі нацысцкай акупацыі. З эмічна-этычнай пазіцыі канцэптуалізуецца праблема “вайна і нарматыўнасць задавальнення знакавых патрэб”. Высветлена, што ў перманентным стане небяспекі і крытычнай нявызначанасці вайны, якая стала адмысловым увасабленнем лёсу індывіда і ўсяго калектыву, традыцыйна рытуалізаваныя памежныя сітуацыі жыццёвых пераходаў чалавека маюць адметнае асэнсаванне – з акцэнтам на дэвіяцыі.

Ключавыя словы: *нараджэнне-хрышчэнне, шлюб-вяселле, смерць-пахаванне, сялянскі вусны наратыў, Беларусь, Другая сусветная вайна, акупацыя.*

Уводзіны. Даследаванню беларускіх сямейных абрадаў, іх функцый, семантыкі, сімволікі, сінтагматычнай і парадыгматычнай структуры прысвечана значная колькасць прац фалькларыстаў і этнолагаў – агляд і бібліяграфію, прыкладам, гл. [1; 2]. У кантэкце “антрапалагічнага павароту” ў народазнаўчых навуках даследчая ўвага акцэнтуецца на тых значэннях, якія ўкладаюць самі носьбіты традыцыі ў паняцці, блізкія да навуковага тэрміна рытуалу. Паводле М. Штаўсберга, які зрабіў грунтоўны агляд эмічных эквівалентаў слова “рытуал” у разнастайных лінгвакультурах, вядомая ўсім грамадствам ідэя рытуалу аб’ядноўвае сукупнасць узаемазвязаных дзеянняў, вераванняў і каштоўнасцей: парадак, прадпісанні, законы; абрады, мараль, звычаі; дзеянні, выкананне, праца; шанаванне, пакланенне, сход; тайныя веды, запамінанне, намер; вылучэнне, раздяленне, узвышэнне [цыт. па: 3, с. 71]. Адпаведна можна меркаваць, што гэтыя катэгорыі ў той ці іншай ступені будуць задзейнічаны ў інтэрпрэтацыі і ацэнцы рытуальных практык самімі носьбітамі традыцыі.

У сувязі з рэалізацыяй (мікра)лакальных антрапалагічна арыентаваных даследаванняў актуальным прадметам фалькларыстычнага даследавання становяцца схемы канцэптуалізацыі і наратыўнага выкладу носьбітамі традыцыі такіх этнаграфічных фактаў, як метафізічныя практыкі, што не цэнзураваліся афіцыёзам і ўвасаблялі сацыяльныя стратэгіі адаптацыйнага характару (у прыватнасці, “рытуалы бедства”, варожбы), а таксама эпізодаў, звязаных з каляндарнай і сямейнай абраднасцю і іх аксіялогіяй, спраецыраванай на ўмовы трансфармацыі жыццёвага ладу і нарматыўнай этыкі ва ўмовах сацыяльных катаклізмаў, у прыватнасці ў час Другой сусветнай вайны. Аднак у беларускай фалькларыстыцы адчуваецца нястача прац, прысвечаных даследаванням такіх аповедаў у лакальна-сінхранічным вымярэнні. Мэта гэтага артыкула – вызначыць адметнасці вернакулярнай рэцэпцыі і рэпрэзентацыі абрадаў жыццёвага / сямейнага цыкла ў вусных успамінах пра нямецкую нацысцкую акупацыю. Аб’ект гэтага даследавання – сучасныя сялянскія вусныя аповеды Брэсцкай вобласці. Задачы: ахарактарызаваць “этнаграфічны фальклор” (тэрмін С.Ю. Няклюдава), які датычыць 1) нараджэння-хрышчэння, 2) шлюбу-вяселля, 3) смерці-пахавання; вызначыць адметнасці канцэптуалізацыі базавых ідэй, звязаных з “жыццёвым / сямейным” цыклам.

Асноўная частка. Чыннікі сямейнай абраднасці, як і шэраг іншых рытуальных практык, да сёння працягваюць выконваць такую “традыцыйную” для іх “сацыяльную працу”, як фарміраванне і развіццё сеткі сацыяльных сувязей, сацыялізацыя асобы праз засваенне неабходных для набыцця пэўнага статусу агульных каштоўнасцей ды катэгорый ведаў і вопыту, зняцце міжасабовай напружанасці і сацыяльных канфліктаў, а таксама перыядычнае абнаўленне ці транфармацыя сацыяльных і канцэптуальных структур, на якіх засноўваецца жыццё супольнасці – падрабязней гл.: [4, с. 60]. Гіпатэтычна можна меркаваць, што канкрэтнае напаўненне, “змест” і вынікі гэтай “працы” адрозніваюцца ў дачыненні нават да той самай лакальнай супольнасці, у залежнасці ад таго, існуе яна ў звычайным – мірным – стане ці ва ўмовах сацыяльнага катаклізму, як вайна і акупацыя. Для фалькларыстаў, этнолагаў, даследчыкаў гісторыі паўсядзённасці ў сялянскіх аповедах пра вайну, акрамя іншага, навуковую цікавасць уяўляюць сведчанні і ацэнкі бытавання разнастайных формаў традыцыйнай (фальклорнай) культуры ў акупаваных нямецка-фашысцкімі захопнікамі вёсках [5].

Звяртае на сябе ўвагу цікавасць да пэўных абрадавых практык з боку саміх носьбітаў традыцыі, што відавочна з іх успамінаў (у тым ліку спантанных) пра розныя перыяды жыцця іх супольнасці. Асаблівае месца згадкі пра сацыяльныя аспекты такіх практык і іх ацэнка займаюць у аповедах “дзяцей вайны” пра жыццё ў акупаваных нацыстамі вёсках. Адпаведна новую аналітычную перспектыву адкрываюць дапаўненне этык-падыходу ў вывучэнні традыцыйных абрадаў эмічным даследаваннем рэцэпцыі абрадавых практык “дзецьмі вайны” (са сваімі жыццёвым вопытам, перажываннем мінулага, сацыяльнай пазіцыяй і перакананнямі) і ўвядзенне ў навуковы ўжытак так званага “этнаграфічнага фальклору” – вусных апісанняў “звычаяў і абрадаў, якія належаць носьбітам традыцыі” і “не з’яўляюцца прамой праекцыяй практыкі, якая апісваецца” [6, с. 46]. Выкарыстанне герменеўтычна-

інтэрпрэтацыйнага метаду забяспечвае ўлік канкрэтнага сацыякультурнага кантэксту (у тым ліку вернакулярных анталогій) пэўных абрадавых практык і разуменне эмнага пункту гледжання на гэтыя практыкі. У сувязі з адзначаным актуальнасць набывае (мікра)лакальнае сінхроннае даследаванне эксплікацыі абрадаў і звязаных з імі ўяўленняў самімі носьбітамі традыцыі, з выкарыстаннем эмічна-этычнага падыходу.

Адпаведна асноўныя *метады* гэтага даследавання: функцыянальна-семантычны, герменеўтычна-інтэрпрэтацыйны, сінхроннае лакальнае апісанне. Матэрыял для артыкула (інтэрв'ю і ўключанае назіранне) сабраны ў 2007–2025 гады, захоўваецца ў архіве студэнцкай Фальклорна-краязнаўчай лабараторыі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна і асабістым архіве аўтара. Большасць апавядальнікаў (з колькаснай перавагай жанчын) – "дзеці вайны", што жылі ў акупаваных нацыстамі вёсках Брэсцкай вобласці, беларусы, праваслаўныя, з пачатковай, радзей – сярэдняй адукацыяй, працавалі ў калгасе і ўласнай гаспадарцы. Гэты артыкул хутчэй не пра абрады, а пра "падзелены са сваімі" і абмеркаваны з "прывілеяванымі іншымі" (у тэрміналогіі П. Рыкера) вопыт наратараў, якія ў сваіх рэтраспектыўных меркаваннях з пазіцыі сучаснасці імплікуюць ці эксплікуюць маральна-этычныя ацэнкі падзей мінулага, пра псіхалагізаванае бачанне і наратывізацыю імі колішніх абрадавых практык, што рэзаніруе з прынятымі іх сацыяльнай групай "канцэпцыяй праўды вайны", нарматыўнай этыкай, а таксама аксіялогіяй нараджэння-хрышчэння, шлюбу-вяселля, смерці-пахавання.

Разглядаючы вусныя апавяданні Заходняй Беларусі пра абыдзёны рытуал, В.А. Лабачэўская падкрэсліла, што яны, акрамя таго, што ўключаюць "хрэстаматыйны пералік сакральных актаў", "паказваюць на іх гендэрную спецыялізацыю", і гэта тлумачыцца тым, што "ў Заходняй Беларусі, якая з 1920 па 1939 г. уваходзіла ў склад Польшчы, у нямецкай акупацыі заставалася як жаночае, так і мужчынскае насельніцтва" [5, с. 48–49]. Гэтымі ж абставінамі шмат у чым вызначаліся асаблівасці бытавання і іншых традыцыйных абрадаў і звычаяў (у прыватнасці, вясельных) у акупаваных нацыстамі вёсках Брэсцкай вобласці. Вайна ў "сістэме традыцыйнага светапогляду і светаўспрымання ўяўляла сабой квінтэсенцыю небяспекі" [Лобачевская, 2009: 49], парушала "норму" і "меру", г.зн. гармонію і стабільнасць, "узрушвала" асновы існавання, і таму набывала гранічны сэнс. У кантэксце рэтраспектыўнай наратывізацыі такога экстрэмальнага досведу могуць спецыфічна ўспрымацца і асэнсоўвацца кардынальныя вехі жыццёвага шляху чалавека, памежныя сітуацыі жыццёвых пераходаў. Ваенная штодзённасць, якой спадарожнічаюць смерць, гвалт, хваробы, голад і адпаведныя няпэўнасць, адчай, пакута, становіцца "памежнай", "ненармальнай" (а таму можа называцца паўсядзённасцю толькі ўмоўна) ды патрабуе ад людзей пастаяннага прыкладання намаганняў, каб "проста быць". Сентэнцыю тыпу "Думалі, што паміраць будзем / што нас адразу паб'юць" можна назваць скразной для разгляданых успамінаў.

У шэрагу аповедаў з пазіцыі этык-падыходу можна вызначыць праблему ***"вайна і нарматыўнасць задавальнення знакавых патрэб"***. Унутры сямейнага падання, міжпакаленнай перадачы досведу калясмяротнага вопыту родных і блізкіх, у апавяданнях як саміх удзельнікаў і відавочцаў драматычных падзей, так і з іх слоў, устойлівую пазіцыю займае матыў "дарослыя члены сям'і пераапранаюць дзяцей, рыхтуючыся да смерці". Так, паводле аднаго з наратываў удзельніцы падзеі, бацька, у адрозненне ад іншых чальцоў сям'і, распазнае ў начным грукаце 22 чэрвеня 1941 г. не навальнічныя грымоты над Бугам, а пачатак вайны, і бабулінай рэакцыяй на гэта з'яўляецца імкненне хутчэй апрануць дзяцей у чыстае: "Бабушка моя кричит: *«Надо детей в чистые рубашки надеть!» Мы думали, что нас сразу побьют…"* (Зап. 2014 г. Ніконька Ю., Гронская В. у в. Вельямовічы Брэсцкага р-на ад Дарашук Марыі Аляксандраўны (1932 г.н., адукав., правасл., бел., мясц.)). Гэты ж матыў лагічна ўведзены ў сюжэтную схему і апавядання жыхаркі аг. Мухавец Брэсцкага раёна, якая на той час была маленькім дзіцём і таму не можа не абапірацца на "чужую памяць" – успаміны старэйшых удзельнікаў: «Уже в конце еще были немцы здесь, уже отступали тогда, то пришли к нам, сожгли наш дом. *Посадили нас расстреливать* (мама, бабушка и я, брат). *Мама нарядила меня (маленькая ещё), плацице такое беленькое, которое только сшили на день рождения* – годик. И два немца вошли с автоматами <…> И вот она [бабушка] стала на колени и стала просить: "Не расстреливай, расстреляйте меня, оставьте ее и детей. В чем же они виноваты? В чём они виноваты?" И нас помиловали» (Зап. 2015 г. Чарнавокая В. ад Гуль Галіны Маісееўны (1941 г.н., адук., мясц.)). У такіх аповедах звяртае на сябе ўвагу імкненне носьбіта традыцыі (мамы ці бабулі) у экстрэмальных умовах, якія задаюць і маніфестуюць гранічныя сэнсы, задаволіць знакавыя патрэбы – у "памежнай удвая" сітуацыі хоць неяк забяспечыць "рытуальную легітымнасць" пераходу ў замагільны свет. Што да "інтраспектыўнага вопыту" бабуль – персанажаў цытаваных аповедаў, то ён нам даступны толькі ў рэпрэзентаваных "слядах"-дзеяннях: у першым выпадку вербальна выяўленая інтэнцыя – апрануць дзяцей у чыстыя кашулі – мае выключна рытуальна-сімвалічны сэнс, а ў другім – учынак бабулі, гатовай на самаахвяраванне (у адрозненне ад сімвалічнага дзеяння "пасіўнай ахвяры" – маці, апрануўшай дачушку ў белую сукенку), прыводзіць да рэальнага выратавання сям'і. Актуалізаваныя ў абедзвюх сітуацыях ідэнтычныя элементы міфарытуальнай сістэмы, звязаныя з пераходам "жыццё – смерць" (пераапрананне / абражэнне і адпаведныя ўяўленні), у пэўным сэнсе "пераварочваюцца". Як вядома, традыцыйна пераапрананнем памерлага ў чыстую (новую ці надзяваную ў сакральна вылучаныя перыяды календара або на вяселле) адзежу замацоўваецца яго новы стан – памерлага. У прыведзеных кантэкстах няздзейсненай на біялагічным узроўні смерці поўных вітальных сіл дзяцей папярэднічаюць узведзеныя да пахавальнага рытуалу акты пераўтварэння жывых у мёртвых, мінуючы этап памірання. Акрамя гэтага, разгляданы матыў адсылае да метанімічнага згортвання рытуальнага праходжання пункта, які звычайна завяршае сцэнар жыцця, – па неабходнасці ў экстрэмальных умовах рытуал кадуецца толькі адным яго семіятычна важным актам, у дадзеным выпадку – ражэннем дзяцей.

Ненарматыўнасць пахавання (выкопванне саміх на сябе пахавальных ям, закопванне жывымі, недахоп зямлі для пакрыцця целаў у велізарнай расстрэльнай яме), парушэнні базавых прадпісанняў абраду (пахаванне ў адной магіле, без акуратнага апускання трун на палотнах ці хаця б вяроўках, закопванне цел зусім без трун, без адпявання-развітання, рытуальнага надзялення нябожчыка доляй) часта эксплікаваны ў апавяданнях "дзяцей вайны" (і іх нашчадкаў) пры абмалёўцы адпаведных карцін, траўмаваўшых псіхіку відавочцаў. Прыкладам: «[Бацькава брата] *заставілі выкопаты гроба на полэ*, завелі за сарай, заставілі выкопаты могілу самы, і поставілі: от дзедзьку, і там ша аднаго, і хлопац шышнацаць літ буў, і кажа, той просіўся: "Дзедзько, завяжыты мне вочы". І усе, расстрэлялі ўсіх» (Зап. 2025 г. Сакадын К. у в. Лелікава Кобрынскага р-на ад Сакадын Марыі Карпаўны (1948 г.н., бел., 8 кл., правасл., мясц.)). Нярэдка мясцовае насельніцтва згадвае і паваенныя перапахаванні.

Пасля многіх дзесяцігоддзяў да ўдзельнікаў і відавочцаў падзей у снах могуць прыходзіць салдаты, якія загінулі і былі паспешліва – без правядзення належных рытуалаў, пахаваны далёка ад сваіх дамоў. Так, ураджэнка Азарычаў апавядае аб тым, як у сне ўбачыла свайго нябожчыка мужа з чырвонаармейцам, забітым і пахаваным у іх мясцовасці, – на тым свеце мужчыны апынуліся ў адной хаце. Гэта значыць, пасмяротныя шляхі тубыльца, памершага "сваёй смерцю", і загінулага зблізку яго хаты маладога салдата з Грузіі перакрыжаваліся-зыйшліся ў адной кропцы, пры гэтым падкрэсліваецца агульнасць іх прыналежнасці да адной веры – праваслаўнай (Зап. 2016 г. Барысевіч М.Ю. у в. Азарычы Пінскага р-на ад Уласік (Чуйко) Алены Рыгораўны (1925 г.н., сярэдняя адук., правасл., мясц.)). Зразумела, загінуўшыя на фронце мужчыны прыходзяць у снах да сваіх блізкіх. Прыкладам, аўдавеўшая жанчына шмат гадоў жыла ў страху, што яе дачушка памрэ, бо ў сне яе забраў загінуўшы на вайне бацька (Зап. студэнты БрДзУ у в. Збураж Маларыцкага р-на ад Алесік Надзеі Пятроўны (1922 г.н., 3 кл. "польскай школы").

Вяртаючыся да наратываў пра смерць "сваіх", неабходна адзначыць, што для перадачы дэталяў трагедыі, пачуццяў і эмоцый тых, хто выжыў, сведак ды ўдзельнікаў пахавання ахвяр нацысцкіх зверстваў нярэдка выкарыстоўваюцца ўстойлівыя тропы і клішэ (уміг пасівелыя ахвяра і/ці відавочца, цякучая па зямлі кроў (асабліва кантрастная са снегам), карычневая зямля ці пачырванеўшая ад крыві вада (у вадаёме), стогны ахвяр, варушэнне зямлі ў расстрэльнай яме і выцягванне рук з яе), адпаведныя канцэпты страху, гора, безвыходнасці і г.д. Звяртае на сябе ўвагу і канцэптуалізацыя поруч са стыхіямі зямлі і вады (балота) стыхіі агню, якія разам адмыслова апрадмечваюць калектыўнае ўяўнае пра вайну як стыхійнае бедства. Пералічаныя сродкі рэпрэзентацыі драмы смерці і пахавання характэрныя як стэрэатыпізаваным унутрыгрупавым фабулатам, так і публічнаму дыскурсу («А коренное население, к сожалению… Пришли немцы… у нас здесь гетто недалеко, они всех их [местное население] за проволоку, потом вывели напротив школы прямо болото в Шилово, и там на склон, и просто расстреляли. *Кровь текла ручьями в болото*, просто расстреляли всех вот, коренное население» (Зап. 2012 г. Кудзіч І. у г.п. Дамачава Брэсцкага р-на ад Тарасевіча Леаніда Фёдаравіча – дырэктара Дамачаўскага сельскага выканаўчага камітэта). Інтэрпрэтацыя такіх наратываў магчымая праз оптыку вызначаных А. Энгелькінг у "палескім вернакулярным сказе" "ліній пратаганістаў", якія прадстаўляюць абагульненага героя (яўрэяў і сялян) і падзяляюць агульны лёс бязвінных ахвяр "касмічнай катастрофы, якая адбылася па дапушчэнні вышэйшага парадку". "Падобна да таго, як у смерці яўрэяў удзельнічае найперш стыхія зямлі і вады, у расправу над сялянамі аказваецца ўлучанай стыхія агню" [7, с. 34–35]. Згадваюцца "дзецьмі вайны" і "звычайныя" пахаванні, якія ў акупаваных вёсках Брэсцкай вобласці былі ўскладнены неспрыяльнымі ўмовамі, у прыватнасці тым, што царква, дзе магчыма было адпець нябожчыка, і могілкі аказаліся за нейкай незразумелай мясцоваму насельніцтву новай мяжой, і *"покойніка надо ў коменданта просіть, чтоб разрешіл на кладбішчах похороніть, бо вжэ за граніцой…»* (Зап. 2020 г. Андрасюк А. у Жабінцы ад Козіч Валенціны Мікалаеўны (1929 г.н., Пружанскае педвучылішча, правасл., бел., пераехала з в. Харкі Пружанскага р-на)).

З шэрагу апавяданняў больш ці менш выразна высвечваюць пэўныя каштоўнасныя супярэчнасці, якія не зняў час. У індывідуальных інтэрпрэтацыях наратараў вайна можа ўспрымацца як нейкая "навязаная звонку дадзенасць", а жыццё – як такое, што патрабуе свайго працягу, і героі апавяданняў змушаныя існаваць як бы ў трох жыццёвых светах – паўсядзённа-звычайным, рытуальна-абрадавым і экстрэмальным. У адпаведнасці з тым ці іншым модусам нашыя суразмоўцы могуць казаць пра тое, што ў акупаваных вёсках Брэстчыны хлопцы сустракаліся з дзяўчатамі, гуляліся вяселлі (у шэрагу выпадкаў, каб пазбегнуць вывазу ў Германію), нараджаліся і хрысціліся дзеці, адзначаліся каляндарныя святы, ладзіліся маладзёжныя вечоркі – "музыка", удзельнікамі якой у адных апавяданнях (з партызанскіх зон) з'яўляліся партызаны, у другіх – "немцы", у трэціх – "уласаўцы" ці "бульбоўцы" (ад мянушкі арганізатара Украінскай нацыянальна-рэвалюцыйнай арміі Тараса Бараўца – Бульба). У такіх апавяданнях можна "вычытаць" ідэю таго, што традыцыйна спарадкаваныя сэнсы супольнасці ў экстрэмальны час у пэўнай ступені страцілі сваю стабільнасць і суб'ектывізаваліся. Вайна дэструктурызавала ўвесь існуючы парадак, у тым ліку ўстойлівыя формы адносін у вясковым соцыуме, міжасабовыя ўзаеміны (адна з апавядальніц "падмацавала" гэта прыпеўкай: "Ой вайна-вайна, / Ты мяне абідзела / І заставіла любіць, / Каго я ненавідзела" (Зап. 2009 г. Валасар М. у в. Тальмінавічы Ляхавіцкага р-на ад Абрамчык Вацлавы Станіславаўны (1928 г.н., адук., каталіч., бел., мясц.)). Мяркуючы па аповедах, драма вайны раскрыла і актывавала звычайна ўтоеныя ўчасткі лакальнай сацыяльнай сеткі, разбурыла ці, наадварот, умацавала сямейна-родасныя і суседскія сувязі. Выводзячы на першы план свой пункт гледжання, апавядальнікі могуць па-рознаму ацэньваць вышэйадзначаныя культурныя практыкі і паводзіны іх удзельнікаў, якія адначасова як бы прытрымліваліся традыцыйнага культурнага ўзору, задавальнялі знакавыя патрэбы (у прыватнасці, гулялі вяселлі) і здзяйснялі "гыдкую" трансгрэсію выпрацаваных супольнасцю маральных нарматываў, прыкладам: "А ў войну, знаетэ, як було гыдко… Гуляюць, васілля робять, гуляють, танцюють,

бульбашi спiваюць. Я там у той вэлыкой хатi жыла (кiлька мнэ було… трынаццяць лiт), бацько ўмэр. Бульбашi iдуць, спiваюць, выбiгла баба – за буханку хлеба i пошла. [Баба тая, што з бульбашамi iшла?] Да-а-а! О-о-й, нi дай Божэ! Зара добрэ, а тоды нi дай Божэ!» (Зап. 2018 г. Вецiк Я.В., Сенькавец У.А., Швед I.А. у в. Лелiкава Кобрынскага р-на ад Рэбрэй Наталлi Сцяпанаўны (1930 г.н., правасл., бел.)). Разам з тым зафiксавана i наступнае сведчанне: “Тогды булы й дывкы взрослы там, воны включать патiфона <…> То назбыраюцця i дывкы, тыi нiмцi, i качають тых дывок, i бушують, гэтак бы i нашы хлопцы. О, ныкого ны затронулы тыi, i гытляровцы… Вжэ воны прыйiхалы гэто палыты i быты гэты деревня́. Ны палылы i ны былы ныкого” (Зап. 2021 г. Галах М. у в. Застаўе Драгiчынскага р-на ад Кочык Марыi Клiменцьеўны (1933 г.н., 4 кл., правасл., бел.)). Мяркуючы па наяўных у нас запiсах, жыхары партызанскiх зон становiча адзываюцца аб практыках баўлення вольнага часу мясцовай халастой моладзэю – дзяўчат i сваiх хлопцаў “з деревень этых о суседнiх” – партызан (Зап. 2011 г. Федарава К. у в. Спорава Бярозаўскага р-на ад Лютыч Вольгi Аляксееўны (1935 г.н., адук., правасл., бел., мясц.)).

З шэрагу наратываў вiдавочна, што прыхiльнасць носьбiтаў традыцыi да яе “законаў” (i патрыярхальнага ўкладу ў цэлым) у пэўным сэнсе не страчвала сваёй значнасцi ва ўмовах нацысцкай акупацыi. Так, звычайныя для сялянскiх супольнасцей матрыманiяльныя стратэгii хоць i не маглi не трансфармавацца ў працяглай экстрэмальнай сiтуацыi вайны (i адпаведнай пераацэнкi каштоўнасцей), але захоўвалi шэраг сваiх пазiцый. Мяркуючы па аповедах, у ваеннае лiхалецце атмасфера традыцыйнага “гуляння” ***вяселля*** аказвалася зусiм нетрадыцыйнай i ўключала разнастайныя эксцэсы. У аповедах пра “акупацыйныя вяселлi” частотны матыў незвычайнасцi як самiх гасцей i iх паводзiн (у тым лiку маўленчых), так i вясельных атрыбутаў – падкрэслiваецца, што ўдзельнiкi вясельнага застолля былi з вiнтоўкамi i пад прыцэлам вiнтовак (“А яны панапiвалiся… павылазiлi, ды давай бiцца. Парассякалi адзiн аднаму вiнтоўкамi о тут во лоб. После дасталi бiнты, пазавязвалi этыя галовы. А парцiзаны ў жыцi ляжаць…” (Зап. 2009 г. Валасар М. у аг. Тальмiнавiчы Ляхавiцкага р-на ад Абрамчык Вацлавы Станiславаўны (1928 г.н., адук., катал., мясц.)). У сувязi з адзначанай “нетрадыцыйнасцю атмасферы” вяселля характэрныя i мемараты з партызанскiх зон, у прыватнасцi з Бярозаўскага раёна: “О, такэе було вэселле – партiзаны, немцэ, маджары. А мэнэ як замкнулi ў комору, сказалi, шо нэма молодое i парцiзаны пойшлi, а вжэ прыехалi з вэнца, то прыйшлi немцэ, маджары” (Зап. 2009 г. Кавалевiч А. у в. Сакалова Бярозаўскага р-на ад Кавалевiч Ульяны Iванаўны (1922 г.н., адук., правасл., бел., мясц.)). Абрады, як вядома, не проста адлюстроўваюць узаемаадносiны памiж iх удзельнiкамi, а ствараюць гэтыя адносiны (у прыватнасцi, улады i падпарадкавання цi iерархiчнай камплiментарнасцi), сiмвалiчна ўвасабляючы пэўную супольнасць i яе здатнасць да трансфармацый, у тым лiку пад уплывам знешнiх абставiн i сацыяльных катаклiзмаў, якiм з’яўляецца вайна. Пра тое, якiя “адносiны” стваралiся падчас вяселля, удзельнiкамi якога былi “партiзаны, немцэ, маджары”, што адчувалi маладыя i iх родныя, i канкрэтна нявеста, схаваная ў каморы (але не “традыцыйна” – ад дружыны маладога), а таксама партызаны, што схавалiся ў жыце i разважалi, цi напасцi на падпiўшых фашыстаў i iх паслугачаў, застаецца толькi здагадвацца.

Спецыфiка выказвання пра вясельнае гулянне (якое магло супадаць са святкаваннем каляндарных свят, у прыватнасцi, Сёмухi) можа тлумачыцца глыбiннай карэляцыяй феноменаў вайны i свята, само “ўзаеманакладанне” якiх успрымаецца як дэвiяцыя. Як слушна адзначае У. Лобач, “вайна, як i смерць, выступае каштоўнасцю анталагiчнага плану, ёсць супрацьлеглым полюсам свята. Бо калi ў апошнiм выпадку рух па жыццёвай шкале адбываецца ад сiтуацыi няпэўнасцi, хаосу, дэструкцыi да новага роўню светаладу, то вайна мадэлюе адваротны выпадак: ад парадку, стабiльнасцi – да суцэльнай дэвiяцыi жыццёвага ладу” [8, с. 450], i, дададзiм, сама “цыклiчна” знiкае ў максiмальна бруднай субстанцыi распаду. У дзiцячых вусна-паэтычных творах з ланцуговай структурай гэта – кал, якi, акрамя ўсяго, традыцыйна фiгураваў у кантэкстах зневажання некага цi нечага i разам з тым ахоўваў чалавека i яго маёмасць ад уздзеяння нячыстай сiлы; параўн.: “…А дэ тые дэвочкы? / – Жэнiшкы побралi / – А дэ тые жэнiшкы? / – Пошлi на войну. /– А дэ тая война? / – Дэ копiца го.на. / –А дэ тэе го.но? / – Свiннi поелi. / – А дэ тые свiннi? / – Люды побылi. / – А дэ тые люды? / – Умэрлi да й ручкi задэрлi” (Зап. 2025 г. Ярмольчык Л. у аг. Багданаўка Лунiнецкага р-на ад Ярмольчык Еўдакii Уладзiмiраўны (1950 г.н., бел., мясц.)).

На фоне частотнасцi згадак немаўлят (i iх гiбелi) у аповедах пра акупацыю наратары, нават жанчыны (не кажучы ўжо пра мужчын), вельмi рэдка нешта кажуць пра ***перадродавы перыяд, роды цi хрысцiны*** ў час вайны. Толькi часам яны акцэнтуюць тое, што ва ўмовах партызанскiх лагераў i падчас разгортвання франтавых дзеянняў “трапляла людзям”, г.зн. жанчыны маглi нараджаць дзяцей. Гэты факт не толькi станавiўся аб’ектам абмеркавання (i нават абсмейвання – “рагаталi”) у малой (найперш, жаночай) групе, але i спецыяльна маркiраваўся калектыўнай свядомасцю сялянскай супольнасцi (такiх дзяцей называлi адметна – “франтавiкi”) i доўга помнiўся (Зап. 2009 г. Валасар М. у в. Гайнiн Ляхавiцкага р-на ад Валасар Юзэфы Iосiфаўны (1928 г.н., адук., каталiч., мясц.)). Нетыповай падчас нацысцкай акупацыi магла быць матывiроўка хрышчэння дзiцяцi, напрыклад, каб маркiраваць яго i ўсю сям’ю як “не-бальшавiкоў” (Зап. 2015 г. Валковiч А. у в. Люта Брэсцкага р-на ад Якавук Нiны Iванаўны (1936 г.н., 4 кл., правасл., бел.)). Зафiксавана наратывiзацыя трагiчных эпiзодаў, у якiх iмператыў “***дзецi – галоўная каштоўнасць i сэнс жыцця***” як бы здымаўся ва ўмовах татальнай дэструкцыi свету (дарослыя кiдалi немаўлят падчас бегства ад фашыстаў, або “гура” настойвала, каб мацяркi *«душылi дзецей, або одгонялi од гуры. “Iдзi з своiм дзiцяцем, куда хоч!” Коб не почулi, не прыйшлi, да не поўбiвалi ўсех»* (Зап. 2013 г. Аксёнава А. у в. Выганашчы Iвацэвiцкага р-на ад Кармановiч Надзеi Рыгораўны (1940 г.н., бел., 10 кл., правасл., мясц.)) i тым самым “ад адваротнага” пацвярджаўся апавядальнiкамi.

Заключэнне. Мяркуючы па запiсах з Брэсцкай вобласцi, у кантэксце рэтраспектыўнай наратывiзацыi вопыту жыцця ў працяглай экстрэмальнай сiтуацыi нацысцкай акупацыi рэцэпцыя i рэпрэзэнтацыя абраднасцi

жыццёвага / сямейнага цыкла і звязаных з ёю ідэй істотна адрозніваюцца ад такіх у аповедах пра мірны час, галоўным чынам – акцэнтацыяй тых ці іншых парушэнняў, дэвіяцыі. Пазначаная адметнаць, сярод іншага, можа быць інспіраваная цеснай сувяззю складаных рытуальных сістэм (і іх сімвалічнай мовы, якая не можа быць нейтральнай) з сацыяльнымі структурамі і каштоўнасна-нарматыўнымі ўстаноўкамі, адпаведна кардынальная змена адных (у прыватнасці, пад ціскам драматычных абставін вайны і акупацыі) можа / павінна матываваць трансфармацыю іншых. З вышэйпрыведзеных эмічных чыннікаў рытуалу, вызначаных М. Штаўсбергам, беларускія наратары – "дзеці вайны" – акцэнтуюць узаемазвязаныя дзеянні і каштоўнасці, найперш маральна-этычныя, і менавіта ў іх оптыцы разглядаюць паводзіны членаў сваёй супольнасці. Мяркуючы па аповедах, аднаўленне такіх складнікаў ранейшага парадку, як пэўныя культурныя практыкі, паўсядзённая руціна, мадэлі паводзінаў, патэрны ўзаемаадносін, па-першае, далёка не заўсёды было магчымым ва ўмовах падвышанай напружанасці і страты адчування стабільнасці і прадказальнасці, а, па-другое, нават калі такое аднаўленне "з карэктывамі на глабальную памежнасць" вайны і акупацыі ўдавалася, то гэта магло не адпавядаць каштоўнасным (пера)арыентацыям шэрагу членаў лакальнай супольнасці, а таксама апавядальніка, які рэтраспектыўна ацэньвае апісаныя ім практыкі, падзеі, калізіі. Як і шматлікія іншыя аповеды з топікай разгледжанага сацыяльнага катаклізму, аповеды пра "(не)задавальненне знакавых патрэб ва ўмовах агульнага парушэння нармальнасці" ў сваіх аксіялагічных і рэферэнцыйных вымярэннях грунтуюцца на даволі лёгка апазнавальных культурных і маральных імператывах, калектыўных уяўленнях пра (не)належнае, і звычайна імплікуюць ці эксплікуюць ацэнкі ў залежнасці ад індывідуальнага вопыту, сэнсавай пазіцыі, ідэалагічнага пункту гледжання наратара. Імаверна, закранаючы тэматыку жыццёвых пераходаў чалавека, якія традыцыйна забяспечваліся-афармляліся адпаведнымі рытуаламі, апавядальнікі (як і героі іх наратываў) вымушаны вырашаць нялёгкія задачы ўпісвання "індывідуальнай памежнасці" лімінала (і пазіцый удзельнікаў падзеі) у "глабальную памежнасць" катастрофы вайны і акупацыі, суаднясення феноменаў вайны і свята (параўн. этымалогію "вяселля"), зыходзячы пры гэтым з уласных аксіялагічных установак.

ЛІТАРАТУРА

1. Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. – Т. 3. Культура сяла XIV – пачатку XX ст. У 2 кн. – Кн. 2: Духоўная культура / А.І. Лакотка і інш.; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск: Белар. навука, 2016. – 751 с.
2. Варфаламеева Т.Б. Сямейныя абрады і звычаі. – Мінск: Выш. шк., 2017. – 719 с.
3. Stephenson B. Ritual. A very short introduction. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2015. – 126 p. – DOI: https://doi.org/10.1093/actrade/9780199943524.003.0001.
4. Bell C. Ritual: Perspectives and Dimensions. – New York: Oxford. University Press, 1997, xii + 351 p. – DOI: https://doi.org/10.1093/oso/9780195110517.001.0001.
5. Лобачевская О.А. Ритуал в повседневности войны (об архаической ритуальной практике в годы Второй мировой войны в Беларуси) // Homo historicus 2009. – Гадавік антрапалагічнай гісторыі. – Вільня, 2010. – С. 38–53.
6. Неклюдов С.Ю. «Этнографический факт» и его фольклорные экспликации // Фольклор и этнография. К 90-летию со дня рождения К.В. Чистова / Отв. ред. А.К. Байбурин, Т.Б. Щепанская. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – С. 40–47.
7. Энгелькинг А. Сказ полесского села, или О фольклоризации памяти о Второй мировой войне // Славяноведение. – 2018. – № 6. – С. 27–46. – DOI: https://doi.org/10.31857/S0869544X0001763-2.
8. Лобач У.А. Міф. Прастора. Чалавек : традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у семіятычнай перспектыве. – Мінск: Тэхналогія, 2013. – 510 с.

Паступіў 30.11.2025

РЕЦЕПЦИЯ ОБРЯДОВ СЕМЕЙНОГО ЦИКЛА В КРЕСТЬЯНСКИХ РАССКАЗАХ О НЕМЕЦКОЙ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ)

д-р филол. наук И.А. ШВЕД
(Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

В статье рассматриваются рецепция и репрезентация эпизодов, связанных с обрядностью жизненного/ семейного цикла, в контексте ретроспективной нарративизации «детьми войны» опыта выживания крестьян Брестской области в ситуации нацистской оккупации. С эмически-этической позиции концептуализируется проблема «война и нормативность удовлетворения символических потребностей». Установлено, что в условиях перманентной опасности и критической неопределенности войны, ставшей особым олицетворением судьбы личности и всего коллектива, традиционно ритуализированные пограничные ситуации жизненных переходов человека получают своеобразную интерпретацию – с акцентом на девиации.

Ключевые слова: *рождение-крещение, брак-свадьба, смерть-погребение, крестьянский устный рассказ, Беларусь, Вторая мировая война, оккупация.*

RECEPTION OF FAMILY CYCLE RITUALS IN PEASANT STORIES ABOUT GERMAN-NASCIP OCCUPATION (BASED ON MATERIALS FROM THE BREST REGION)

I. SHVED
(Brest State A.S. Pushkin University)

The article examines the reception and representation of episodes related to the rituals of the life/family cycle in the context of the retrospective narrativization by "children of war" of the survival experiences of peasants in the Brest region during the Nazi occupation. From an ethical perspective, the issue of "war and the normativity of satisfying symbolic needs" is conceptualized. It has been established that in conditions of permanent danger and critical uncertainty of war, which has become a peculiar embodiment of the fate of both the individual and the collective, traditionally ritualized boundary situations of human life transitions receive a distinctive interpretation – emphasizing deviations.

Keywords: *birth-baptism, marriage-wedding, death-burial, peasant oral narrative, Belarus, World War II, occupation.*

УДК 392.1(476) **DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-94-104**

ТРАДЫЦЫЙНАЯ ПАХАВАЛЬНАЯ АБРАДНАСЦЬ СТАРАВЕРАЎ ПАЎНОЧНА-ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (НА АСНОВЕ МАТЭРЫЯЛАЎ ПАЛЯВЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ ПАЧАТКУ XXI СТ.)

канд. гіст. навук, дац. У.Я. АЎСЕЙЧЫК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6433-0039

Артыкул прысвечаны характарыстыцы традыцыйнай пахавальнай абраднасці стараверaў Паўночна-Заходняй Беларусі. Асновай для працы сталі матэрыялы сучасных палявых фальклорна-этнаграфічных даследаванняў, праведзеных у асяроддзі стараверaў рэгіёна. Для даследавання таксама прыцягнуты і больш раннія матэрыялы і архіўныя крыніцы. У артыкуле выяўлена традыцыйная структура пахавальнага абраду, ахарактарызаваны яго асноўныя этапы і рытуальныя дзеянні, прасочана эвалюцыя пахавальнага абраду на працягу другой паловы XX – пачатку XXI ст. Прыходзім да высновы, што нават да сучаснага перыяду гэта частка народнай культуры стараверaў захавала нямала архаічных рысаў. Як вынікае з аналізу матэрыялаў, на пахавальны абрад значны ўплыў аказвалі рэлігійныя прадпісанні і нормы стараверaў, што прадвызначыла яго струткру і паўплывала на комплекс уяўленняў і рытуальных дзеянняў. Гэта асаблівасць характэрна і для сучаснага перыяда. Аналіз матэрыялаў таксама паказаў, што ў структуры пахавальнага абраду стараверaў відавочна прасочваюцца ўласна рускія этнічныя традыцыі.

Ключавыя словы: *пахавальная абраднасць, стараверы, Паўночна-Заходняя Беларусь, рытуал, пахаванне, традыцыя, эвалюцыя.*

Уводзіны. У комплексе абрадаў сямейнага цыкла асаблівае месца займаюць рытуалы, якія суправаджаюць пахаванне чалавека. Пахавальная абраднасць адносіцца да найбольш устойлівых элементаў этнічнай культуры. Па гэтай прычыне яна з'яўляюцца надзвычай інфарматыўнай (а таму вельмі важнай і каштоўнай) крыніцай для даследавання этнічных і этнакультурных працэсаў. З іншага боку, пахавальная абраднасць дазваляе выявіць узаемасувязі абрадавых комплексаў сямейнага і каляндарнага цыклаў, яе даследаванне садзейнічае лепшаму разуменню іншых праяў самабытнай духоўнай і матэрыяльнай культуры этнічных супольнасцей. У комплекс пахавальна-памінальнай абраднасці ўваходзіць абрад пахавання, індывідуальныя памінанні (памінальныя ўрачыстасці, якія здзяйсняліся ў адпаведныя дні пасля смерці чалавека) і памінальныя ўрачыстасці, уключаныя ў каляндарныя святы. Мэта дадзенага артыкула – выявіць асаблівасці традыцыйнай пахавальнай абраднасці стараверaў-беспапоўцаў Паўночна-Заходняй Беларусі.

Геаграфічныя межы даследавання абумоўлены арэаламі рассялення стараверaў у межах рэгіёна. Асноўны масіў іх пасяленняў сканцэнтраваны на тэрыторыі сучасных Браслаўскага, Мёрскага, Шаркаўшчынскага, Пастаўскага і Глыбоцкага раёнаў Віцебскай вобласці і пераходзіў на літоўскія і латвійскія землі; на поўдні да яго прымыкаюць невялікія арэалы на тэрыторыі Астравецкага і Ашмянскага раёнаў Гродзенскай вобласці, Мядзелскага і Валожынскага раёнаў Мінскай вобласці. Асновай для працы сталі матэрыялы палявых фальклорна-этнаграфічных даследаванняў, праведзеных у рэгіёне ў пачатку XXI ст. Да выяўлення асаблівасцей пахавальнай абраднасці стараверaў паўночна-заходняга рэгіёна былі прыцягнуты таксама і больш раннія матэрыялы і архіўныя крыніцы. Варта адзначыць, што дадзеная праблематыка не знайшла належнага адлюстравання ў навуковых публікацыях. Яна толькі закранaлася ў артыкуле А.А. Гарбацкага і Т.В. Дабжынскай [5], а таксама ў навукова-папулярным выданні Т.І. Хурсан [14].

Асноўная частка. Структура пахавальнага абраду стараверaў, як і мясцовага беларускага насельніцтва, уключае рытуальныя дзеянні да пахавання, а таксама непасрэдна пахаванне з абавязковым памінальным застоллем пасля яго. Да сферы пахавальнай абраднасці належыць таксама комплекс уяўленняў і павер'яў, звязаных са смерцю і "іншым" светам. Падобныя ўяўленні адрозніваюцца высокай ступенню захаванасці і кансерватыўнасці. Такім чынам, непасрэдна да пахавальнага абраду прымыкае комплекс прымет, якія, як лічылася, прадказваюць смерць чалавека. Матэрыялы сучасных палявых даследаванняў паказваюць, што вясковае старавeрскае насельніцтва рэгіёна (пераважна старэйшага пакалення) па-ранейшаму ў якасці прымет "на смерць" указвае незвычайныя паводзіны жывёл, птушак, насякомых (выццё сабакі, спяванне курыцы і інш.). У якасці такіх прыкмет могуць разглядацца і "прадказанні", убачаныя ў сне: "Ну, собака выець ілі землю роет, то на покойніка, еслі выець і вверх глядзіць – на пажар. … Ну, там [у сне – *А.У.*] пастройкі так гэта это самое новые так ещё ж говорят на пахарон"[1]. Трэба заўважыць, што падобны набор прыкмет уласцівы і мясцоваму беларускаму насельніцтву [8, с. 56].

Як і ў мясцовага беларускага насельніцтва, інварыянтам традыцыйнага пахавальнага абраду ў стараверaў рэгіёна было пахаванне людзей сталага ўзросту, якія памерлі "сваёй" смерцю. Паводле традыцыйных уяўленняў натуральнай ("правільнай") смерцю чалавека лічылася "свая" смерць (г.зн. смерць "ад старасці"). У такім разе

[1] Запісана ў 2022 г. аўтарам ад Васільевай У.П., 1943 г.н. у в. Мілейкі Мёрскага р-на.

смерць чалавека настае ў выніку таго, што той пражыў свай "век". Такая абумоўленасць тлумачыцца сувяззю ў традыцыйнай свядомасці паняцця "век" (працягласць жыцця чалавека) з яго "доляй", якая яму даецца пры нараджэнні. Варыянт "памерці сваёй смерцю", паводле традыцыйных уяўленняў, з'яўляецца ідэальным. Да такіх нябожчыкаў адносіліся з глыбокай пашанай і іх рэгулярна паміналі. Іншыя варыянты смерці ("не сваёй", заўчаснай) ва ўмовах традыцыйнага грамадства разглядаліся як непажаданыя [9, с. 143–144; 13, с. 131; 12, с. 40; 3, с. 102].

Малюнак 1. – Пахаванне ў старавераў Шаркашчынскага р-на.
З сямейнага архіва В. Гудковай, г. Наваполацк

Сярод усіх катэгорый нябожчыкаў, што памерлі "не сваёй" смерцю, асобна вылучаліся самагубцы, стаўленне да якіх было абсалютна адмоўным. Згодна з народнай традыцыяй, такіх памерлых не паміналі і не адпявалі, іх не хавалі на агульных могілках. Такі іх статус "нячыстых" нябожчыкаў падмацоўвалася і пазіцыяй стараверскай царквы. Гэта характарыстыка пастаянна адзначаецца рэспандэнтамі: "Вот если павешается человек, батюшка хоронить не будет. Так, где-нибудь водаль его хоронят, не на кладбище, не молются по ем, и батюшка не приезжает. Если человек памёр, то явоная звезда падает" (в. Залессе Глыбоцкага р-на) [4, с. 90].

Але архіўныя крыніцы ўсё ж фіксуюць выпадкі пахавання самагубцаў на агульных могілках. Такі выпадак здарыўся ў 1937 г. у Відзаўскай абшчыне (Браслаўскі раён). Разам з тым, пахаванне адбылося з выканнем многіх рэлігійных частак, нягледзячы нават на тое, што памерлы не быў у споведзі, не хадзіў у храм, а таксама характарызаваўся як "отчаянный табакою и брадобрия". Мясцовы святар (духоўны настаўнік) адмовіўся яго хаваць і настойваў на тым, што не трэба па ім "служить погребение а также и хоронить на кладбище". Пра гэта святар заявіў старшыні абшчыны, аднак той не паслухаўся і арганізаваў пахаванне на могілках. Як сведчаць крыніцы, пахаванне прайшло з выкананнем многіх рэлігійных частак (наяўнасць пахавальнай працэсіі з крыжам, прысутнасць групы пеўчых і інш.). Гэта пахаванне ўзбудзіла ўсю абшчыну, у выніку чаго яна накіравала прашэнне ў Вышэйшы стараверскі савет у Вільні (далей – ВСС) каб перапахаваць самагубцу за межамі могілак. У ім адзначалася, што пахаванне самагубцы на агульных могілках "нарушает канон наш <…> в нашем законе нельзя класть на кладбище висельника". Таму абшчына прасіла "выбрать висельника из нашего кладбища" каб "висельник не лежал бы там, где лежат христиане наши". У сувязі з гэтым ВСС даў распараджэнне агарадзіць ўчастак могілак, дзе пахаваны самагубца, і зрабіць у яго асобны ўваход з боку дарогі. Гэтае адгароджанае месца ў наступным павінна стаць месцам пахавання самагубцаў. Аднак такое рашэнне не задаволіла абшчыну і яны ізноў накіравалі прашэнне у ВСС каб выкапаць вісельніка і перапахаваць яго ў іншым месцы[2].

[2] Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). – F. 1681. Ap. 1. B. 174. – L. 65–66, 67–68г, 73–73г, 79.

Трэба заўважыць, што ў стараверскага насельніцтва рэгіёна не толькі самагубства разглядалася як непажаданы варыянт смерці. Гэта датычылася таксама і нехрышчоных дзяцей. Як і самагубцаў, іх забаранялася хаваць на агульных могілках. Іншы раз такіх нябожчыкаў усё ж хавалі на агульных могілках, але не ў цэнтральнай частцы, а дзе-небудзь з краю. Так, крыніцы паведамляюць пра выпадак, які здарыўся ў 1937 г. у Лаўнікаўскай абшчыне (Браслаўскі раён, у сучасны перыяд не існуе). Адна жанчына-староверка нарадзіла нежывое дзіця. Згодна з інфармацыяй духоўнага настаўніка, гэтае дзіця пахавалі з краю могілак без выканання абраду: «Родители младенца похоронили в берегу кладбища на указанном им месте без погребения»[3]. Падобныя асаблівасці фіксаваліся і ў старавераў Літвы: “Если уже некрещеный ребёнок, полагается токо так захоронить, как вот, например, и все эти утопленники, висельники. Его отдельно хоронят и всё [за кладбищенской оградой]. И обязательно его токо вворачивали в чёрную одежду. Он нехрещёный уже” [11, с. 69]. Аднак у позніх апісаннях абраду стаўленне да гэтай катэгорыі памерлых становіцца больш пазітыўным. Нехрышчоныя дзеці перастаюць разглядацца як “нячыстыя”, а іх пахаванне адбываецца на агульных могілках. Такая рыса характэрна і для мясцовага беларускага насельніцтва рэгіёна [9, с. 148].

Згодна з матэрыяламі першай паловы XX ст., у стараверскага насельніцтва рэгіёна і некаторыя іншыя варыянты смерці, адрозныя ад “сваёй” смерці, расцэньваліся непажаданымі і нават “нячыстымі”. Да іх адносілася смерць ад маланкі, а таксама смерць “ад гарэлкі”. Так, архіўныя крыніцы паведамляюць, што ў жніўні 1929 г. у Ракаўскай абшчыне (у суч. перыяд уваходзіць у г.п. Шаркаўшчына) маланкай забіла чалавека. Але ён да гэтага не быў на споведзі некалькі гадоў. Духоўны настаўнік не рашыўся праводзіць па ім богаслужэнне і перапытваў у ВСС, як быць у такой сітуацыі. На што з ВСС быў адказ, што нельга адпяваць толькі самагубцаў: “запрещается хоронить и отпевать по христианскому обряду лишь самоубийц, умерших же христиан насильственной смертью, хотя перед смертью некоторое время не бывших на покаянии, надлежит хоронить и отпевать безпрекословно”[4]. Такім чынам, у дадзенай сітуацыі бачна суіснаванне народнай традыцыі і кананічных правілаў. Трэба адзначыць, што вызначэнне смерці ад маланкі як “нячыстай” з’яўляецца даволі архаічным і фіксавалася ў многіх славянскіх народаў [12, с. 40, 41, 267]. Такі ж яе характар адзначаўся і мясцовым беларускім насельніцтвам Падзвіння [9, с. 145]. Між тым кананічныя правілы старавераў-беспапоўцаў, як бачна з вышэйпрыведзеных матэрыялаў, такі статус ёй не надавалі. У Кублішчанскай абшчыне ў 1935 г. здарыўся наступны выпадак: старавер памёр, выпіўшы віна ў Новым Пагосце. Урач пастанавіў, што той памёр ад “падучай”, на якую пакутваў з дзяцінства, але ўсё адно яго пахавалі без выканання “духоўнага абраду”[5].

Як сведчаць матэрыялы, да катэгорыі «нячыстых» іншы раз адносіліся і жанчыны, якія памерлі да сарака дзён пасля родаў. Так, у 1930 г. у Свірскай абшчыне здарыўся такі выпадак: «Померла роженица, и поисповедовшись на третий день умерла»[6]. Духоўны настаўнік не стаў яе хаваць і адпяваць, спасылаючыся на кананічныя правілы. Ён са скрухай адзначаў, што адзін з прыхажан усё ж здзейсніў яе адпяванне ў храме: «… человек, знающий священное писание, отпевал погребение над роженицей в молитвенном храме»[7].

Варта адзначыць, што ў сучасны перыяд ужо не дзейнічаюць былыя забароны, і пахаванне самагубцы адбываецца на агульных могілках. У сучасных палявых матэрыялах адзначаецца таксама паляпшэнне стаўлення да некаторых катэгорый заўчасна загінуўшых (ад маланкі, тапельцаў). Такіх памерлых ужо не разглядаюць як “нячыстых”: “Ну, [самагубцаў – *А.У.*] отвозили на кладбище, даже раньше. А его на кладбище не положено было хоронить, а за кладбищем, в сторонке хоронили... А теперь ни в кого не спрашивают. <...> А если гроза или втопился он нечайно – это вже ничего...” (в. Каралева Шаркаўшчынскі р-н) [1, с. 159].

Згодна з кананічнымі правіламі, у старавераў-беспапоўцаў забаранялася здзяйсняць пахаванне па царкоўнаму чыну тых, хто памёр без пакаяння (хаця яно магло іншы раз і не ўлічвацца; гл. вышэй адказ ВСС у 1929 г. Ракаўскай абшчыне). Таму сярод стараверскага насельніцтва Паўночна-Заходняй Беларусі існавала строгае патрабаванне паспавядацца перад смерцю. Споведзь перад смерцю – вельмі важны акт для мясцовых старавераў, на які пастаянна звярталі ўвагу. Нават у скаргах на сваіх духоўных настаўнікаў у міжваенны перыяд мясцовыя староверы ў якасці страшнага парушэння ўказвалі менавіта іх нежаданне ехаць да паміраючага на споведзь. Так, у 1930-х гг. прыхажане Апідамскай абшчыны (Пастаўскі раён) скардзіліся ў ВСС на тое, што іх духоўны настаўнік шмат разоў не прыязджаў да прыхажанаў пры смерці[8]. Адна прыхажанка з Грыгараўшчынскай абшчыны (Браслаўскі раён, у сучасны перыяд не існуе) перад смерцю казала так: “…если не приедет Видзкий поп и в случае помру, захороните так без погребения и пусть он сам отвечает перед судом небесным”[9]. У сувязі з гэтай асаблівасцю ў матэрыялах справаводства стараверскіх абшчын рэгіёна міжваеннага перыяду даволі часта сустракаюцца выпадкі пахаванняў, якія здзяйсняліся без святара і адпявання. Як сведчаць крыніцы, такая асаблівасць была абумоўлена якраз тым, што памерлы не быў на працягу года на споведзі. Нават сустракаліся такія выпадкі, калі прыхажанін пераязджаў у іншую абшчыну і раптоўна паміраў, а інфармацыя пра яго споведзь адсутнічала, то яго хавалі без святара і адпявання.

[3] LCVA. – F. 1681. Ap. 1. B. 186. – L. 36.
[4] LCVA. – F. 1681. Ap. 1. B. 9. – L. 49-50.
[5] LCVA. – F. 1681. Ap. 1. B. 8. – L. 267.
[6] LCVA. – F. 1681. Ap. 1. B. 471. – L. 92.
[7] LCVA. – F. 1681. Ap. 1. B. 471. – L. 92-92r.
[8] LCVA. – F. 1681. Ap. 1. B. 171. – L. 75-76r, 85.
[9] LCVA. – F. 1681. Ap. 1. B. 174. – L. 8.

Традыцыйны пахавальны абрад уключаў рытуальныя дзеянні, якія пачыналіся яшчэ да смерці чалавека. У старавераў усходняй Літвы зафіксаваны даволі архаічная традыцыя, згодна якой нельга, каб чалавек паміраў на ложку. Адчуўшы набліжэнне смерці, старыкі прасілі родных палажыць іх на лаву ці на падлогу, галавой да абразоў, а пасля смерці памерлага паварочвалі нагамі да абразоў – “каб Бог бачыў” [11, с. 63–64]. Такая ж традыцыя зафіксавана і сярод стараверскага насельніцтва Шаркаўшчыны. У гэты час трэба было запальваць свечкі каля абразоў і чытаць “адхадную” малітву: “У староверов обычно если уже видят, что ён умирает, тады ж нясут (раньше ж у хате лаўка была большая такая, широкие лаўки), нясут его на эту лаўку ложут и зовут это которые читать умеют, ну, царкоўную эту молитву и бягут тады за этым чалавеком отходную читать. Запальвают свечки перед иконой и становится читает отходную эту, вот. Ну и умирает” (в. Германавічы Шаркаўшчынскага р-на) [1, с. 221]. Такая традыцыя фіксавалася яшчэ ў сярэдзіне XIX ст. і сярод беларускага насельніцтва Падзвіння [2, с. 209]. Праўда, большасць сучасных апісанняў пахавальнага абраду старавераў не згадваюць такіх рытуальных дзеянняў. У асноўным, як сведчаць рэспандэнты, на гэтым этапе абраду трэба чытаць малітву і даць памерламу ў рукі свечку: “Свечку в руки давали, «Отче Наш» говорили. Мама у меня умирала, я дома была. Тогда я свечку давала ей. И «Отче Наш» читала. Это первоначальная молитва такая есть, «Отче Наш»” [10].

Малюнак 2. – “Чытанне” па памерламу ў час пахавання, другая палова XX ст.
З сямейнага архіва У.П. Васільевай, в. Мілейкі Мёрскага р-на

У асяроддзі старавераў-беспапоўцаў рэгіёна да нашага часу яшчэ захаваліся ўяўленні, што асабліва цяжка паміраюць чараўнікі. Таму для аблягчэння перадсмяротнай агоніі (для “выхаду душы”) чараўнікоў у даху хаты лічылася неабходным рабіць дадатковыя адтуліны (разбіраць страху, столь): “Ну вот у нас у Дзянісах была такая жэншчына, яна очень была чараўніца. І вот яна не магла ўмерець. Вот ужо гаварят умрет, всё. Апяць гаварыт дыхает усё. А нада разбіраць паталок і крышу, где яна ляжыць, напроціў яе і ўсё. Тагда гаваріт яна могіт толька памерець. Было такіх многа тут. А цепер, раней так многа было чараўніц. Кароў чаравалі, скока мне была самой…”[11].“Я знаю, с паталку даску адрываюць, чтоб умярець, ну, мне не прыходзілась с такім в роду не было, не знаю”[12].

Наступнымі абрадавымі дзеяннямі былі абмыванне і апрананне памерлага. Яшчэ і ў наш час захоўваюцца строгія прадпісанні адносна тых, хто мусіў выконваць гэтыя аперацыі. Катэгарычна забаранялася абмываць і апранаць памерлага родным. У адпаведнасці з традыцыяй, цела памерлага мужчыны павінны абмываць і апранаць мужчыны, а жанчыны – жанчыны. Але ў сучасны перыяд, як сведчаць матэрыялы палявых даследаванняў,

[10] Запісана ў 2019 г. аўтарам ад Ядрэўскай Л.П., 1936 г.нар. у г. Дзісна Мёрскага р-на.
[11] Запісана ў 2022 г. аўтарам ад Цімафеевай А.А., 1940 г.н. у в. Фралоўшчына Мёрскага р-на.
[12] Запісана ў 2022 г. аўтарам ад Васільевай У.П., 1943 г.н. у в. Мілейкі Мёрскага р-на.

гендэрны фактар у гэтай частцы абраду іншы раз не ўлічваецца. Забарона ж родным абмываць і апранаць нябожчыка яшчэ фіксуецца: "Из своей родни нельзя было кому-либо умывать. Тому, кто стол готовит, особенно. Не обмывают те люди. Чужих приглашали – соседей там. Соседи набивались и сами. У нас, например, в Белянах, были две бабки, которые ходили сами. Если им кто накажет, или кто позвонит, кто скажет, чтоб пришли, – придут. Помоют, уложат, оденут" [13]. Але, як сведчаць крыніцы, у сучасны перыяд у шэрагу выпадкаў і гэта забарона не ўлічвалася, таму абмываць і апранаць памерлага маглі іншы раз і родныя нябожчыка [5, с. 53]. У ходзе сучасных палявых даследаванняў яшчэ фіксуюцца і прадпісанні адносна вады, якой мылі памерлага. Згодна з уяўленнямі, такая вада набывае негатыўныя якасці і нават лічыцца "мёртвай вадой". З-за веры ў тое, што такая вада можа нашкодзіць жывым, захоўваецца патрабаванне выліваць яе туды, дзе ніхто не ходзіць [1, с. 91; 5, с. 53].

Пасля абмывання памерлага апраналі. Яшчэ пры жыцці пажылыя людзі клапаціліся аб падрыхтоўцы адзення "на смерць". У пахавальным адзенні захаваліся яшчэ да нашага часу некаторыя рысы традыцыйнага касцюму старавераў рэгіёна. Так, яшчэ і ў наш час фіксуецца патрабаванне хаваць памерлага мужчыну-старавера ў халаце (азяме) і кашулі-касаваротцы, якую падпярэзвалі поясам. У той жа час пахавальнае адзенне жанчыны-староверкі мусіла ўключаць кашулю, сарафан, "кофту", хустку, канцы якой не завязвалі, а "закладалі" і прымацоўвалі з дапамогай шпількі. Іншы раз хустку замацоўвалі не шпількай, а "прыцягвалі" ніткай. Адзначалася таксама, што ў мінулым на нагі не абувалі скураны абутак, а толькі "тапочки": "И покойников одевают. Женщин должен быть сарафан, ну длинный. И шьется блузка. Блузка. Платок не завязывают. Как вот во всех религиях так на узелок. У нас даже в церкви не завязывают. А вот так вот, сюда, чтобы волосы все были скрыты у нас. И вот тут вот приколачкай. Графкай, как мы говорили. Графачкай застегивали. Вот. А мужчин оденут… Шьют халат. Ну шерстяной там. Из тонкой-тонкой шерсти шьют халат. Вот так мы отца хоронили. Ну, рубашка… Косоворотка шьется вот"[14]. Як сведчаць этнаграфічныя крыніцы, традыцыйнае пахавальнае адзенне жанчын-стараверак рэгіёна было светлага колеру. Разам з тым, яшчэ сярод сталага старавераскага насельніцтва рэгіёна сустракаецца забарона на пахаванне ў адзенні цёмных колераў. Фіксуецца і ўяўленне аб некамфортным "знаходжанні" на "тым" свеце нябожчыцы, якую пахавалі ў цёмным ці каляровым адзенні: "Говорят, что на тым свете если цвяты [цветная ткань], слязам[и] надо будет вымыть, если будет что цветное, не белое... А нихто ж не пришёл [с того света], не сказал. Говорят, что слезам; а хто говорит, что будет стоять на солнце, покуль выпекет" (в. Смолаўцы Шаркаўшчынскага р-на) [1, с. 232–233].

Захаваліся і ўяўленні аб тым, што пасмяротнае адзенне выраблялася адмысловым чынам. У старавераў Літвы фіксавалася ўяўленне, што "смертную одежду" трэба было шыць іголкай ад сябе, "на живую нитку" [11, с. 64]. Такія ж уяўленні фіксуюцца і ў старавераў Паўночна-Заходняй Беларусі. Разам з тым, у мясцовага старавераскага насельніцтва пашыраны былі ўяўленні, што пры шыцці такога адзення трэба пазбягаць завязвання вузялкоў. Трэба адзначыць, што ў пасмяротным адзенні старавераў рэгіёна ўвогуле не павінна быць вузлоў, таму хустка ў жанчыны не завязвалася, а замацоўвалася пад падбародкам шпількай (гл. вышэй), а мужчыне не завязвалі гальштук. Па гэтай прычыне нават крыжык іншы раз не надзявалі на шыю, а толькі накладалі: "Кресцік дзеравяный, не завязываецца. На шею набрасываецца во так… Ну вот чулкі, можна і чулочкі, можна і насочкі… вот і касыначка…"[15].

Вызначальнай рысай памерлага мужчыны-старавера была барада. На гэту асаблівасць звяртаюць увагу як самі старавеpы, так і мясцовае беларускае насельніцтва: "Отец почему-то бороду брил. Вот. Но когда заболел – не брился. Потому, что у нас мужчины должны умирать с бородой"[16]. У адваротным выпадку, як лічыцца, святар нават можа не адпяваць нябожчыка: "Да, сечас дзелают замечаніе. Еслі без барады – не будут атпеваць пакойніка. Старавер должен быць абязацельна з бародкай"[17]. Так, у старавераў Анікшчайскага раёна Літвы дарослым безбародым мужчынам нават прывязвалі адмысловую бараду з ільну [11, с. 64].

Пасля апранання для нябожчыка рыхтавалі пасмяротнае ложа. Месца размяшчэння і арыентацыя памерлага ў хаце ў старавераў адрознівалася ад мясцовага беларускага насельніцтва. Як правіла, старавеpы размяшчалі нябожчыка тварам да ікон (т.ч. нагамі на покуць): "У нас токо большая разница у похоронах была. Православные и католики кладут покойника головой к иконы, <...> а ногам ко двери, от иконы. А старообрадцы кладут ногам к иконы, чтоб лицо смотрело на икону, понимаете? Чтоб он видел икону; не отворачивали его от иконы..." (в. Каралева Шаркаўшчынскі р-н) [1, с. 158]. Шырока захоўваецца і традыцыя класці памерлага не пасярэдзіне хаты, як гэта ў сучасны перыяд пашырана ў беларусаў каталіцкага і праваслаўнага веравызнанняў, а каля сцяны. На такую асаблівасць звяртаюць увагу як самі старавеpы, так і мясцовае беларускае насельніцтва: "У нас, каталікаў, кладуць сярод хаты і ў праваслаўных тожа, а ў старавераў каля сценкі кладуць. У хрысціян – галавой да іконы"[18].

Як адзначаюць рэспандэнты, абавязковая асаблівасць старавераскага пахавальнага абраду – бесперапыннае чытанне Псалтыра ў час знаходжання нябожчыка ў хаце: "Умрёт человек; умывают его, чисто оденут. Приглашают читальников, читают всю ночь. Общем, пока не закапывают, читают без отхода читают, молятся по им" (в. Смолаўцы Шаркаўшчынскага р-на) [1, с. 232]. Як адзначаецца, у адрозненне ад праваслаўнага і каталіцкага

[13] Запісана ў 2019 г. аўтарам ад Ядрэўскай Л.П., 1936 г.нар. у г. Дзісна Мёрскага р-на.
[14] Запісана ў 2021 г. аўтарам ад Чарнаморднай В.З., 1943 г.н. у аг. Друя Браслаўскага р-на.
[15] Запісана ў 2022 г. аўтарам ад Цылінскай Р.І., 1939 г.н., Паповай Ф.І., 1943 г.н. у в. Більдзюгі Шаркаўшчынскага р-на.
[16] Запісана ў 2021 г. аўтарам ад Чарнаморднай В.З., 1943 г.н. у аг. Друя Браслаўскага р-на.
[17] Запісана ў 2022 г. аўтарам ад Цылінскай Р.І., 1939 г.н., Паповай Ф.І., 1943 г.н. у в. Більдзюгі Шаркаўшчынскага р-на.
[18] Запісана ў 2008 г. Якубоўскай Г.В. ад Невяроўскай Г., 1934 г.н. у в. Сэклы Браслаўскага р-на.

насельніцтва рэгіёна, староверы чытаюць стоячы: "У іх вот, православных, чытаюць сідзя, а у нас стая каля стала чытаюць. Усю ноч і дзень, пака пампрет чытаець. А іх пачытаець троху, тады і нясуць хараніць. У нас красіва хароняць і паюць красіва"[19]. У стараверaў Шаркаўшчыны такая традыцыя атрымала назву *"стоять стойку"* [1, с. 91] (малюнак 2).

У час знаходжання ў хаце памерлага прыходзяць суседзі і знаёмыя, каб развітацца з ім. На гэтым этапе абраду фіксавалася традыцыя рытуальнага аплаквання нябожчыка, галашэння над ім. Згодна з традыцыяй, галасіць павінна была ўмець кожная жанчына. Акрамя таго, зафіксаваны нават выпадкі запрашэння адмысловых галасільшчыц [5, с. 53].

Важным этапам у сістэме пахавальнай абраднасці з'яўляецца выраб труны ("домовья"). У рэгіёне на сучасным этапе труну не вырабляюць самі, а набываюць у спецыялізаваных крамах і бюро рытуальных паслуг. Аднак сярод стараверскага насельніцтва яшчэ захоўваюцца ўспаміны аб тым, што ў мінулым труну выраблялі самі: "Моют, адзевают. І лежіт, пака сначала турну сдзелают… Самі дзелалі, папка ўмел і дзелал, памагал когда і Нікона харанілі. Есчо такіх тагда не было ў магазіне ў прадажы гробов" [20]. Як сведчаць крыніцы, труну раней староверы часта рабілі загадзя, яшчэ пры жыцці. Лічылася, што пакідаць пустой труну было нельга і яе чымсці засыпалі (як правіла, збожжам): "[А гробы заранее не делали?] Некоторые заранее делали. <...> Сделает и поставит на хату, на чердак, а не, дак у пуню поставит. [Они просто так стояли?] Так стоят. А некоторые, говорят, зерном насыпали" (в. Германавічы Шаркаўшчынскага р-на) [1, с. 222]. У стараверaў Літвы гатовую труну таксама засыпалі збожжам, якое кожны год патрэбна было мяняць на збожжа новага ўраджаю, а мінулагодняе раздаваць беднякам. Калі сям'я не магла сабе гэта дазволіць, то труна запаўнялася шчэпкамі і апілкамі ад тых дошак, з якіх была зроблена труна, ці сухім лісцем ад бярозавых венікаў. Галоўнае, каб труна не заставалася пустой, бо яна "нябожчыка да сябе цягніць"; па іншай версіі – "там нячыстая сіла тады гуляіць" [11, с. 64]. Сярод стараверaў рэгіёна яшчэ ў наш час фіксуюцца ўспаміны аб тым, што ў мінулым труну збівалі не жалезнымі цвікамі, а драўлянымі шыпамі: "И давней делали не на гвоздах, а на шипах, на деревянных" (в. Варонка Шаркаўшчынскага р-на) [1, с. 167]. Трэба адзначыць, што гэтая асаблівасць даволі архаічная па паходжанні і звязана з уяўленнямі аб тым, што жалеза "смерць не любіць", а таму ў многіх славянскіх народаў фіксавалася старадаўняя традыцыя не выкарыстоўваць жалезныя цвікі для вырабу труны [12, с. 205–206].

Да нашага часу захавалася забарона набіваць пер'ем падушку, якую лажылі пад галаву нябожчыка. Згодна з традыцыяй, яе набівалі апілкамі, якія заставаліся пасля вырабу труны, або лісцем ад бярозавых венікаў: "В гроб кладут, пуховую подушку не клали, никогда! Тольки или с опилочков, где стружки такие есть; или основное, очень хорошо было – с веников берёзовых. Давней же ж веники очень делали. И эты листья <...> и кладут туда; и под низ так настилают" (в. Варонка Шаркаўшчынскага р-на) [1, с. 168].

Труна пасля падрыхтоўкі перамяшчалася ў хату. Аднак перакладанне памерлага ў труну, згодна з традыцыяй, адбывалася толькі на трэці дзень непасрэдна перад пахаваннем. Увесь гэты час памерлы ляжаў на лаве: "Кагда молюца, пока бацюшка прыязджаіць на 3 дзень, кагда молюца уже і батюшка і пеўчые, тагда. А так он лежіт на скамейке" [21]. Як ужо было адзначана вышэй, у стараверaў захоўваецца традыцыя аб няўдзеле родных у многіх аперацыях пахавальнага абраду (забарона на абмыванне і апрананне памерлага і інш.). Але ў асяроддзі стараверaў рэгіёна зафіксавана цікавая традыцыя, калі якраз родныя (дзеці) мусілі перакладаць нябожчыка ў труну: "У нас покойника не ложут сразу в гроб. Нельзя. <…> Ложат покойника на палати. Ну на стол. Как у кого сделано. Специальные делают. В гроб ложат именно перд самой уже. Когда приходят. Когда уже погребение. В день похорон. <…> Тогда гроб. Надо покойнка ложить в гроб и должны дети именно положить его. Такой, ну обряд такой"[22].

Абавязковымі атрыбутамі снараджэння памерлага на той свет у стараверaў-беспапоўцаў былі саван і лестаўка ("лесенка"): "Саван надяют, лесенку на руку, хрест на шею вешают. Батюшка бумагу пишет, кладёт на лоб, чтоб приняли его там на тым свете" (в. Смолаўцы Шаркаўшчынскага р-на) [1, с. 232]. "Ну саван у нас абязацельны, нада саван. Ну саван же был у ва ўсіх" [23]. Калі кладуць у труну цела, яшчэ накрываюць адмысловым пахавальным пакрывалам. Фотаздымкі 1920 – 1980-х гг. яскрава ілюструюць гэту асаблівасць (малюнкі 3, 4). У стараверскіх маленных рэгіёна ў ходзе абследаванняў былі выяўлены такія пакрывалы. У шэрагу выпадкаў, як сведчаць фотаматэрыялы, яго маглі замяняць звычайным пакрывалам.

Пахаванне памерлага ў стараверaў-беспапоўцаў Паўночна-Заходняй Беларусі традыцыйна адбывалася на трэці дзень. Такая традыцыя шырока бытуе і сярод мясцовага беларускага насельніцтва. Аднак у стараверaў, як правіла, пахаванне адбываецца ў першай палове дня. У той жа час у мясцовага беларускага насельніцтва пахаванне заўсёды адбываецца ў другой палове дня.

---

[19] Запісана ў 2008 г. аўтарам ад Трафімавай Е.М., 1928 г.н. у в. Ніўнікі Мёрскага р-на.
[20] Запісана ў 2022 г. аўтарам ад Цылінскай Р.І., 1939 г.н., Паповай Ф.І., 1943 г.н. у в. Більдзюгі Шаркаўшчынскага р-на.
[21] Запісана ў 2022 г. аўтарам ад Цылінскай Р.І., 1939 г.н., Паповай Ф.І., 1943 г.н. у в. Більдзюгі Шаркаўшчынскага р-на.
[22] Запісана ў 2021 г. аўтарам ад Чарнамордай В.З., 1943 г.н. у аг. Друя Браслаўскага р-на.
[23] Запісана ў 2022 г. аўтарам ад Несцеравай М.О., 1945 г.н. у в. Кублішчына Мёрскага р-на.

**Малюнак 3. – Пахаванне ў сям'і старавераў, даваенны перыяд.
З архіва сям'і Несцеравых, в. Кублішчына Мёрскага р-на**

**Малюнак 4. – Пахаванне ў сям'і стараверaў. З сямейнага архіва
Х.Я. Пазняковай, в. Каралева Шаркаўшчынскага р-на**

У дзень пахавання для адпявання памерлага запрашаюць духоўнага настаўніка. Як сведчаць крыніцы, іншы раз пахаванне магло адбывацца без святара. Асабліва такая практыка была характэрна для савецкага перыяду. Афіцыйная статыстыка гэтага часу ўвогуле падавала мінімальную колькасць стараверскіх пахаванняў з удзелам святара. Так, за 1960 г. такія пахаванні ў Браслаўскім раёне складалі толькі 6,8% ад усёй колькасці, у Мёрскім – 5,5%, а ў Глыбоцкім – толькі 0,5%[24]. У абсалютнай колькасці такіх пахаванняў таксама налічвалася няшмат. Так, па Віцебскай вобласці за 1966 г былі праведзены 192 вочных адпяванні, а 4 – завочныя[25]. За 1968 г. было налічана 217 вочных адпяванняў і 11 завочных[26]. У 1984 г. было зафіксавана толькі 154 вочныя адпяванні, у той час як завочных было 69[27]. Такім чынам, прадстаўленыя за 1960–1980-я гг. даныя паказваюць даволі невялікую колькасць пахаванняў з адпаваяннем святаром (духоўным настаўнікам), а таксама паступовае павелічэнне долі завочных адпяванняў. У той жа час, у параўнанні з іншымі абрадамі сямейнага цыкла (хрышчэннем і вянчаннем), колькасць адпяванняў была куды большай. Канешне, афіцыйная статыстыка не ў поўнай меры адлюстроўвае рэальную карціну ў гэтай сферы. Як сведчаць матэрыялы апытання рэспандэнтаў, фотаматэрыялы, удзел святара ў пахаванні і нават адпяванне памерлага ў храме быў даволі шырока прадстаўлены ў пахавальнай культуры стараверaў рэгіёна і ў савецкі перыяд.

Важным этапам пахавальнага абраду з'яўляецца адпраўка памерлага на могілкі. Паводзіны людзей падчас руху працэсіі строга рэгламентаваліся. У першую чаргу гэта датычылася пахавальнага шэсця. Захоўваецца своеасаблівы характар пабудовы пахавальнай працэсіі (малюнак 5). Абавязкова наперадзе пахавальнага шэсця ідзе нехта з крыжам (часцей мужчына). Лічылася, што гэты крыж нельга браць голымі рукамі, а таму яго трымалі праз адмысловы ручнік (гл. малюнкі 1, 5). За ім неслі труну з нябожчыкам, а затым ішоў духоўны настаўнік з пеўчымі. За імі ішлі ўсе астатнія: "Несёт человек хрест, у полотенцу; и несёт упереду хрест. Раньше венков не было; не было венков никаких. Ни цвятов, ни венков. Хрест нясут и покойника. А за покойником идут певчие и батюшка, поют" (г.п. Шаркаўшчына) [1, с. 192].

Малюнак 5. – Пахавальная працэсія, другая палова XX ст.
З сямейнага архіва У.П. Васільевай, в. Мілейкі Мёрскага р-на

[24] Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 4029. Воп. 1. Спр. 13. – Л. 78.
[25] ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 2. Спр. 1. – Л. 41.
[26] ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 2. Спр. 8. – Л. 37.
[27] ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 2. Спр. 68. – Л. 30.

Як сведчаць крыніцы, у міжваенны і пасляваенны перыяд нярэдка ў старавераў Літвы памерлага не везлі, але неслі на могілкі на руках: "В межвоенные и первые послевоенные годы в некоторых старообрядческих приходах считалось зазорным везти покойника на кладбище на лошадях, а тем более на автомашине – гроб несли односельчане на жердях или носилках, иногда за 10-15 километров" [11, с. 65]. Трэба заўважыць, што такая традыцыя шырока фіксавалася і ў старавераў Паўночна-Заходняй Беларусі. Пра гэта яскрава сведчаць матэрыялы палявых даследаванняў. Пра яе сведчаць і фотаздымкі пахаванняў (гл. малюнак 5). Але, як правіла, яна датычылася вынасу памерлага за межы вёскі: "І несут далёка туда, дзе аж дом, дарога ў Мількі. Госці ідут пешком і гроб несут на руках мужыкі… Да, і абязацельна з выхадам на дзеревню, на крыжаванку"[28].

У шэрагу выпадкаў, перад тым як ісці на могілкі, нябожчыка яшчэ адпявалі ў храме: "Нясуть у маленную, паюць провады" (в. Кублішчына Мёрскага р-на) [7, с. 57]. Як сведчаць матэрыялы, у мінулым такая практыка была паўсюднай і разглядалася як абавязковы этап пахавальнай абраднасці. Згодна з традыцыяй і кананічнымі правіламі, у храме не адпявалі самагубцаў, тых, хто пры жыцці вёў «бязбожны» лад і інш., таму адсутнасць магчымасці адпяваць памерлага ў храме іншы раз прыводзіла да сур'ёзных канфліктаў у абшчыне. У гэтай сувязі паказальны прыклад з Мінкавіцкай абшчыны (Браслаўскі раён) міжваеннага часу. Справа ў тым, што абшчынныя могілкі размяшчаліся ў в. Лапушэнішкі, якія знаходзіліся на пэўнай адлегласці ад храма. Больш таго, Мінкавіцкі храм размяшчаўся ў нязручным месцы. Восенню і вясной з-за разліву ручая і балоцістай мясцовасці ў храм вельмі цяжка было дастаўляць памерлых для адпявання. І гэта стала адной з прычын, якая ледзьве не прывяла да раздзялення абшчыны. Частка вернікаў вырашыла нават будаваць новы храм у в. Лапушэнішкі, дзе і знаходзіліся могілкі[29].

Як вынікае з матэрыялаў палявых даследаванняў, а таксама архіўных крыніц, абавязковым элементам на этапе адпраўкі памерлага на могілкі (а ў сімвалічным плане – на той свет) было «позвонить с колоколами по умершему». Сведчаннем важнасці такой традыцыі можа быць выпадак, які здарыўся ў Буеўшчынскай абшчыне (Браслаўскі раён) ў міжваенны перыяд. Духоўны настаўнік не пагадзіўся хаваць аднаго прыхажаніна і зачыніў храм. Тады частка вернікаў хацела нават зламаць дзверы храма і ўвайсці ў яго, каб «позвонить с колоколами по умершему»[30].

У старавераў прынята хаваць памерлага толькі на сваіх могілках, разам з астатняй сям'ёй. У рэгіёне нават фіксуюцца выпадкі, калі нябожчыка для гэтага вязуць з далёкіх мясцін і нават з іншых краін. Трэба заўважыць, што ў структуры стараверскіх могілак выдзяляюцца асобныя сямейныя ўчасткі, якія іншы раз нават абносіліся адмысловай агароджай. Гэта фіксуецца як у сучасны перыяд, так і па больш ранніх матэрыялах. Напрыклад, такая асаблівасць была характэрнай для Апідамскіх могілак (Пастаўскі раён) яшчэ ў 1920-я гг.: "так как у нас с Куклянского общества половина нашего общества хоронются на Апидамском кладбищы, имеится в каждыва хозяева свое место обнесено оградой и поставлина памятники в находящыхся обозначенных местах есть место предавать земле усопших"[31].

Па прыбыцці на могілкі труну здымаюць з воза (у сучасны перыяд – з машыны) і ставяць каля выкапанай магілы. Затым адбываецца малебен і развітанне з памерлым. Пасля гэтага труну апускаюць у магілу. Падчас пахавання ў магілу нярэдка кідалі грошы, тым самым як бы выкупалі для нябожчыка месца на могілках (і тым свеце) [11, с. 65]. Як сведчаць крыніцы, у старавераў рэгіёна да нашага часу паўсюдна фіксуецца традыцыя апускаць труну ў магілу не на вяроўках, а на адмысловых ручніках ("навінках", "палаценцах"). Лічылася, што апускаць на вяроўках нельга: "Пакойніка апускаюць на палаценцах / на вяроўках апускаць ня будуць" [6, с. 145]. Староверы ўсходняй Літвы лічылі, што "палаценцы" – гэта шырокі і зручны шлях на той свет, надзейная пераправа праз мора ці раку, якія душа памерлага павінна пераадолець [11, с. 63]. Выкарыстанне "навінак" у старавераў Шаркаўшчынскага раёна іншы раз тлумачылася некамфортным прабываннем на тым свеце, калі апускаць труну будуць на вяроўках: "У нас должны были опускать на навинки называлися. С льна ткали такое полотно, и полотно это тогда у дзве половинки складвалася, и скручивали у трубочку и на навинки потом опускали. Чем опустишь, на том потом на тым свете будешь ходить. А если по верёвке, будешь по веревке ходить. А теперь навинок этых нет, полотенца купляли, полотенца. Ну а у кого нет, и на веревках опускают" (г.п. Шаркаўшчына) [1, с. 310]. У старавераў Літвы гэтае палатно даволі часта кідалі ў магілу, ці пакідалі ў малельні для бедных, а часам забіралі дадому і потым выкарыстоўвалі на пахаванні іншых членаў сям'і – "каб па адной дарозе хадзіць" [11, с. 63]. У большасці мясцовасцяў Беларускага Падзвіння палатно, на якім апускалі труну, забіралі дадому, але часам, як, напрыклад, у в. Кірыліна Браслаўскага раёна, яго аддавалі бедным [5, с. 54].

Пасля таго як труну засыпалі зямлёй, на магіле ўстанаўлівалі крыж, абавязкова "ў нагах". На гэты конт у старавераў існавала павер'е, згодна якому падчас Другога прышэсця Ісуса Хрыста ўсе праведнікі і грэшнікі паўстануць з магіл, каб ісці на Страшны Суд. Пры гэтым яны будуць паднімацца, трымаючыся за крыж [10, с. 6]. Гэта асаблівасць адрознівала стараверскія могілкі ад мясцовых беларускіх. Нават у праваслаўнага беларускага насельніцтва рэгіёна больш пашыранай была традыцыя ўсталёўваць надмагільны крыж "у галаве". А таму на гэту рысу пастаянна звяртаюць увагу рэспандэнты: "То есць там бажніца і ставіцца не вот так пряма, а к бажніце і тагда, кагда ўстаёшь, то ўзяў у рукі крэст і пайшоў к Хрысту… Вот, крэст ставіцца ў нагах, а ў каталікаў ставіцца,

[28] Запісана ў 2022 г. аўтарам ад Цылінскай Р.І., 1939 г.н., Паповай Ф.І., 1943 г.н. у в. Більдзюгі Шаркаўшчынскага р-на.
[29] LCVA. – F. 1681. Ap. 1. B. 34. – L. 92r, 102r.
[30] LCVA. – F. 1681. Ap. 1. B. 450. – L. 137.
[31] LCVA. – F. 1681. Ap. 1. B. 350. – L. 31.

чем атлічаецца, у галаву” [32]. Крыж у старавераў васьміканцовы, што таксама адрознівала стараверскія могілкі ад праваслаўных.

Традыцыйным завяршэннем пахавальнага абраду з’яўляецца памінальнае застолле, якое ладзіцца пасля пахавання. У рэгіёне сярод стараверскага насельніцтва фіксаваліся і выпадкі, калі жалобны стол адбываўся яшчэ да пахавання: “Было ў нас это, я сама яшчэ была, пакойніка вынасілі на вуліцу, вот стаць гроб уже всё, закрыты і в доме уже памінальны стол” [33]. Рэспандэнты іншы раз тлумачаць такую асаблівасць вялікай адлегласцю да могілак і нерацыянальнасцю вяртання назад пасля пахавання. Як правіла, памінальны стол ладзіўся пасля пахавання ў хаце памерлага. У сучасны перыяд у рэгіёне жалобная вячэра іншы раз адбываецца ў сталовай ці кавярні. Фіксаваліся выпадкі, калі памінанне адбывалася непасрэдна на могілках пасля завяршэння пахавання [5, с. 54].

Перад пачаткам памінальнай вячэры прысутныя чыталі малітвы, успаміналі памерлага, і толькі тады садзіліся за стол. Характэрнай рысай жалобнай вячэры ў старавераў-беспапоўцаў рэгіёна была адсутнасць на стале гарэлкі. Аднак у больш познія перыяды, як сведчаць матэрыялы, гэту забарону выконвалі толькі фармальна – каб бутэлек не было на стале: “А водку раньше насілі кружкамі с каморы. … Ну нельзя было ставіць бутылкі на стол, а цяпер можна і бутылкі ставіць”[34]. Памінальная трапеза ў наш час яшчэ прадугледжвае прыгатаванне традыцыйных абрадавых страў, сярод якіх у старавераў на першае месца выступае куцця. Да цяперашняга часу сярод стараверскага насельніцтва рэгіёна захоўваецца патрабаванне гатаваць куццю з пшанічнага зерня: “Ну кутью делают. Ну унас кутья как яна, ну пшаніцу атварівают, перямоют, мёду туды і кутья. Ну её памінаць, еслі хто ўмерші, ідут памінаць, ну вот з кутьёй нада”[35]. “У нас куцья сварана з пшаніцы, мёду ложат, вадзічкай разводзят ну і тады вот…”[36]. У мінулым, як сведчаць матэрыялы, памінальны стол быў посным. Аднак у сучасны перыяд, як адзначаюць рэспандэнты, гэтай традыцыі ўжо не прытрымліваюцца: “У нас, в старобрадцев, как похороны были; раньше мяса не было, токо рыба была. А теперь уже пошло” (в. Каралева Шаркаўшчынскі р-н) [1, с. 158]. Традыцыя ў посным памінальным стале фіксавалася таксама ў старавераў Літвы [11, с. 66].

Заключэнне. Падводзячы высновы, неабходна адзначыць, што стараверская супольнасць з’яўляецца неад’емнай часткай этнакультурнага ландшафту Паўночна-Заходняй Беларусі. За больш чым трохсотгадовы перыяд пражывання на гэтых землях сфарміравалася ўнікальная этнаканфесійная група з адметнымі культурнымі традыцыямі. Найбольш выразна этнакультурная спецыфіка рускіх стараверaў у рэгіёне прасочваецца ў элементах духоўнай культуры, сярод якіх асаблівае месца займае пахавальны абрад. Пахавальная абраднасць стараверaў Паўночна-Заходняй Беларусі з’яўляецца неад’емнай часткай іх культуры, якая захавала нямала архаічных элементаў і ўяўленняў, праяўляе рысы ўласна рускай этнічнай культуры, але ў той жа час мае шмат падабенстваў з традыцыямі мясцовага беларускага насельніцтва. Даследаванне паказала, што нават на сучасным этапе пахавальны абрад стараверaў рэгіёна ўключае вялікую колькасць традыцыйных элементаў, характэрных яшчэ для абраднасці XIX – пачатку XX ст. Як вынікае з аналізу матэрыялаў, на рытуалы гэтага цыклу значны ўплыў аказвалі (і працягваюць аказваць) рэлігійныя нормы і асаблівасці веравучэння стараверaў. Гэта прадвызначыла захаванне традыцыйнай структуры і паслядоўнасці абраду, а таксама праявілася ў наяўнасці характэрных частак, элементаў і рытуальных дзеянняў. Аналіз матэрыялу паказаў, што ў пахавальным комплексе стараверaў відавочна прасочваюцца і ўласна рускія этнічныя традыцыі, якія таксама фіксуюцца ў стараверскага насельніцтва суседніх рэгіёнаў Літвы. Разам з тым, у гэтай частцы культуры маюцца агульныя рысы з мясцовым беларускім насельніцтвам. Гэта абумоўлена не толькі этнакультурным узаемадзеяннем, але і шэрагам агульных заканамернасцей развіцця сямейнай абраднасці ва ўсходнеславянскага насельніцтва. Аналіз матэрыялаў таксама паказаў істотную эвалюцыю абраду, у параўнанні нават з архіўнымі матэрыяламі першай паловы XX ст. На сучасным этапе адзначаецца знікненне шэрагу частак і этапаў абраду, асобных элементаў і рытуальных дзеянняў.

ЛІТАРАТУРА

1. Адамкович А. Фольклор старообрядцев Шарковщины (социолингвистический аспект): магист. работа; Вильн. пед. ун-т. – Вильнюс, 2008. – 321 с.
2. Анимеле Н. Быт белорусских крестьян // Этнографический сборник. – 1854. – Вып. II. – С. 111–268.
3. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
4. Глыбоччыны духоўнасці глыбіні: Народная духоўная культура Глыбоцкага раёна / аўт. кал.: В.С. Новак [і інш.]; пад агул. рэд. В.С. Новак. – Мінск: БЕЛТА, 2014. – 304 с.
5. Горбацкий А.А., Добжинская Т.В. Семейные похоронные обряды старообрядцев Витебщины в конце XIX – первой половине XX вв. (по материалам историко-этнографических экспедиций) // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2005. – № 1. – С. 52–54.
6. Минина Н.Е. Говор и материальная культура старообрядцев Витебщены (ареальный аспект) // Белорусское Поозерье: язык и духовная культура. – Минск, 2001. – С. 135 – 151

[32] Запісана ў 2022 г. аўтарам ад Цылінскай Р.І., 1939 г.н., Паповай Ф.І., 1943 г.н. у в. Більдзюгі Шаркаўшчынскага р-на.
[33] Запісана ў 2022 г. аўтарам ад Цылінскай Р.І., 1939 г.н., Паповай Ф.І., 1943 г.н. у в. Більдзюгі Шаркаўшчынскага р-на.
[34] Запісана ў 2022 г. аўтарам ад Цылінскай Р.І., 1939 г.н., Паповай Ф.І., 1943 г.н. у в. Більдзюгі Шаркаўшчынскага р-на.
[35] Запісана ў 2022 г. аўтарам ад Несцеравай М.О., 1945 г.н. у в. Кублішчына Мёрскага р-на.
[36] Запісана ў 2022 г. аўтарам ад Цімафеевай М.П., 1944 г.н. у в. Фралоўшчына Мёрскага р-на.

7. Минина Н.Е. «Нам всем подобает умирать за единый язъ...»: (о взаимосвязи языка и обрядности в старообрядческом социуме) // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава. – 2004. – № 4(34). – С. 56–60.
8. Овсейчик В.Е. Погребальная обрядность белорусского сельского населения Подвинья на современном этапе // Этнография. – 2021. – № 2(12). – С. 52–71.
9. Овсейчик В.Е. «Нечистые» покойники в представлениях населения белорусско-русского (Полоцко-Псковского и Витебско-Смоленского) пограничья // Studia mythologica Slavica. – 2022. – Vol. 25. – S. 141–163.
10. Паншина А. Старообрядцы // Витебский курьер. – №35 (322). – 23 августа. – 1996. – С. 6.
11. По заветам старины. Мифологические сказания, заговоры, поверья бытовая магия старообрядцев Литвы. Издание подготовил Ю.А. Новиков. – СПб.: Тропа Троянова, 2005. – 296 с.
12. Седакова О.А. Поэтика обряда: Погребальная обрядность восточных и южных славян. – М.: Индрик, 2004. – 320 с.
13. Толстая С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. – М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 368 с.
14. Хурсан Т.І. Стараабраднікі Беларусі: мінулае і сучаснасць. – Мінск: Белар. навука, 2020. – 175 с.

Паступіў 21.10.2025

ТРАДИЦИОННАЯ ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ СТАРОВЕРОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАЧАЛА XXI В.)

канд. ист. наук, доц. В.Е. ОВСЕЙЧИК
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

Статья посвящена характеристике традиционной погребальной обрядности староверов Северо-Западной Беларуси. Основой для работы стали материалы современных фольклорно-этнографических исследований, проведенных в среде старообрядцев региона. Для исследования также привлечены и более ранние материалы и архивные источники. В статье выявлена традиционная структура похоронного обряда, охарактеризованы его основные этапы и ритуальные действия, прослежена эволюция погребального обряда в течение второй половины XX – начала XXI в. Приходим к выводу, что даже на современном этапе эта часть народной культуры староверов сохраняет немало архаичных черт. Как следует из анализа материалов, на похоронный обряд значительное влияние оказывали религиозные предписания и нормы староверов, что предопределило его структуру и повлияло на комплекс представлений и ритуальных действий. Эта особенность характерна и для современного периода. Анализ материалов также показал, что в структуре погребального обряда староверов явно прослеживаются собственно русские этнические традиции.

Ключевые слова: *погребальная обрядность, старообрядцы, Северо-Западная Беларусь, ритуал, похороны, традиция, эволюция.*

TRADITIONAL FUNERAL RITUALITIES OF THE OLD BELIEVERS OF NORTHWESTERN BELARUS (BASED ON FIELD RESEARCH IN THE EARLY 21ST CENTURY)

U. AUSEICHYK
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

This article examines the traditional funeral rites of the Old Believers of northwestern Belarus. This work draws on materials from modern folklore and ethnographic research conducted among Old Believers in the region. Earlier materials and archival sources were also used. The article identifies the traditional structure of the funeral rite, characterizes its main stages and ritual actions, and traces the evolution of the funeral rite during the second half of the 20th and early 21st centuries. We conclude that even today, this aspect of Old Believer folk culture retains many archaic features. As revealed by the analysis of the materials, the funeral rite was significantly influenced by the religious prescriptions and norms of the Old Believers, which determined its structure and influenced the complex of beliefs and ritual actions. This characteristic persists into the modern period. The analysis of the materials also revealed that the structure of the Old Believers' funeral rite clearly reflects distinctively Russian ethnic traditions.

Keywords: *funeral rites, Old Believers, northwestern Belarus, ritual, funeral, tradition, evolution.*

УДК.77.041.7 **DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-105-111**

БЕЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ВЕРНАКУЛЯРНОЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ФОТОГРАФИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

А.В. МАРКИШ
(Национальный центр современных искусств Республики Беларусь, Минск)
ORCID: https://orcid.org/0009-0001-9104-2016
e-mail: markish.a@bk.ru

Статья посвящена исследованию различий между вернакулярной и этнографической фотографией в контексте репрезентации белорусской народной культуры XX века. Рассмотрены цели, методы создания и особенности интерпретации этих двух типов визуальных источников. Акцентируется внимание на различиях в авторстве, композиции. Проанализированы примеры фотографий, иллюстрирующие различные подходы к фиксации и представлению белорусской народной жизни, а также их влияние на формирование представлений о культурном наследии.

Ключевые слова: *вернакулярная фотография, этнографическая фотография, белорусская народная культура, визуальная репрезентация, история, визуальные источники.*

Введение. Фотография, этот мощный инструмент фиксации реальности, оказала значительное влияние на сохранение и интерпретацию народной культуры. В XIX в. фотография стала значимым орудием для документирования и интерпретации народной культуры. Важным событием, подчеркнувшим её значение, стала Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. Фотографический раздел выставки был призван запечатлеть этнографические особенности народов Российской империи, включая и белорусские земли[1]. Еще в 1865 г. фотографическая комиссия призвала фотографов создавать портреты в полный рост и поясные, детально отображающие национальные костюмы. На выставке было представлено около полутора тысяч этнографических фотографий, сопровождавшихся информацией о месте происхождения, этнической принадлежности и порядковым номером, что облегчало навигацию по каталогу. Этнографическая фотография, благодаря научной обоснованности и широкому распространению, оказала значительное влияние на формирование представлений о белорусской народной культуре как о целостном и систематизированном явлении [1, с. 3–5].

Вернакулярная же фотография оставалась в тени, не рассматриваясь как ценный источник информации. Так, как это почти без исключений портреты, созданные сначала в ателье и профессиональными фотографами, а после, с расширением любительской фотографии, кем-то из членов семьи или коллектива. Съемки выпускных, свадеб, застолий и похорон, портреты детей и взрослых, в формальной и неформальной обстановке заполняют семейные альбомы и собрания почти в каждой белорусской семье. Термин «вернакулярная фотография» впервые был введен в 1964 г. Джоном Шарковским, а в 2000 г., благодаря эссе Джеффри Бэтчена, интерес к этому направлению возродился. Однако, с развитием визуальной антропологии и ростом интереса к личной истории, вернакулярная фотография приобретает всё большую ценность как свидетель повседневной жизни и культурных практик белорусского народа. Кроме того, важно учитывать, что границы между вернакулярной и этнографической фотографиями не всегда четкие. В некоторых случаях фотографии, созданные для личного пользования, со временем приобретают этнографическую ценность, становясь важным источником информации о прошлом [2, с. 4–7].

Актуальность сравнительного изучения белорусской народной культуры в вернакулярных и этнографических фотографиях обусловлена развитием визуальной антропологии и расширением источниковой базы. Анализ этих разнородных источников, требующий учета контекста создания, целей фотографа, особенностей эпохи и культурных норм, позволяет выявить различия в репрезентации культуры изнутри и извне. Сопоставление открывает новые горизонты в понимании особенностей восприятия и репрезентации культуры различными группами, роли фотографии в формировании исторической памяти, а также способствует более полному осмыслению, сохранению и популяризации белорусского культурного наследия.

Целью данной статьи является изучение в сравнительном аспекте вернакулярной и этнографической фотографии как визуальных источников для изучения белорусской народной культуры, раскрытие их сходства и различия в подходах к фиксации и интерпретации культурных практик, а также оценка их вклада в формирование представлений о белорусской идентичности. Задачами, являются: во-первых, определить целевую аудиторию обоих типов фотографии; во-вторых, выявить цели и ключевые признаки вернакулярной и этнографической фотографий; в-третьих, исследовать стилистические различия вернакулярной и этнографической фотографий; в-четвертых, сопоставить особенности авторства в вернакулярной и этнографической фотографии.

Основная часть. В русском языке термин «фотография» охватывает как визуальный артефакт, полученный посредством фототехнологий, так и сам процесс его создания. Будучи репрезентацией реальности, фотографическое изображение приобретает значительный культурный потенциал, функционируя как её заместитель. По выражению Сьюзен Зонтаг, фотография представляет собой своего рода материализованную память, фиксирующую физические отпечатки [3, с. 5; 4, с. 102; 5, с. 105].

[1] Бояров П.И., Лобко В.Д., Макаенок С.А. Фотография. Энцикл. справ. – Минск: Бел. энцыкл. імя П. Броўкі, 1992. — 399 с.

На вернокулярную фотографию в Беларуси до недавнего времени обращали мало внимания. Хотя в каждом белорусском деревенском доме можно отыскать, фотографии, которые попадают в определение вернакулярных, в литературе не так часто можно встретить работы, посвященные этой теме. Связано это со спецификой научных дисциплин, которые могли бы ей заинтересоваться. Этнологи и фольклористы исследовали народные фотографии в контексте свадебной и застольной культуры, но мало было исследований, посвященных самой культуре фотографии в сельской или городской общине и её связи с культурой памяти. Например, обзоры и исследования о белорусском костюме и народном текстиле Л.В. Раковой, В.Н. Белявиной, В.А. Лобачевской и представленные в этих работах фотографии использованы для анализа и изучения традиционного белорусского костюма и текстиля [6, с. 435]. Особого внимания заслуживают работы О.А. Селях, посвященные «Трансформации повседневной жизни белорусских сельских девушек в Западном Полесье в 20 – 80-е гг. XX в.», где визуальным источником стали фотографии из семейных архивов, музейных фондов и опубликованных коллекций. Проблематизируя изменения в девичьем быте, автор прослеживает динамику этнокультурных процессов в Западном Полесье[2].

Существенный вклад в изучение роли и значения вернокулярной фотографии в белорусской культуре XX в. внёс С.В. Грунтов. В его статьях, посвящённых траурной и портретной фотографии, рассматривались истоки вернокулярной фотографии, её типология и социальный контекст. Итогом этих исследований стала книга «Фотография и культура памяти у белорусов во второй половине XIX – начале XXI века» – значимое исследование, раскрывающее вклад фотографии в белорусскую культуру и историю, а также глубоко исследующее роль и значение вернокулярной фотографии. Исследователь анализирует, как этот вид фотографии стал важным инструментом сохранения и передачи памяти о прошлых поколениях [2, с. 9; 4, с. 102]. Также нельзя не отметить работы И.А. Швед, рассматривающие взаимосвязь фотографии, реликвий и нарративов в контексте устной истории и фольклора. Анализ полевого материала показывает, что комментарии при просмотре фотографий и реликвий – идеальный объект для фольклористического исследования [8, с. 142]. Отдельного внимания заслуживает статья историка-музейщика, Т.А. Караевской «Фотопортрет конца XIX – начала XX века», посвященная изучению коллекции фотопортретов Горецкого районного историко-этнографического музея. Автор делает интересные выводы о значении фотографии как исторического ресурса и его важности для изучения истории и культуры белорусского народа [6, с. 436].

Традиционно фотография в первую очередь воспринимается как объект, который должно изучать искусствоведам. В этой перспективе основной фокус внимания сосредотачивается на деятельности и работах выдающихся фотографов, таких как Сигизмунд Юрковский, Лев Дашкевич или Зофья Хаментовская. Для искусствоведа большое значение имеет авторство фотографии и возможность оценить все работы фотографа, перспективы и художественное качество. Наиболее выдающимся достижением в этом направлении можно считать проект Надежды Савченко по изучению наследия Саввы Сивко и фотографического наследия Ивана Комара, или статья Ирины Смирновой по настенным фотоальбомам Неглюбки, фотографа Ф.И. Ковалева, Ольги Лобачевской, с публикацией, посвященной сельским фотографам 1930 – 1960-х гг. в Беларуси. Кроме собственно научных исследований, большую роль в привлечении внимания к вернокулярной фотографии имеет проект VEHA. До нашего времени из частных и музейных собраний были скомпелированны три коллекции, каждая из которых была представлена в виде альбома. Альбомы, где также встречается вернакулярная фотография, представлены каталогами выставки “Відзікі”, посвященной белорусской традиционной росписи на стекле, из музейных и личных, частных коллекций [2, с. 12; 6, с. 434; 9, с. 39; 10, с. 160; 11, с. 64; 12, с. 528; 13].

Во второй половине XIX века, под влиянием этнографических рисунков и гравюр, появилась этнографическая фотография. Этот научный жанр фотографии призван документировать этническую культуру, включая уклад жизни, традиционную одежду, обряды и окружающую среду. В рамках этнографической фотографии выделяются следующие ориентиры: постановочный (в данном случае съёмочный) процесс организуется для акцентирования определенных деталей, но может выглядеть искусственно; документальность – стремление к объективной фиксации материала без вмешательства, обеспечивая условную объективную достоверность; репортажность позволяет спонтанно запечатлеть живые моменты этнокультурной реальности, что ценно для динамичных обрядов и повседневных практик. Белорусские этнографы и фольклористы А.К. Сержпутовский и И.А. Сербов сыграли значимую роль в развитии этнографической фотографии как способа визуальной документации и сохранения культурного наследия Беларуси. В 1906 г. А.К. Сержпутовский, выполняя задание этнографического отдела Русского музея (Санкт-Петербург), осуществлял фотосъемку в Слуцком уезде, целью которой было запечатление образов крестьян, архитектурных памятников и других значимых элементов, характеризующих материальную и духовную культуру региона. И.А. Сербов как член Северо-Западного отдела Русского географического общества в период с 1910 по 1912 гг. провел ряд целенаправленных экспедиций, в ходе которых было создано около 5 тысяч фотоснимков. Данные материалы представляют собой значимый фонд визуальной информации, отражающий разносторонние аспекты жизни белорусского крестьянства того времени, включая их быт, ремесла, традиционную одежду и взаимодействие с природной средой, что делает их ценным ресурсом для изучения и сохранения культурного наследия. Информация о полевых фотофиксациях середины XIX вв. содержится

[2]Селях А.А. Трансфармацыя паўсядзённага жыцця беларускіх сельскіх дзяўчат у Заходнім Палессі ў 20-80-я гг. ХХ ст.: аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.07 / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск, 2025. – 30 с.

в работах М.Ф. Кустинского, принявшего участие во Всероссийской этнографической выставке 1867 г.: им выполнены фотоснимки этнографических типов и сцен народной жизни Витебской губернии [1, с. 65–89]. Отдельная роль в систематической фотофиксации этнографического материала принадлежит В.К. Костко – первому официальному фотографу Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. В рамках экспедиционной деятельности Костко осуществил масштабную фотофиксацию этнографического материала на территории Могилёвской губернии, а также в Игуменском и Слуцком уездах Минской губернии. Со второй половины XX в. осуществлял систематическое изучение белорусской культуры М. Ф. Романюк. В 1969 г. им была проведена полевая экспедиция в Гомельской области. Результатом работы стали полевые дневники под общим названием «З вандровак па роднай старонцы», которые существенно пополнили корпус визуальных источников по белорусской этнографии[3].

В первую очередь, при анализе вернакулярной и этнографической фотографии целесообразно обратить внимания на целевую аудиторию, так как, изначально вернакулярная фотография, являясь продуктом интимной практики документирования повседневности в приватном пространстве, предназначалась для узкого круга реципиентов, включающего членов семьи, друзей и коллег. Однако, с течением времени, сфера её восприятия расширилась, привлекая внимание исследователей (историков, культурологов, искусствоведов и специалистов в области визуальной культуры), рассматривающих эти изображения как источник информации о социокультурных аспектах жизни предшествующих поколений. В результате, вернакулярная фотография стала предметом научного анализа, направленного на реконструкцию исторического контекста и изучение особенностей повседневного бытия. Таким образом, целевая аудитория вернакулярной фотографии претерпела трансформацию, охватив широкий круг исследователей, заинтересованных в изучении истории через призму повседневной жизни[4]. В отличие от вернакулярной фотографии, этнографическая фотография изначально ориентирована на научное сообщество. Целевую аудиторию этнографической фотографии составляют специалисты в области антропологии, этнологии, социологии, истории культуры, лингвистики, музееведения и других смежных дисциплин. Этнографическая фотография является ценным источником эмпирических данных для проведения научных исследований, публикации научных работ и создания музейных экспозиций [12, с. 528].

Анализируя этнографические и вернакулярные фотографии, можно выделить существенные различия в стилистических характеристиках обоих видов, обусловленные их различными целями и контекстом создания. Так, цель вернакулярной фотографии – отразить, взгляд на мир, запечатлеть моменты, значимые для конкретных людей. Для человека, рассматривающего семейный альбом, важны не композиционные решения или игра света и тени, а лица близких, детали обстановки, атмосфера события. Яркие примеры привязанности человека к фотографии и её ценности отчётливее всего показывают личные наблюдения и интервью во время экспедиции. Нередко возникает ситуация, когда человек отказывается делиться фотографиями, объясняя это тем, что снимки «личные», «некрасивые», «неинтересные». “*У меня нет альбома и не собираю. Как-то особо и не люблю фотографироваться, поэтому и нет, жена тем более там не собира. Ну только у меня есть альбом выпускной с института… И свадебный альбом – вообшчэ какая-то фотография где-то была, я не помню даже где… они не очень интересны*”[5]. При этом перечислении причин человек часто умалчивает о конкретных деталях, будь то название улицы, имена людей или события, изображенные на фотографии, полагая, что эта информация не имеет значения для посторонних. Это связано с тем, что вернакулярная фотография, будучи глубоко личной, становится частью внутреннего мира человека, и он неохотно открывает его для всеобщего обозрения. “*У нас как-то не принято было передавать фото, сохранял как-то муж, я так ... мало про что расскажу, и не скажу меньше знаешь крепче спишь, про такие вещи я говорить не буду, это не по-семейному да и не принято, вы лучше придумайте, это где-то там, а то еще сглазят*”[6] или “*Фотографий у меня немного, и все они… ну, только мои, вам смотреть там не на что, честно. Когда в Гомель приезжала, домой, забрала только свои. Помню, еще что-то вырезала, пыталась их там по годам разложить в альбоме, но, честно говоря, так руки и не дошли. Да и показывать их как-то не хочется никому. Может, потому что сама не особо любила фотографироваться, а может, просто дома у нас не принято было фотографии развешивать и всем подряд показывать*”[7]. Однако умолчание или отсутствие подробной информации о фотографии может быть связано не только с нежеланием делиться личным, но и с трагическими обстоятельствами: переезд, утрата, гибель владельца. В таких случаях фотография становится лишь визуальным свидетельством, лишенным контекста.

Этнографическая фотография, напротив, преследует иную цель – документирование культуры. Её ключевые характеристики – научная содержательность, стремление к условной объективности и возможность реализации принципа так называемого отсроченного наблюдения. Она ставит перед собой задачу фиксации типичных черт быта, обрядов и обычаев определенного народа, создавая визуальный архив культурного наследия. Так, в очерке М. Кусцинского о Лепельском уезде дается подробная подпись. На снимке – две молодые пары, чей типаж и костюмы указывают на экономов или арендаторов из безземельной шляхты. Рядом, спиной к зрителю, –

[3] URL: https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/.
[4] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fotografiya-kak-arhiv/viewer.
[5] Записано в 2025 г. Маркиш А.В. от Бурлыко В.А., 1943 г. р. в г. Новогрудок.
[6] Записано в 2025 г. от Маркевич (Славинская) В.В., 1978 г. р. в г. Новогрудок.
[7] Записано в 2025 г. от Аламович (Дужовская) Т.К., 1972 г. р. в г. Витебск.

девушка в длинной юбке с поперечными полосами, белом фартуке и облегающем корсаже с фигурным вырезом на спине. Вся сцена выглядит постановочной. По такому же принципу строятся композиции фотографий «Крестьяне Полоцкого уезда», где крестьяне расположены в разных ракурсах около деревянной повозки. Такой подход к съемке был продиктован техническими ограничениями – невозможностью получить качественное изображение в плохо освещенном помещении. «Картинность» обусловлена, с одной стороны, длительностью выдержки, требовавшей статичных поз, с другой – непреодоленным на тот момент родством фотографии с живописью, её привычными законами построения картинной плоскости. Поэтому М. Кусцинский, подобно художнику, предварительно выстраивает, композиционно режиссирует свои сцены перед съемкой [10, с. 153].

Стилистические особенности вернакулярной фотографии определяются её ненаучным характером, отсутствием формальных требований и художественных конвенций. Её эстетика обусловлена задачами фиксации личных воспоминаний и переживаний, что приводит к случайности композиции, нечеткости фокуса, использованию бытовых приемов съемки. Стиль вернакулярной фотографии не претендует на объективность, а, скорее, отражает индивидуальное видение мира и личный опыт фотографа. Вернакулярная фотография не стремится к эстетическому совершенству, а фокусируется на запечатлении момента «как есть». В центре внимания – люди, их эмоции, взаимоотношения. Детали быта и окружающей среды служат лишь фоном, подчеркивающим атмосферу события. Таким фотографиям присуща некая спонтанность. Примером может служить вернакулярная фотография 1996 года из семейного архива Богдевич *(Козадой)* Л.Н. Комментарий к снимку: *“Я тут, неяк не очень, лоб высоки і ужо, старая, але з любімым роварам з якім езділа, да работы ці ў магазін… А злавілі мяне дачка з сынам, ён з Мінска прыехау да яе на свадьбу, ім чагота трэба было моя фотакартачка, усё хадзілі енчылі, у сына тады быу новы фотаапарат… Дом гэты тут на фоне – дзед яшчэ ў 1978 годзе паставіў. І дагэтуль стаіць”*[8] подчеркивает отсутствие стремления к идеальному образу, что типично для вернакулярной фотографии. Акцент делается на личной значимости деталей – велосипед, старый дом, построенный дедом, – и спонтанности момента съемки. В этом проявляется сущность вернакулярного подхода: фиксация личного опыта, а не создание художественного произведения (рисунок 1).

Рисунок 1. – Богдевич (Козадой) Л.Н. агр. Поречье Гродненский район, фото 1996 г.
Фото автора из личного архива

Стиль этнографической фотография, напротив, характеризуется строгим соблюдением технических требований и композиционных правил. Снимки отличаются четкостью, хорошим освещением и продуманной композицией. В центре внимания – типичные элементы белорусской народной культуры: костюмы, обряды, предметы быта. Фотограф стремится запечатлеть их максимально детально и репрезентативно. Этнографические фотографии часто используются в научных публикациях и музейных экспозициях, поэтому к ним предъявляются высокие требования по качеству и достоверности. Фотограф-этнограф стремится отразить целостную картину народной культуры, выявляя общие черты и закономерности. Объектами их съемки становятся обряды, ярмарки

[8] Записно в 2025 г. от Богдевич (Козадой) Л.Н., 1946 г. р. в аг. Поречье Гродненского р-на.

и иные проявления народной культуры, имеющие историческое значение. Таковы, например, снимки из фондов Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта, сделанные в 1980-х гг. в Пинском, Дрогичинском, Столинском, Кобринском районах Брестской области этнографом, искусствоведом М.Ф. Романюком, а также сотрудниками музея, где целью экспедиций было комплектование фондов музея[9]. Так, фотография 1984 г., сделанная М.Ф. Романюком в деревне Бездеж Дрогичинского района Брестской области, демонстрирует женщину в традиционном праздничном костюме 1920 – 30-х гг. Фотография фиксирует элементы традиционного быта и костюма, которые к 1980-м гг. уже находились на грани исчезновения. Одежда женщины – не только предмет утилитарного назначения, но и носитель культурной памяти: орнаменты, крой, способ ношения платка отражают многовековые традиции региона. Фоном является деревянный забор, типичный для деревенских усадеб Брестской области. За забором видны хозяйственные постройки (рисунок 2).

Рисунок 2. – Негатив 1984 г. Экспедиция 1980 – 90-х гг. д. Бездеж, Дрогичинского р-на Брестской обл. Передан в Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта Романюком М.Ф.

Авторство и контекст фотографии также являются еще одним важным аспектом. Вернакулярные фотографии зачастую лишены информации об авторе и обстоятельствах съемки, что затрудняет их интерпретацию. Однако именно эта неопределенность позволяет исследователю увидеть в них не только отражение прошлого, но и проекцию собственных представлений и переживаний. Этнографические фотографии, напротив, сопровождаются детальными сведениями об авторе, времени, месте и цели съемки, что облегчает их научный анализ. Однако даже в этом случае необходимо учитывать субъективность автора и его возможную предвзятость. Примером различий в подходах к фиксации и представлению белорусской народной жизни служит фотография, изображающая быт и костюм сельской жительницы. Вернакулярный снимок, в свою очередь, запечатлевает сцену из жизни, передавая атмосферу момента и личные взаимоотношения между людьми. Сравнение вернакулярной и этнографической фотографии позволяет выявить особенности восприятия и репрезентации белорусской народной культуры разными социальными группами. Вернакулярная фотография отражает «взгляд изнутри», показывая мир

[9] URL: https://ru.etna.by/exhibitions/virtualnye-vystavki/ekspedicionnye-fotozarisovki-zapadnogo-polesya.html?fbclid=PAVERFWAOhe_dleHRuA2FlbQIxMABzcnRjBmFwcF9pZA8xMjQwMjQ1NzQyODc0MTQAAacGkuSLYJjcQA-b1u1Vdh5EQeve3moCSi_iETVsSuaDJ8eZTTczTpJI4NaJ7w_aem_4Nsts1VsCS72LU7zQWvQjQ.

глазами самих носителей культуры, их личный опыт и повседневные практики. Этнографическая фотография предлагает «взгляд со стороны», представляя культуру как объект научного изучения и систематизации. Кроме того, важно учитывать, что границы между вернакулярной и этнографической фотографией не всегда четкие. В некоторых случаях фотографии, созданные для личного пользования, со временем приобретают этнографическую ценность, становясь важным источником информации о прошлом. Анализ обоих типов фотографий требует учета контекста их создания и восприятия, целей и намерений фотографа, особенностей исторической эпохи, культурных норм и ценностей.

В **заключении** на основании представленного текста можно сделать следующие выводы.

Во-первых, констатировать трансформацию в целевой аудитории вернакулярной фотографии. Вернакулярная фотография, изначально представлявшая собой продукт интимного документирования повседневности, адресовалась узкому кругу реципиентов, преимущественно членам семьи и ближайшему окружению. Однако с течением времени сфера рецепции вернакулярной фотографии расширилась за счет внимания исследователей из различных областей гуманитарного знания, что обусловило ее трансформацию в том числе в объект научного анализа, направленного на реконструкцию исторического контекста и изучение повседневных практик. Тогда как этнографическая фотография, формируемая в контексте научных изысканий, ориентирована на академическое сообщество и государственные институции, заинтересованные в систематизации и изучении культуры.

Во-вторых, выявлены различия между этнографической и вернакулярной фотографией, обусловленные их разными целями. Вернакулярная фотография фиксирует личный опыт, характеризуется субъективностью и неформальностью. Её ценность – в отображении лиц, деталей обстановки и атмосферы. Глубоко личный характер снимков проявляется в сложностях доступа к ним и умолчании о контекстуальных деталях. Этнографическая фотография, напротив, ориентирована на условно объективное документирование культуры, характеризуется стремлением к систематизации, научным подходом.

В-третьих, стилистически вернакулярная фотография в силу отсутствия формальных требований фокусируется на фиксации личных переживаний и атмосферы момента. Эстетическое совершенство зачастую уступает значимости запечатления «как есть». В противовес этнографическая фотография демонстрирует формальный стиль, строгую композицию, внимание к деталям (одежда, предметы быта), нейтральный фон – все подчинено цели репрезентативной фиксации элементов культуры и обеспечения её научной ценности.

В-четвертых, в сопоставлении особенности авторства вернакулярной и этнографической фотографии можно говорить об их различии по авторству и контексту: от анонимных любительских снимков до профессиональных контекстуализированных изображений. Анализ требует учета субъективности, исторического и культурного контекста, а также потенциальной трансформации вернакуляра в этнографический источник. Таким образом, сопоставление этих двух типов визуального документа позволяет увидеть белорусскую народную культуру в динамике – как систему, одновременно устойчивую в своих базовых кодах и гибкую в повседневном воплощении. Их синтез открывает новые перспективы объёмного и полифоничного понимания традиционных практик, где строгое научное описание органично дополняется субъективными переживаниями и живым опытом её носителей. Это способствует формированию более объёмного понимания культурного наследия Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года. – М.: Универ-я тип. (Катков и К°), 1867. – 473 с.
2. Грунтоў С.У. Фатаграфія і культура памяці ў беларусаў у другой палове XIX – пачатку XXI ст. – Мінск: Белар. навука, 2023. – 189 с.
3. Бойцова О.Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности. – СПб.: Изд. Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. — 266 с.
4. Batchen G. Each Wild Idea: Writing, Photography, History. – Cambridge, London: MIT Press, 2002. – 248 p.
5. Szarkowski J. The Photographer's Eye. – New York: Museum of Modern Art, 1964. – 156 p.
6. Маркиш А.В. Вернакулярная фотография в белорусской народной культуре в XX веке: историография проблемы // Вопросы искусствоведения, этнологии и фольклористики: сб. науч. работ / Ред. А.И. Лакотка. – Минск: Белар. навука, 2024. – С. 434–441.
7. Грунтоў С.У. Пахавальныя фотаздымкі ў беларускай культуры XX ст.: вытокі традыцыі, тыпалогія, сацыяльны кантэкс // Беларускі гістарычны часопіс. – 2021. – № 9. – С. 11–19.
8. Швед І. Фатаграфічны, рэліквійны і наратыўны медыумы праз прызму фалькларыстыкі (на сучасным матэрыяле Берасцейшчыны) // Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні: зб. навук. пр. – Мінск: Белар. навука, 2024. – Вып. 11. – С. 131–160.
9. Лабачэўская В.А. Матэрыялы да біяграфіі Ісака Абрамавіча Сербава (1871–1943) // Homo Historicus. – 2022. – № 6. – С. 38–55.
10. Лобачевская О.Л. Наследие основоположника белорусской краеведческой фотографии М. Ф. Кусцинского (1829–1905) в собрании отдела рукописей Библиотеки Вильнюсского университета // Bibliotheca Lituana III: Sugrąžinta praeitis. – 2014. – № 3. – С. 152–246.
11. Саўчанка Н.І. Фатаграфічная спадчына Івана Ігнатавіча Камара (1920–2023) як візуальная памяць жыхароў вёскі Нянькава Навагрудскага раёна Гродзенскай вобласці // Генеалогія і сямейная гісторыя Беларусі: вопыт міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. / уклад. В.В. Урублеўскі; рэдкал.: С.С. Юрэцкі (гал. рэд.). – Мінск: Белар. навука, 2025. – С. 63-80.

12. Смирнова И.Ю. Настенные фотоальбомы Неглюбки. Сельский фотограф Ф.И. Ковалев // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў: зб. навук. арт. – 2022. – Вып. 3. – С. 527–531.
13. Трубач В.І. Відзікі: беларускі традыцыйны роспіс на шкле: каталог выставы. – Мінск: Каўчэг, 2025. – 172 с.
14. Фотография как архив. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fotografiya-kak-arhiv/viewer (дата обращения: 24.11.2025).

Поступила 12.12.2025

BELARUSIAN FOLK CULTURE IN VERNACULAR AND ETHNOGRAPHIC PHOTOGRAPHY: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

A. MARKISH
(National Center for Contemporary Arts of Republic of Belarus, Minsk)

The article is devoted to the study of the differences between vernacular and ethnographic photography in the context of the representation of the 20th century Belarusian folk culture. The purposes, methods of creation and features of interpretation of these two types of visual sources are considered. Attention is focused on the differences in authorship and composition. The examples of photographs illustrating various approaches to the fixation and representation of Belarusian folk life, as well as their influence on the formation of ideas about cultural heritage, are analyzed.

Keywords: *vernacular photography, ethnographic photography, Belarusian folk culture, visual representation, authorship, context.*

УДК 930.2 **DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-112-115**

КИТАЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

А.С. ЧЕКУЛАЕВА
(Белорусский государственный университет, Минск)
ORCID: https://orcid.org/0009-0004-2180-2456

В статье проводится анализ китайских научных работ, посвященных экономическому сотрудничеству между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой. На основе широкого круга источников отмечены эксперты и исследовательские центры КНР, ведущие разработки по обозначенной тематике; выделены ключевые направления в данной области, представляющие для китайских авторов наибольший интерес. Определены этапы становления и развития в китайской историографии белорусоведческих исследований, а также факторы, влияющие на периодичность китайской историографии по данной проблеме. Выделены методологические особенности китайской историографии, такие как: междисциплинарность, связь с государственной политикой, прагматический подход, документально-архивный анализ, институциональный подход.

Ключевые слова*: белорусско-китайские отношения, китайская историография белорусско-китайских отношений, историография экономического сотрудничества РБ и КНР, Китайско-Белорусский Индустриальный парк, Один пояс – один путь.*

Введение. Китайско-белорусское экономическое сотрудничество за последние десятилетия превратилось в значимое направление международных экономических отношений. Соглашение об экономическом сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой было подписано в ходе установления дипломатических отношений во время официального визита белорусской правительственной делегации в Пекин в январе 1992 г. На фоне развития торгово-экономических связей двух стран появились исследования белорусских и китайских экономистов, историков, политологов, социологов, посвященных данному вопросу. Научное осмысление этого сотрудничества в китайской академической среде представляет особую *актуальность*, так как зачастую отражает официальные приоритеты КНР и стратегические подходы к взаимодействию с Беларусью. Однако, в отечественной науке проблема историографии белорусско-китайских экономических отношений до сих пор не освещена; существенным пробелом также является отсутствие работ, анализирующих китайское белорусоведение; что и обусловило научную *новизну* данной работы. В то же время, как показывает обзор китайских источников, изучение данного вопроса может опираться на достаточно широкую источниковую базу: монографии, коллективные труды, научные статьи, диссертации, материалы конференций. Цель работы заключается в выявлении особенностей и динамики развития в китайской историографии комплекса научных знаний об экономическом сотрудничестве Республики Беларусь и КНР. Объектом исследования является комплекс работ китайских исследователей, в которых нашли отражение вопросы белорусско-китайского экономического сотрудничества.

Основная часть. В работе применяются следующие принципы научного исторического исследования: историзм, объективность, системность. Принцип историзма означает изучение предмета с учетом социально-политических условий времени. Принцип объективности требует непредвзятого освещения всех используемых материалов, рассмотрения исторических и историографических фактов без искажения. Согласно принципу системности историография экономического сотрудничества является элементом более обширной темы: историографии внешней политики Беларуси. В работе нашли применение общенаучные методы исследования (анализ, синтез, обобщение, классификация) и специально-исторические методы (историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-системный).

Источниками для написания данной статьи послужили работы китайских историков, экономистов, политологов, других экспертов из рецензируемых китайских научных изданий, предметом изучения которых выступали торгово-экономические отношения Республики Беларусь и КНР. Научные публикации по данной теме были написаны сотрудниками Института исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии (中国社会科学院俄罗斯东欧中亚研究所) при Академии общественных наук (далее – АОНК)[1], Института мировой экономики и политики[2] при АОНК, Института евразийских исследований Китайской академии современных международных отношений (далее – КА-СМО)[3], Института международных стратегических исследований Центральной партийной

[1] **国社会科学院** – ведущая научно–исследовательская организация КНР в области общественных наук. Подчиняется Госсовету КНР. Основана в 1977 г. Занимает 1-е место лучших НЦ КНР, 25-е место лучших центров Азии. – URL: http://www.cas.ac.cn.

[2] **中国社会科学院世界**经济与政治研究所 – ведущий научный центр КНР в области мировой экономики и международной политики. Создан в 1981 г. в результате слияния Института мировой экономики и Института мировой политики. – URL: http://www.iwep.org.cn.

[3] **中国**现代国际关系研究院 изучает проблемы развития международных отношений в современном мире. Основан в 1980 г. как институт, в 2003 г. преобразован в Академию. Занимает 6-е место среди лучших научных центров КНР, 5-е место в рейтинге аналитических центров Азии и 75–е место – мира. Исследования по странам СНГ, в том числе Республики Беларусь, выполняет Институт изучения России. – URL: http://www.cicir.ac.cn.

школы Коммунистической партии Китая (далее – ЦПШ КПК), Института географических наук и исследования природных ресурсов Академии наук Китая (далее – АНК)[4], Центра исследований Республики Беларусь Чжэцзянского Шужэн университета, Северо-Западного университета политических наук и права, Северо-Западного университета и др. Также необходимо отметить ряд докторских и магистерских диссертаций, написанных в учебных заведениях и исследовательских центрах КНР, например, в Китайской дипломатической академии[5], где, помимо подготовки дипломатических кадров, ведётся исследовательская работа по внешней политике КНР.

Специфика работ заключается в том, что с одной стороны, проходило становление отношений между Республикой Беларусь и КНР, в том числе экономических отношений, а, с другой, – практически одновременно закладывались основные подходы к изучению этого явления.

Хронологические рамки работы, которые определяются более чем 30-летним периодом экономического сотрудничества Республики Беларусь и КНР, можно условно разделить на исторические и историографические.

В *историческом* плане экономическое сотрудничество двух стран прошло несколько этапов. При этом среди китайских экспертов существует два мнения. Согласно первому [1], экономическое сотрудничество прошло два этапа: на первом этапе (1992–2010 гг.) оно было фрагментарным и находилось «на низком уровне» [1, с. 3]; точкой отсчета второго этапа послужило подписание в 2011 г. «Соглашения между КНР и Республики Беларусь о Китайско-Белорусском индустриальном парке». Согласно другой точки зрения, политическое доверие между странами укреплялось постепенно на протяжении всего периода, в связи с чем неуклонно развивались и торгово-экономические отношения [2, с. 37]. При этом выделяется несколько последовательных этапов: на первом этапе, несмотря на незначительные результаты, обе стороны уделяли большое внимание «построению механизмов двусторонних отношений» [3, с. 56], что заложило основу для будущего партнёрства. Второй этап «быстрого развития» начинается в 2001 г. [3] в связи с укреплением дипломатических связей Республики Беларусь и КНР. Третий этап «стратегических возможностей» начинается после 2013 г., когда белорусско-китайские отношения поднялись на новую ступень «отношений всестороннего стратегического партнерства», в рамках которого происходит все более тесное торгово-экономическое сотрудничество [2, с. 38]. Многие авторы, анализируя этапы развития двусторонних отношений, отмечают ключевую роль политической воли руководства обеих стран в углублении и расширении экономического взаимодействия.

В *историографическом* аспекте можно выделить три этапа изучения данной тематики в китайской историографии. На первом этапе (1992 по 2010 гг.) данной проблеме не было уделено особого внимания; появляются лишь единичные работы китайских специалистов, анализирующие перспективы экономического сотрудничества КНР и Республики Беларусь. Среди них необходимо отметить статью [4] в 1995 г. Синь Шулиня (信书麟), советника по экономическим вопросам в 1990-е гг. посольства КНР в Беларуси. Согласно его наблюдениям, Беларусь обладает неплохой промышленной базой и научно-техническим потенциалом, географическим преимуществом; в стране стабильная политическая ситуация и лучшее социальное обеспечение по сравнению с другими странами СНГ. Исходя из своего анализа, Синь Шулинь делает вывод о необходимости активно развивать экономическое сотрудничество между КНР и Республикой Беларусь, несмотря на расстояние, сложности в грузоперевозках и «влияние традиционных факторов» [4, с. 29].

Начиная с 2010 г. китайские ученые начинают проявлять более активный интерес к развитию экономических отношений двух стран, уделяя внимание в том числе его отдельным аспектам. Так, в коллективной статье сотрудников (李泽红，李富佳，董锁成 и др.) Института географических наук АОНК в 2015 г. дан анализ потенциалу сотрудничества КНР и Беларуси в сфере калийных удобрений [5]. Авторы предлагают активно продвигать прямые расчеты юанями и белорусскими рублями; осуществлять сотрудничество в разведке, разработке калийных месторождений и транспортировке калийных удобрений [5, с. 1302]. Состояние сельского хозяйства Беларуси и анализ ключевых направлений китайских инвестиций в белорусское сельское хозяйство стали предметом изучения коллектива авторов (张忠明 и др.) в статье научного журнала «Мировое сельское хозяйство» в 2015 г. [6].

Интерес китайской историографии к теме китайско-белорусских экономических отношений усиливается после 2015 г., что, прежде всего, связано с повышением уровня сотрудничества двух стран. Были опубликованы многочисленные труды, освещающие современное состояние и перспективы двустороннего экономического сотрудничества. Одновременно появляются работы, исследующие историю становления и развития белорусско-китайских экономических отношений, что объясняется не только углублением сотрудничества, но и увеличением исторической дистанции с момента его установления.

В 2016 г. издана статья Чжао Хуэйжун (赵会荣), в которой подробно раскрывается история развития белорусско-китайских экономических отношений [7]. Чжао Хуэйжун – научный сотрудник Института исследования России и Восточной Европы при АОНК – внесла большой вклад в изучение белорусско-китайских отношений. Её другие работы посвящены изучению позиции Беларуси в инициативе «Один пояс – Один путь» [8], строительству Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» (далее – Парка) [9; 10] и другим вопросам белорусско-китайских отношений. Ученый отмечает, что строительство Парка в Беларуси имеет прочную основу: дружба между странами, выгодное географическое положение, членство в ЕАЭС, политика льгот

[4] **中国科学院** – ведущий национальный академический институт КНР в области естественных наук, предоставляет экспертные услуги Госсовету, министерствам и ведомствам КНР. Учрежден в 1949 г. на базе Центральной академии в Нанкине и Пекинской академии. Занимает 3–е место лучших научных центров КНР. – URL: http://www.cas.ac.cn.

[5] **外交学院** готовит дипломатических работников, ведёт большую исследовательскую работу, предоставляет рекомендации по конкретным вопросам МИД КНР. Основана в 1955 г. Находится в ведении МИД КНР. – URL: http://www.cfau.edu.cn.

для инвесторов, стабильная политическая обстановка и развитая промышленная база [10, с. 49]. Исследователь не обходит стороной и проблемные моменты для китайских инвесторов: зависимость белорусской экономики от импорта энергоресурсов; ограниченный внутренний рынок; конкуренция при выходе на рынок ЕАЭС; трудности экспорта в ЕС. Кроме того, автор отмечает различия в экономической концепции стран: в КНР основополагающую роль играет рыночный механизм, предприятия стремятся к максимизации прибыли, а в Беларуси сохранились элементы советской экономики, народ «привык к высокому уровню социального обеспечения и размеренной жизни» [8, с. 51]. Но в целом, тенденцию экономического сотрудничества двух сторон автор оценивает, как безусловно положительную [9, с. 61].

Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень», как опорный пункт в развитии инициативы «Один пояс – один путь», рассматривается в совместной работе [11] доктора исторических наук Ли Яня (李燕) Института мировой экономики и политики при АОНК и доктора экономических наук Татьяны Вертинской Института экономики НАН РБ, опубликованной в 2017 г. В статье прослеживается история становления белорусско-китайских экономических отношений; большое внимание уделяется личной инициативе Президента Республики Беларусь и Председателя КНР. Авторы уверены во взаимной выгоде строительства Парка для обеих стран: Китай стремится в Парке объединить концепцию «Пояс-путь» со стратегией развития ЕАЭС; Беларусь связывает строительство Парк с ростом социально-экономического развития всей страны [11, с. 85].

История становления экономического сотрудничества КНР и Республики Беларусь освещается в коллективной статье [12] сотрудников Центра исследований Беларуси Чжэцзянского университета Сюй Бо (徐波) и Чжу Хунъина (朱红缨) в 2018 г. Авторы, изучив экономические данные начиная с 1992 г., приходят к выводу, что торговля между Китаем и Беларусью выгодна обеим сторонам. Дальнейшие перспективы этого сотрудничества двух стран в контексте инициативы «Один пояс – Один путь» исследователи видят в области IT-индустрии, финансов, туризма, транспорта, энергетики.

Исследование [13] предпосылок, становления и развития строительства Индустриального Парка провели в 2019 г. сотрудник Института России и Восточной Европы АОНК Ван Чао (王超) и сотрудник Института Евразийских исследований КАСМО Е Тяньлэ (叶天乐). Авторы отмечают как благоприятные условия для строительства Парка в Беларуси (стратегическое партнерство двух стран; стабилизация макроэкономической ситуации в Беларуси; проводимые белорусским правительством реформы; развитая инфраструктура в Беларуси; белорусский опыт создания СЭЗ) [13, с.61–63], так и определенные проблемы (ориентированность Парка на привлечение крупных компаний и игнорирование малых; недостаточная маркетинговая политика Администрации Парка; слабое знание китайскими компаниями белорусского законодательства [13, с. 64–65]. Проблемные вопросы для китайских кампаний при вхождении в Парк с позиции права (различия в правовых системах, технических стандартах и т.п.) поднимают в совместной работе [14] Чэн Цзида (程济达) и Чжэн Сюй (郑旭), сотрудники Северо-Западного университета права и политических наук.

Парк, как образец строительства зарубежных парков в стратегии Китая, исследуют в 2020 г. Лю Жигао (刘志高) и Ван Тао (王涛), сотрудники Института географических наук АНК. В статье раскрываются предпосылки строительства Парка: благоприятная политическая основа и научно-исследовательский потенциал Беларуси, её членство в ЕАЭС и выгодное географическое положение [15, с. 1191–1194].

В 2021 г. Ли Сяотянь (李孝天), научный сотрудник Института международных стратегических исследований ЦПШ КПК, делает подробный ретроспективный анализ отношений двух стран начиная с 1992 г. [3]. Он позитивно оценивает результаты почти тридцатилетнего налаживания торгово-экономических белорусско-китайских отношений. Периодичность китайских инвестиций в экономику Беларуси исследователь разделяет на четыре этапа: начальный этап (1992–2001 гг.); этап подъема (2002-2008 гг.), связанный с активной политикой белорусского правительства по привлечению иностранного капитала и пробуждением интереса к сотрудничеству с Беларусью со стороны КНР [3, с. 61–63]; этап бурного развития (2009–2013 гг.), обусловленный соответствующей политикой двух стран [3, с. 65]; этап стратегических возможностей (с 2014 г.). По мнению автора, плодотворные результаты экономического сотрудничества связаны прежде всего с развитием дипломатических отношений между странами, в то время как его реальный потенциал реализован еще не в полной мере [3, с. 71].

В этот же период, помимо публикаций, появляется ряд диссертационных исследований, темой которых является становление и развитие экономических отношений Республики Беларусь и КНР. Экономическое сотрудничество Беларуси и Китая в рамках инициативы «Один пояс» рассматривается в работе [16] Цзя Юньфэя (贾云). У Тинтин (吴汀亭), исследуя в диссертации перспективы инициативы «Один пояс» с точки зрения Парка (从中白工业园看“一带一路”倡议的前景与挑战), определяет следующие проблемные моменты: различия в системах железнодорожного транспорта, в технологиях и программах [17, с. 30], высокий порог вхождения в Парк [17, с. 32]. Цуй Юаньфан (崔远芳) в своем исследовании [1] раскрывает значение Парка для развития экономических отношений двух стран. Для преодоления рисков, таких как влияние внешних факторов, различие в экономике, менталитете, обычаях, он предлагает уделять больше внимания неправительственным и культурным обменам [1, с. 25–30]. Большое внимание в работе автор отводит сопряжению ЕАЭС и инициативы «Один пояс», на фоне которого Республики Беларусь может получить выгоду и как член ЕАЭС, и как страна вдоль «Один пояс – один путь» [1, с. 34].

Заключение. Подводя итоги работы, отметим, что в китайской историографии белорусско-китайских экономических отношений можно выделить *три этапа изучения*: с 1992 по 2010 гг.; с 2010 по 2015 гг.; с 2015 г. по настоящее время. Факторы, влияющие на периодичность, прежде всего связаны с развитием дипломатических отношений между двумя странами. Китайские авторы практически едины во мнении, что экономическое сотрудничество достигло плодотворных результатов благодаря непрерывному улучшению дипломатических отношений

между странами благодаря личной инициативе их лидеров. При этом наиболее разработанными в китайской историографии предстают следующие направления: предпосылки, становление, развитие и перспективы торгово-экономических отношений Республики Беларусь и КНР в рамках инициативы «Пояс и путь»; благоприятные условия и проблемные вопросы для китайских инвестиций.

Необходимо отметить следующие методологические особенности китайской историографии:

1. Отмечается междисциплинарность: в большинстве работ сочетаются исторический, экономический, политический и правовой анализ торгово-экономических отношений Республики Беларусь и КНР.

2. Прослеживается связь с государственной политикой: многие исследования явно или опосредованно отражают официальные приоритеты КНР, особенно в контексте инициативы «Один пояс – один путь».

3. Наблюдается прагматический подход: зачастую проводится анализ конкретных проектов и их экономической эффективности, дается акцент на взаимовыгодности экономического сотрудничества двух стран.

4. Применяется институциональный подход: особое внимание уделяется формальным механизмам сотрудничества, таким как совместные проекты в рамках инициативы «Пояс и путь».

5. Просматривается оптимистичный тон: в большинстве публикаций подчеркивается позитивная динамика и хорошие перспективы сотрудничества, в то время как критические оценки встречаются достаточно редко.

По прогнозам специалистов, экономический аспект отношений Республики Беларусь и Китайской Народной Республики в перспективе будет развиваться еще более динамично. Несомненно, что усиление сотрудничества будет давать свежие импульсы и для развития научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. 崔远芳. 中白工业园对中白经贸关系发展的借鉴意义: 硕士研究生学位论文 // 北京:外交学院. – 2018. – 页码 43.
2. 徐波, 朱红缨. "–带–路"背景下的中白经贸合作: 现状与展望 // 浙江树人大学学报. – 2018. – 6 期. – 页码 35–40.
3. 李孝天. 中国与白俄罗斯经贸合作的发展及其面临的主要挑战 // 欧亚经济. – 2021. – 1 期. – 页码 55–75.
4. 信书麟. 白俄罗斯对外经贸情况及中白经贸关系 // 国际经贸研究. – 1995. – 4 期. – 页码 23–29.
5. 李泽红, 李富佳, 董锁成, 石广义, 李宇, 李飞, 朱少卿. 中国和白俄罗斯钾肥资源合作态势与潜力研究 // 资源科学. – 2015. – 37(6) 期. – 页码 1295–1303.
6. 张忠明, 钟鑫, 李靖, 冯伟. 白俄罗斯农业发展态势及中国对白俄罗斯农业重点投资领域分析 // 世界农业. – 2015. – 5(433) 期. – 页码 106–110.
7. 赵会荣. 中白经贸关系的发展与前景 // 欧亚经济. – 2016. – 33 期. – 页码 85–98.
8. 赵会荣. 白俄罗斯与"–带一路" // 欧亚经济. – 2017. – 4 期. – 页码 44–55.
9. 赵会荣. 中白工业园："–带–路"倡议的重要实践 // 中国与世界. 2017 年. – 2017. – 9 期. – 页码 59–61.
10. 赵会荣. "–带–路"高质量发展与 境外经贸合作区建设 – 以中白工业园为例 // 欧亚经济. – 2019. – 6 期. – 页码 46–63.
11. 李岩, Tatiana Verginskaya. "–带–路"中的明斯克：支点选择与发展前景 // 丝路经济. – 2017. – 7 期. – 页码 84–87.
12. 徐波，朱红缨. "–带–路"背景下的中白经贸合作: 现状与展望 // 浙江树人大学学报. – 2018. – 18(6) 期. – 页码 35–40.
13. 王超，叶天乐. "–带–路"背景下 中白工业园发展研究 // 欧亚伙伴关系. – 2019. – 6 期. – 页码 57–67.
14. 程济达, 郑　旭. 中国 - 白俄罗斯工业园的建设模式及其未来发展 // 现代经济信息. – 2020. – 5 期. – 页码 54–56.
15. 刘志高, 王 涛. 中国境外政府间合作园区多尺度耦合建设机制 – 以中白工业园为例 // 地理学报. – 2020. – 75(6) 期. – 页码 1185 – 1198.
16. 贾云. "丝路经济带"框架下的中白经贸合作分析: 硕士研究生学位论文 // 北京:外交学院. – 2017. – 页码 50.
17. 吴汀亭. 从中白工业园看"–带–路"倡议的前景与挑战: 硕士研究生学位论文 // 北京:外交学院. – 2017. – 页码 84.

Поступила 14.10.2025

CHINESE HISTORIOGRAPHY OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

A. CHEKULAEVA
(Belarusian State University, Minsk)

This article analyzes Chinese academic publications on economic cooperation between the Republic of Belarus and the People's Republic of China from 1992 to the present. Drawing on a wide range of sources, the article identifies Chinese research centers and experts conducting research on this topic, and identifies key thematic areas in this field that are of greatest interest to Chinese authors. It identifies the stages of the formation and development of Belarusian studies in Chinese historiography from 1992 to 2024, as well as factors influencing the frequency of Chinese historiography on this issue. Methodological features of Chinese historiography are highlighted, including interdisciplinarity, connections to public policy, a pragmatic approach, documentary and archival analysis, an institutional approach.

Keywords: *Belarusian-Chinese relations, Chinese historiography of Belarusian-Chinese relations, historiography of economic cooperation between the Republic of Belarus and the People's Republic of China, China-Belarus Industrial Park, One Belt, One Road.*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Магалінскі І.У. Вытворчыя комплексы па апрацоўцы каляровых металаў X–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі 2
Коц А.Л. Знаходкі плінфы на тэрыторыі Полацка 10
Соловьёв А.А. Храм св. Николая в с. Ропно (с. Коллективное): архитектурно-исторический анализ 14
Субоцін А.А. Успаміны Альбрэхта Станіслава Радзівіла як крыніца па гісторыі клімату Усходняй Еўропы першай паловы XVII ст. 23
Некрашевич Ф.А. Особенности формирования рекрутской очереди у государственных крестьян на примере Витебской губернии (1831 – 1861 гг.) 27
Бараненко В.В. Документы советских государственных исполнительных органов как источник справочно-статистической информации по истории Православной церкви на территории Беларуси в 1920 – 1930-е гг. 31
Длугаш Д.А. Генезис польской доктрины «двух врагов», ее развитие в качестве идеологической основы деятельности Союза вооруженной борьбы и Армии крайовой на территории БССР 1939–1942 гг. 36
Ткачев С.А. Отражение карательной деятельности нацистских айнзатцгрупп на территории Беларуси в отечественной историографии 41
Мартинкевич И.А. Историко-правовые основы социальной защиты материнства и детства в БССР (1943–1991 гг.) 46
Лисовская Т.В. Трансформация организационной структуры евангельско-баптистского братства в Беларуси (середина 1960-х – 1991 гг.) 52
Фёдорова К.А. Материалы личного фонда М.Е. Мацепуро как источник по истории науки БССР 58
Шидловский С.О. Формирование представлений о рациональном природопользовании в аграрной публицистике Беларуси XIX – начала XX вв. 64
Внуковіч Ю.І. Архаізацыя вобраза беларусаў у этнаграфічнай літаратуры XIX – пачатку XX стагоддзя 71
Козічава К.Л. Зюзя: гісторыя стварэння, развіцця і перавынаходніцтва міфалагічнага персанажа 79
Швед І.А. Рэцэпцыя абрадаў сямейнага цыкла ў сялянскіх наратывах пра нямецкую нацысцкую акупацыю (на матэрыяле Брэсцкай вобласці) 88
Аўсейчык У.Я. Традыцыйная пахавальная абраднасць старавераў Паўночна-Заходняй Беларусі (на аснове матэрыялаў палявых даследаванняў пачатку XXI ст.) 94
Маркиш А.В. Белорусская народная культура в вернакулярной и этнографической фотографии: сравнительные аспекты 105
Чекулаева А.С. Китайская историография экономического сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики 112